ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВСЕРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ
(РПА МИНЮСТА РОССИИ)

№3 / 2020

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

А.И. Бастрыкин, Председатель Следственного комитета РФ, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Члены редакционного совета:

В.А. Виноградов, заведующий кафедрой конституционного и международного права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

А. Герлох, профессор Карлова университета в Праге (Чехия);

Л. Гоцян, профессор Китайского университета политических наук и права (Китай);

В.А. Гуреев, заведующий кафедрой гражданского процесса и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Н.Г. Иванов, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

М.Н. Илюшина, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Л. Казертано, профессор частного права Университета INSUBRIA (Италия);

А.Г. Кибальник, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь);

И.М. Колосова, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

А.А. Лебедева, заведующая кафедрой иностранных языков ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор филологических наук, профессор (г. Москва);

А.В. Морозов, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.В. Оскамытный, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

А.Ю. Соколов, заведующий кафедрой административного и муниципального права СГЮА, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

П.С. Яни, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России) **О.И. Александрова** (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор **Б.В. Яцеленко** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент **Е.В. Фоменко** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);
М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
А.В. Безруков, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);
Е.Г. Беликов, доктор юридических наук, доцент (г. Саратов);
Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
Д.Х. Валеев, доктор юридических наук, профессор (г. Казань);
О.Н. Волкова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
Р.С. Галиев, кандидат юридических наук (г. Барнаул);
В.В. Гущин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
А.В. Денисова, доктор юридических наук, доцент (г. Самара);
О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);
З.М. Казачкова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
В.И. Красиков, доктор философских наук, профессор (г. Москва);
К.Д. Крылов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
В.В. Кулыгин, доктор юридических наук, профессор (г. Хабаровск);
В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Рязань);
С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Ю.В. Малеванова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
Р.Г. Нурмагамбетов, кандидат юридических наук, доктор философии по праву PhD, доцент (ассоциированный профессор) (г. Челябинск);
Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Казань);
С.В. Расторопов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
А.Г. Репьев, кандидат юридических наук (г. Барнаул);
З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
С.Е. Чаннов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);
С.Ю. Чашкова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
А.Ю. Чупрова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Учредитель издания:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2020

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

HERALD
OF THE RUSSIAN LAW ACADEMY

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL
OF THE ALL-RUSSIAN STATE UNIVERSITY
OF JUSTICE (RLA OF THE MINISTRY
OF JUSTICE OF RUSSIA)

№3 / 2020

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

A.I. Bastrykin, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, doctor of law, professor (Moscow)

Members of the Editorial Board:

A. Gerloch, professor at the Charles University in Prague (Czech Republic);

L. Gotsyan, professor at the China University of Political Science and Law (China);

V.A. Gureev, head of the Civil Process and Organization Bailiff Chair of the All-Russian State University of Justice, doctor of law, professor (Moscow);

M.N. Ilyushina, head of the Civil and Business Law Chair of the All-Russian State University of Justice, doctor of law, professor (Moscow);

N.G. Ivanov, head of the Criminal Law and Criminology Chair of the All-Russian State University of Justice, doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation (Moscow);

L. Kazertano, professor of Private Law at the University INSUBRIA (Italy);

A.G. Kibalnik, head of the Criminal Law and Procedure Chair of the North-Caucasus Federal University, doctor of law, professor (Stavropol);

I.M. Kolosova, head of the Criminal Procedure and Criminalistics Chair of the All-Russian State University of Justice, PhD of law (Moscow);

A.A. Lebedeva, head of the Foreign Languages Chair of the All-Russian State University of Justice, doctor of philology, professor (Moscow);

A.V. Morozov, head of the Informational Law, Information and Mathematics Chair of the All-Russian State University of Justice, doctor of law, professor (Moscow);

V.V. Oskamytny, head of the Theory and History of State and Law Chair of the A. S. Griboedov Institute of International Law and Economics, doctor of law, professor (Moscow);

A.Yu. Sokolov, head of the Administrative and Municipal Law Chair of the Saratov State Law Academy, doctor of law, professor (Saratov);

V.A. Vinogradov, head of the Constitutional and International Law Chair of the All-Russian State University of Justice, doctor of law, professor (Moscow)

P.S. Yani, professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Faculty of Law of the MSU, doctor of law, professor (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor: member of the editorial board, PhD in law, head of the All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: member of the editorial board, doctor of law, professor **B.V. Yatselenko** (Moscow)

Executive Secretary: member of the editorial board, PhD in law **E.V. Fomenko** (Moscow)

Members of the editorial board:

D.A. Avdeev, PhD in law (Tyumen);
M.B. Averin, PhD in law (Moscow);
E.G. Belikov, doctor of law (Saratov);
A.V. Bezrukov, doctor of law (Krasnoyarsk);
E.V. Bogmatsera, PhD in law (Moscow);
S.E. Channov, doctor of law, professor (Saratov);
S.Yu. Chashkova, PhD in law (Moscow);
K.V. Cherkasov, doctor of law (Moscow);
A.Yu. Chuprova, doctor of law, professor (Moscow);
A.V. Denisova, doctor of law (Samara);
R.S. Galiev, PhD in law (Barnaul);
V.V. Gushchin, doctor of law, professor (Moscow);
O.V. Isaenkova, doctor of law, professor (Saratov);
Z.M. Kazachkova, doctor of law, professor (Moscow);
E.B. Kozlova, doctor of law (Moscow);
V.I. Krasikov, doctor of philosophy, professor (Moscow);
K.D. Krylov, doctor of law (Moscow);
V.V Kulygin, doctor of law, professor (Khabarovsk);
V.F. Lapshin, doctor of law (Ryazan);
Yu.V. Malevanova, PhD in law (Moscow);
S.V. Maximov, doctor of law, professor (Moscow);
R.G. Nurmagambetov, PhD in law (Chelyabinsk);
N.A. Podolny, doctor of law (Kazan);
S.V. Rastoropov, doctor of law, professor (Moscow);
A.G. Repev, PhD in law (Barnaul);
Z.B. Soktoev, doctor of law (Moscow);
Yu.G. Torbin, doctor of law, professor (Moscow)
D.Kh. Valeev, doctor of law, professor (Kazan);
O.N. Volkova, PhD in law (Moscow)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующей им отрасли науки: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки), 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право (юридические науки), 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения (юридические науки), 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право (юридические науки), 12.00.07 – Корпоративное право; энергетическое право (юридические науки), 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право (юридические науки), 12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; Европейское право (юридические науки), 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки), 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки), 12.00.13 – Информационное право (юридические науки), 12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки), 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс (юридические науки).

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Казачкова З. М.
Антикоррупционная политика Германии: опыт, достижения, новые направления совершенствования 5

Трофимов Е. В., Гарсиа С. Д.
Антикоррупционное декларирование на публичной службе в России и странах англо-американской правовой традиции 12

Малеванова Ю. В.
Организационно-правовые основы противодействия коррупции на государственной службе стран – участниц СНГ 18

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Скляров С. В.
Соотношение вины в совершении налогового правонарушения и вины в совершении налогового преступления 27

Кулешов Ю. Н.
Обстановка совершения мошенничества при строительстве жилья 32

Перетятько Н. М., Федюнин А. Е.
Реализация права граждан на участие в осуществлении правосудия по уголовным делам: законодательные установления и проблемы правоприменения 40

Соловьев В. С.
Криминологические риски цифросексуализма 47

Урда М. Н.
Концепция управления рисками миграционной преступности 57

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Свирин Ю. А.
Актуальные проблемы примирительных процедур в российском праве 65

Новрузова О. Б.
Влияние цифровизации электроэнергетики на договор энергоснабжения 71

Илюшина М. Н.
Взыскание незаконно полученных доходов: опыт России и зарубежных стран 77

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Баранников М. С.
Соотношение понятий «юридическая помощь» и «юридическая услуга»: общее и частное 84

Чумакова О. В.
О необходимости реформирования государственной системы бесплатной юридической помощи 91

Димитрова Е. А., Ладаускас С. В.
Конкурс научных видеофильмов и презентаций как средство активизации познавательной деятельности студентов вузов: опыт проведения 97

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Барчуков В. К.
Организация порядка сбора и обработки информации правоохранительными органами 102

Горбачев С. А.
О специальных договорных конструкциях и их месте в системе гражданско-правовых договоров 107

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Иванова М. А., Илюшина М. Н., Козлова Е. Б., Фоменко Е. В.
Реализация государственной политики в сфере противодействия коррупции: опыт России и Китая (об итогах российско-китайской конференции) 115

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Zemfira M. Kazachkova
Anti-Corruption Policy in Germany: Experience, Achievements, and the New Areas of Development 6

Egor V. Trofimov, Svetlana D. Garsia
Anti-Corruption Declaration on the Public Service in Russia and the Countries of the Anglo-American Legal Tradition 12

Yulia V. Malevanova
Organizational and Legal Framework for Countering Corruption in the Public Service of the CIS Member States 18

PUBLIC LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Sergey V. Sklyarov
Ratio of the Guilt of a Tax Offence and the Guilt of a Tax Crime 27

Yuri N. Kuleshov
Crime Situation for Fraud in Housing Construction 33

Natalia M. Peretyatko, Anton E. Fedyunin
Implementation of the Right of Citizens to Participate in the Administration of Justice in Criminal Cases: Legislative Provisions and Problems of Law Enforcement 41

Vladislav S. Solovyov
Criminological Risks of Digisexuality 47

Margarita N. Urda
Concept of Migration Crime Risk Management 58

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Yury A. Svirin
Current Issues of Conciliation in Russian Law 65

Olga B. Novruzova
Influence of Electricity Digitalization on Implementation (Participants of the Party or Subjects) of the Power Supply Agreement 71

Marina N. Ilyushina
Recovery of Illegally Obtained Income: Experience of Russia and Foreign Countries 77

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Maxim S. Barannikov
Correlation Between the Concepts of "Legal Aid" and "Legal Service": General and Specific 84

Olga V. Chumakova
On the Need for Reforming the State System of Free Legal Assistance 91

Elena A. Dimitrova, Sergey V. Ladauskas
Competition of Scientific Videos and Presentations as a Means of Activating the Cognitive Activity of University Students: Experience of Carrying Out 98

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Vadim K. Barchukov
Organization of the Procedure for Collecting and Processing Information by Law Enforcement Agencies 102

Sergei A. Gorbachev
On Special Contractual Structures and Their Position in the System of Civil Law Contracts 107

REVIEWS, PERSONALITIES

Marina A. Ivanova, Marina N. Ilyushina, Elena B. Kozlova, Elena V. Fomenko
Implementation of State Policy in the Field of Anti-Corruption: Experience of Russia and China (on the Results of the Russian-Chinese Conference) 116

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ: ОПЫТ, ДОСТИЖЕНИЯ, НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ*

КАЗАЧКОВА
Земфира Мухарбиевна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

zem7900@yandex.ru

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-5-11

Актуальность данной проблемы состоит в возможности и необходимости обобщения ключевых вех в развитии антикоррупционной политики в Германии, где уже достигнуты эффективные результаты в различных сегментах противодействия коррупции. Германское право, являясь разновидностью романо-германской правовой семьи, основывается и развивается исходя из приоритета личности и права частной собственности. Россия и Германия сохраняют нормальные межгосударственные отношения даже в условиях санкций. Исторически сложились устойчивые экономические отношения между государствами; существуют совместные крупные инвестиционные проекты, сотрудничество между отдельными предпринимательскими структурами. В этих условиях актуализируются вопросы согласования стандартов и инструментов антикоррупционных политик, инструментов, правовых и этических норм по всему спектру взаимоотношений. Есть еще один немаловажный аспект проблемы – необходимость изучения передовых антикоррупционных практик Германии, а в случае необходимости и их внедрения в национальную систему противодействия коррупции. Исследуются методы достижения существенных результатов реализации антикоррупционной политики за счет точного учета результатов антикоррупционного мониторинга и аудита, внедрения антикоррупционных стандартов в сферу государственной службы. Анализируются направления эффективного сотрудничества различных правоохранительных органов, ответственных за проведение антикоррупционной политики. В центре авторского внимания два крупных сегмента новой антикоррупционной политики в Германии: сферы здравоохранения и миграционных отношений. Показано, какие правовые средства используются в ответ на угрозы, обнаруженные в сфере здравоохранения, а также в миграционной сфере. Рассмотрены вопросы логики, институциональной истории, достижений и поражений в формировании и реализации антикоррупционной политики. Изучен понятийный аппарат проблемы, показано его универсальное значение для различных организационно-правовых моделей охраны здоровья и проведения антикоррупционной миграционной политики. Цель данной статьи состоит в том, чтобы исследовать диалектику задач и инструментов антикоррупционной политики в Германии, вскрыть причины, обусловившие необходимость проведения данной политики в сфере здравоохранения и миграционных отношений, показать сложности выработки универсального понятийного аппарата данной темы на основе изучения оригинальных зарубежных источников. Предметом настоящей статьи являются комплексная проблема надлежащего формирования антикоррупционной политики в Германии, проблемы институционализации политики. Изучены российские и зарубежные источники, приведены статистические данные, на основе применения спектра общих и специальных методов юридического анализа

Коррупция;
здравоохранение;
взяточничество;
конфликт интересов;
миграция;
уголовное законодательство

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках реализации научного проекта № 19-011-00729А «Развитие антикоррупционного законодательства в сфере государственного управления».

экстраполированы возможные направления развития антикоррупционной политики российского государства в данном сегменте общественных отношений. В статье прослеживаются логика, эндогенные и экзогенные факторы, повлиявшие на модели антикоррупционной политики в сферах здравоохранения и миграционных отношений в зарубежных странах. Затронуты антикоррупционные аспекты развития фармацевтической отрасли. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания, в том числе диалектический метод, методы формальной логики, включая анализ, синтез, индукцию, дедукцию; системный подход, сравнительно-правовой и сравнительно-исторические методы, а также формально-догматический, описание и сравнение. Новизна данной статьи состоит в исследовании правовых и институциональных основ становления и развития антикоррупционной политики в сфере здравоохранения и миграционных отношений в Германии. В статье сделаны выводы относительно существенного потенциала антикоррупционной политики в сферах здравоохранения и миграционных отношений как важного сегмента государственной антикоррупционной политики.

Zemfira M. KAZACHKOVA
Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Administrative and Financial Law, All-Russian State University of Justice (Moscow)
zem7900@yandex.ru

Corruption; health care; bribery; conflict of interest; migration; criminal law

ANTI-CORRUPTION POLICY IN GERMANY: EXPERIENCE, ACHIEVEMENTS, AND THE NEW AREAS OF DEVELOPMENT*

The relevance of this problem consists in the possibility and necessity of summarizing the key milestones in the development of anti-corruption policies in Germany, where effective results have already been achieved in various segments of the combat against corruption. Russia and Germany belong to the same legal family and maintain normal interstate relations even under sanctions. Stable economic relations between states have historically developed; there are joint large investment projects, cooperation between individual business entities. In these conditions, the issues of harmonization of standards and instruments of anti-corruption policies, instruments, legal and ethical norms across the entire spectrum of relations are being updated. There is another important aspect of the problem – the need to study the best anti-corruption practices in Germany, and, if necessary, their implementation in the national system of anti-corruption policy. Methods of achieving significant results of the implementation of anti-corruption policies are studied by accurately taking into account the results of anti-corruption monitoring and auditing, and introducing anti-corruption standards in the public service sphere. The directions of effective cooperation of various law enforcement agencies responsible for conducting anti-corruption policies are analyzed. The focus of the author's attention reflects two large segments of new anti-corruption policy in Germany, the sphere of health care and the field of migration relations. The questions of logic, institutional history, achievements and defeats in the formation and implementation of anti-corruption policies are examined. The conceptual apparatus of the problem is considered, its universal significance for various organizational and legal models of health protection and the implementation of anti-corruption migration policy is shown.

* The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-011-00729A "Development of Anti-Corruption Legislation in Public Administration".

The purpose of this article is to investigate the system of the tasks and tools of anti-corruption policy in Germany, to investigate the difficulties of developing a universal conceptual apparatus of this topic based on the study of original foreign sources. The subject of this article is the complex problem of the proper formation of an anti-corruption policy in Germany, the problems of institutionalization of health policy; migration relations. Russian and foreign sources have been studied in this field. The article tested the logic, endogenous and exogenous factors that determined the model of anti-corruption policies in Germany. The anti-corruption aspects of the development of the pharmaceutical industry are affected. The methodological basis of the study consists of general scientific and special methods of research, including the dialectical method, methods of formal logic, including analysis, synthesis, induction, deduction; a systematic approach, comparative legal and comparative historical methods, as well as formal dogmatic, description and comparison. The novelty of this article is a study of the legal and institutional foundations of the formation and development of anti-corruption policies in the field of health and migration relations in Germany. The article draws conclusions regarding the substantial potential of the anti-corruption policy in the field of healthcare and migration relations as important segments of the state anti-corruption policy.

Германия занимает лидирующие позиции в мире по борьбе с коррупцией, создав хорошую репутацию благодаря своим усилиям в самых разных сегментах антикоррупционной политики. Хотя в «Индексе восприятия коррупции», ежегодно составляемом *Transparency International*, Германия занимает 9-е место, следует отметить, что еще в 2018 г. Германия занимала 11-е место в этом рейтинге, т.е. усилия в этом направлении являются результативными [1].

Германия обладает развитым антикоррупционным законодательством, зрелой политической системой, сложившимися традициями просветительской работы, опытом последовательного совершенствования законодательства и обновления организационно-правовых основ осуществления антикоррупционной политики.

Правоохранительная система Германии является составной частью реализации принципов правового государства в ФРГ и направлена на защиту положений Основного закона. Система правоохранительных органов Германии состоит из двух частей: аппарата юстиции и органов общественной безопасности и порядка. Как писал глубокий знаток германской правовой системы А. Н. Соколов, «юстиция становится в настоящее время носительницей идеологии» [2, с. 210].

Судебная система, прокуратура, органы общественной безопасности и порядка – все вовлечены в процесс формирования и реализации антикоррупционной политики. Судебная система абсолютно прозрачна, преступления коррупционной направленности в этой сфере отсутствуют. Контроль происходит на уровне сверки информации о доходах и расходах, информации службы внутренней безопасности. Всю эту работу координируют министерства юстиции федеральных земель и Министерство юстиции ФРГ.

Разрабатывая законопроекты, проекты правовых предписаний для правительства, Министерство юстиции ФРГ и министерства юстиции федеральных земель решающим образом участвуют в том числе в разработке и реализации антикоррупционной политики.

Органы общественной безопасности и порядка представлены полицией, спецслужбами, федеральной пограничной службой, таможенной службой.

Федеральное управление уголовной полиции ФРГ собирает сведения и документы для борьбы с преступностью, в том числе коррупционной направленности.

Подбор и расстановка кадров в правоохранительной системе – настолько отлаженный механизм, что изначально отторгаются любые коррупционные риски; система государственного управления в Германии почти полностью исключает саму потенциальную возможность коррупционного поведения. Так, профессиональные судьи в ФРГ – это особый, верный государству и долгу, лояльный системе слой очень высоко оплачиваемых государственных служащих [2, с. 219].

Высокий статус государственных служащих в Германии не только означает большой круг обязанностей, в том числе соблюдение этических и профессиональных стандартов, но и включает в себя значительный социальный пакет, доверие со стороны государства и гражданского общества. Злоупотребить доверием – значит потерять весь профессиональный и человеческий капитал навсегда.

Немаловажную роль играет традиционно сильная и устойчивая система юридического образования в Германии, которое является бесплатным, сложным по количеству государственных экзаменов (два на разных ступенях получения юридического образования в системе специалитета). Государство осторожно относится к реформам в этой сфере, ведь проводниками антикоррупционной политики являются в первую очередь именно юристы.

Опыт Германии привлекает внимание наличием последовательности, стратегии и тактики в выработке эффективных антикоррупционных регуляторов с адекватной реакцией на новейшие и наиболее уязвимые сегменты общественных отношений с точки зрения коррупционной составляющей. Как правило, этот процесс приобретает системный характер, затрагивает изменения в законодательстве, характеризуется поиском новых форм сотрудничества между государством и гражданским обществом.

В методологическом плане исследование данной темы связано с рядом гносеологических трудностей.

Это прежде всего особенности германского административно-деликтного законодательства [3, с. 159–160]; специфика построения системы ответственности юридических лиц в германском праве [4]; особенности юридической грамматики антикоррупционного законодательства Германии.

Германия ратифицировала Конвенцию ОЭСР о борьбе со взяточничеством и Конвенцию ООН против коррупции; подписала конвенции Совета Европы о гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности против коррупции. Внедрены все основные международные антикоррупционные стандарты.

Вместе с тем Германия обладает рядом обязательств, вытекающих из ее членства в Европейском Союзе, но и этот опыт интересен с точки зрения экстраполяции сценариев развития международного сотрудничества России в данной сфере с государствами – членами Евразийского Союза. Так, именно этим обстоятельством обусловлены обновление германского законодательства в части борьбы с коррупцией за рубежом; частое обновление норм в связи с противодействием отмыванию денег, полученных преступным путем.

Антикоррупционное законодательство Германии – это система правовых норм, сконцентрированных главным образом в Уголовном кодексе Федеративной Республики Германия (далее – УК ФРГ) и в Законе об административных правонарушениях ФРГ.

В разд. 26 «Преступные деяния против конкуренции» УК ФРГ установлены нормы, одновременно направленные на защиту конкуренции и обеспечивающие надлежащий антикоррупционный правопорядок: это нормы, противодействующие ограничению конкуренции и согласованных действий в конкурсах товаров и услуг (§ 298).

В 1997 г. вступил в силу Закон о борьбе с коррупцией с одновременным внесением изменений в УК ФРГ. Был расширен перечень коррупционных преступлений: получение и дача взятки в хозяйственном (деловом) обороте (§ 299).

Раздел 30 «Должностные преступные деяния» УК ФРГ содержит регламентацию таких составов, как получение выгоды (§ 331); получение взятки (§ 332); предложение, обещание, предоставление выгоды (§ 333); дача взятки (§ 334): особо тяжкие случаи получения и дачи взятки (§ 335) [5].

С точки зрения юридической техники построения структуры Особенной части УК ФРГ этот порядок расположения норм интересен не только с точки зрения дифференциации составов по признаку различения должностных и иных лиц, не относимых германским законом к данной категории, но и в связи с той существенной ролью, которая придается в Германии традиционно, еще со времен Л. Эрхарда, правовой защите конкуренции.

Само понятие должностного лица содержится в § 11 Общей части УК ФРГ: должностным лицом является тот, кто (а) является чиновником или судьей; (б) связан прочими государственно-правовыми отношениями по должности или, кроме того, (в) в органе власти или любом другом учреждении выполняет задачи государственного управления или по их поручению без ущерба для выполнения задач выбранной организационной формы.

Субъектом указанных выше преступных деяний могут быть не только должностные, но и иные лица, например лица, специально уполномоченные на выполнение публичных обязанностей, адвокаты, граждане, являющиеся субъектами дачи взятки, и т.д. [6, с. 63–65].

В единой системе правовых средств, направленных на борьбу с коррупцией, особое место занимает законодательство, направленное против отмывания денежных и иных средств, добытых преступным путем.

В 2019 г. бундестаг ФРГ усилил меры в данной области, обязав участников сделок с недвижимостью, драгоценными металлами, криптовалютой, аукционные дома соблюдать строгие антикоррупционные правила.

При этом в § 261 «Отмывание денег, сокрытие неправомерно полученных имущественных ценностей» УК ФРГ, являющийся частью разд. 21 «Укрывательство и скупка краденого», изменения вносились чаще, чем в другие нормы УК ФРГ: это обстоятельство ранее отмечалось исследователями [7].

Закон также расширил возможности германских властей по привлечению к ответственности за взяточничество за рубежом. В настоящее время под данный Закон подпадают правонарушения государ-

ственных служащих, участвующих в гражданско-правовых сделках, члены парламента, должностные лица наднациональных структур.

Как следствие, количество дел, получивших большой резонанс в связи с взяточничеством за рубежом, в последние несколько лет неуклонно возрастало. В соответствии с данным Законом активный и пассивный подкуп сотрудников или агентов компании является преступным деянием, даже если эти действия не связаны с антиконкурентными действиями.

Компании могут быть привлечены к административной ответственности за коррупционные правонарушения, совершенные их представителями в соответствии с Законом об административных правонарушениях. Сюда относятся также случаи, когда лица, наделенные управленческими функциями, намеренно или по небрежности игнорируют установленные служебные обязанности по применению надзорных мер, предназначенных для предотвращения преступной деятельности. Штрафы могут составлять до 10 млн евро за каждое умышленное уголовное преступление и до 5 млн евро за каждое уголовное преступление, совершенное по небрежности [8].

В последнее время на первый план в антикоррупционной политике Германии вышли две ключевые области: здравоохранение и сфера миграционных отношений. В выступлении Генерального прокурора федеральной земли Саксония г-на Блюма 3 ноября 2019 г. в рамках российско-германской научно-практической конференции «Интеграция права и унификация национальных законодательств», организованной Всероссийским государственным университетом юстиции (РПА Минюста России) и Дрезденским техническим университетом, было подчеркнуто то особое значение, которое придается именно этим двум направлениям антикоррупционной политики.

В 2016 г. борьба с коррупцией в сфере здравоохранения усилилась на основе двух новых статей, введенных в УК ФРГ, двух новых составов, регламентированных § 299a и 299b УК ФРГ. Интересно обратить внимание на то, что обе эти статьи расположены в разд. 26 «Преступные деяния против конкуренции», а не в разд. 30 «Должностные преступные деяния» УК ФРГ.

Иными словами, эти статьи регламентируют правовые последствия деяний, совершаемых лицами, которые не отнесены к числу должностных лиц.

Эти положения актуализировали целый ряд юридических мероприятий, направленных на поддержание надлежащего правопорядка во всех звеньях современной индустрии предоставления медицинских услуг, включая аффилированные с этим фармацевтические компании, сектор закупок, договорные инструменты, сферу медицинского страхования и международного сотрудничества.

Закон позволяет проводить расследования в случаях возникновения подозрений о возможности наличия коррупционных нарушений, в том числе в любой сфере, включая сбыт, контракты, медицинскую практику, аптечную сеть и фармацевтические компании. Как следствие, усиливается значение внутрифирменного комплаенса, направленного на предотвращение коррупционных рисков.

Основные причины столь пристального внимания к данной отрасли кроются не только в ведущей роли этой отрасли для благополучия граждан и государства, в необходимости поддержания надлежащего правопорядка в отрасли, традиционно являющейся передовой по критериям предоставления высокотехнологичных медицинских услуг. Речь идет о защите конкуренции, естественных и социальных прав пациентов, о предотвращении колоссального ущерба, наносимого коррупцией.

До внесения данных поправок из-за правовых пробелов во многих случаях субъекты медицинской деятельности рисковали только штрафами или санкциями, установленными в специальном законодательстве.

14 апреля 2016 г. в уголовное законодательство было введено две статьи: § 299a (получение взятки в сфере здравоохранения), а также § 299b (дача взятки в сфере здравоохранения). Субъектом состава, регламентированного § 299a, является представитель медицинской профессии, обладающий специальным образованием, профессионально занимающийся медицинской деятельностью.

Объективная сторона данного состава аналогична основному составу получения взятки (§ 331).

Вместе с тем «специфика состоит в том, что, получая взятку, представитель медицинской профессии совершает в интересах дающего взятку лица определенные действия при назначении лекарственных препаратов, целебных или вспомогательных средств или медицинских продуктов, при приобретении лекарственных препаратов, вспомогательных средств или медицинских продуктов, предназначенных для непосредственного применения представителями медицинской профессии или их персоналом, действующим на профессиональной основе, или при направлении пациентов или препаратов для медицинского исследования недобросовестно окажет предпочтение другому лицу в условиях национальной или международной конкуренции» [5].

Таким образом, данные нормы препятствуют установлению фармацевтическими компаниями стимулирующих премий и иных преференций врачам, побуждающих их к назначению определенных лекарственных средств, с выгодой не для здоровья пациентов, а с корыстными мотивами медицинских работников и фармацевтического бизнеса.

Такой подход положен и в основу антикоррупционного контроля поставок медицинских инструментов или любых других изделий медицинского

назначения, в том числе имплантатов, протезов, медицинской техники.

Внимание обращается на проблемы маршрутизации пациентов, которые нередко намеренно направляются к другим специалистам не для уточнения диагноза, а для повышения коммерческого результата медицинской клиники.

В медицинской сфере Германии актуализировалась необходимость отслеживания, предотвращения ятрогенных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг и врачебными ошибками.

Для получения взвешенной, точной оценки при возникновении споров существенное значение имеет экспертное мнение.

Второй крупный сектор особого внимания правоохранительных органов ФРГ – миграционная сфера. Нелегальная миграция представляет собой особую проблему для всего немецкого общества, для состояния правопорядка, для динамики рынка труда и систем социального страхования.

Германия активно борется с незаконным въездом и проживанием мигрантов. Эти усилия тесно связаны с борьбой с нелегальной занятостью, так как именно надежда на нелегальную занятость увеличивает стимул для въезда в страну нелегально.

В мае 2006 г. в Германии был создан Объединенный центр анализа и политики, исследующий тенденции развития миграции.

Аналитические исследования независимых институтов в сочетании с налаженной работой правоохранительных органов – ключ к решению сложнейших задач в миграционной сфере.

Антикоррупционная политика в сфере миграционных отношений реализуется усилиями органов государственной власти; всей системой правоохранительных органов. Органы внутренних дел, миграционные ведомства, таможенные и финансовые органы на федеральном уровне, на уровне земель предотвращают преступления в данной сфере. При разработке миграционной политики решающее значение по-прежнему имеет принятие эффективных мер по пресечению нелегальной иммиграции. Эффективная политика в отношении возвращения и предотвращения контрабанды и торговли людьми является важной частью этих усилий.

Все эти направления антикоррупционной политики защищены конституционными установлениями, в том числе и информационная составляющая.

Кроме нормативных регуляторов в проведении антикоррупционной политики большую роль играют этические кодексы, которые также должны неукоснительно соблюдаться.

В Германии действует Закон о свободе информации, но некоторые государственные органы применяют этот Закон очень ограниченно и задерживают или запрещают разглашение информации.

Организации гражданского общества работают в Германии без ограничений, и только группы, которые активно борются против свободных демократических ценностей, могут быть запрещены.

Германия входит в число стран, законодательно обеспечивающих права заявителей о коррупции, информаторов. И хотя в большинстве случаев данная информация не подтверждается, тем не менее правоохранительные органы исследуют данный ресурс для принятия правовых решений.

По сути, в Германии мы наблюдаем в известной мере эффективное решение проблемы, о которой писал в одной из своих работ Ю. Н. Старилов: «…и государство, и гражданское общество должны сегодня освободиться от плохих «инстинктов», которые, с одной стороны, характеризуют государство, а с другой – делают гражданское общество безынициативным, нетребовательным, апатичным, не способным на деле контролировать государственную власть» [9, с. 280].

Каковы главные факторы, формирующие прочные и стабильные условия для проведения эффективной антикоррупционной политики?

На наш взгляд, это факторы, относящиеся к балансу права и политики, а точнее сказать, к правовой и политической культуре; это система подбора и расстановки кадров не только по профессиональным, но и по моральным качествам каждого нового претендента на получение позиции в служебной деятельности, в правоохранительной системе.

Центром тяжести работы правоохранительных органов Германии является превентивная деятельность – вот почему в деятельности правоохранительных органов нет задачи покарать, а есть задача предупредить, просветить, проинформировать, досконально знать свой участок работы.

Мощный противодействующий фактор кроется в самой политической системе Германии. Смена политического руководства автоматически не влечет смену администрации. Политическая и административная составляющие общественной жизни индифферентны друг к другу. Напротив, система функционирует таким образом, чтобы исключить конфликт интересов, порождающий коррупционные риски. Стремление правовой системы состоит в поддержании защищенности каждого элемента системы от коррупционных рисков. Другими словами, новый министр ни при каких обстоятельствах не сможет привести свою команду, сменив предыдущую.

Пристатейный библиографический список

1. Germany Corruption Rank // Trading Economics : сайт. URL: https://tradingeconomics.com/germany/corruption-rank (дата обращения: 23.08.2020).

2. *Соколов А. Н.* Правовое государство : от идеи до ее материализации. Калининград : Янтарный сказ, 2002.

3. *Майле А. Д., Старостин С. А.* Особенности германского административно-деликтного законодательства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 1.

4. Законодательство и правоприменение по предмету Конвенции о криминальной ответственности за коррупцию в ЕС, СНГ и иных странах. Уголовная ответственность юридических лиц // Трансперенси Интернешнл : сайт. URL: https://transparency.org.ru/research/LEGISLATION_AND_LAW_ENFORCEMENT.pdf (дата обращения: 23.08.2020).

5. German Criminal Code (Strafgesetzbuch – StGB) // Gesetze im Internet : сайт. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/ (дата обращения: 23.08.2020).

6. *Серебренникова А. В.* Должностные преступные деяния по УК Германии : общая характеристика // Colloquium-journal. 2017. № 11-3 (11).

7. *Уманский А. В., Маркунцов С. А.* Основные тенденции изменений уголовно-правовых запретов Особенной части Уголовного кодекса Германии // КиберЛенинка : сайт. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-izmeneniy-ugolovno-pravovyh-zapretov-osobennoy-chasti-ugolovnogo-kodeksa-germanii/viewer (дата обращения: 23.08.2020).

8. Healthcare and Pharmaceutical Industry Are Falling into a "Corruption Trap": The Bundestag Passed a Law Combating Corruption in the Healthcare Sector // Lexology : сайт. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=eaf63ced-4a22-44df-91f3-00a6c2b4d3d6 (дата обращения: 23.08.2020).

9. *Старилов Ю. Н.* Из публикаций последних лет : воспоминания, идеи, мнения, сомнения. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2010.

References

1. Germany Corruption Rank. URL: https://tradingeconomics.com/germany/corruption-rank (date of the application: 23.08.2020).

2. *Sokolov A. N.* Legal State: From Idea to its Materialization. Kaliningrad: Iantarnyi skaz, 2002.

3. *Maile A. D., Starostin S. A.* Features of the German Administrative-Tort Legislation. *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MSLA)*. 2018. No. 1.

4. Legislation and Enforcement on the Subject of the Criminal Law Convention on Corruption in the EU, CIS and Other Countries. Criminal Liability of Legal Entities. URL: https://transparency.org.ru/researchLegislation_and_Law_Enforcement.pdf (date of the application: 23.08.2020).

5. German Criminal Code (Strafgesetzbuch – StGB). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/ (date of the application: 23.08.2020).

6. *Serebrennikova A. V.* Official Criminal Acts Under the Criminal Code of Germany: General Characteristics. *Colloquium-journal*. 2017. No. 11-3 (11).

7. *Umanskii A. V., Markuntsov S. A.* Main Trends of Changes in Criminal Law Prohibitions of the Special Part of the Criminal Code of Germany. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-izmeneniy-ugolovno-pravovyh-zapretov-osobennoy-chasti-ugolovnogo-kodeksa-germanii/viewer (date of the application: 23.08.2020).

8. Healthcare and Pharmaceutical Industry Are Falling into a "Corruption Trap": The Bundestag Passed a Law Combating Corruption in the Healthcare Sector. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=eaf63ced-4a22-44df-91f3-00a6c2b4d3d6 (date of the application: 23.08.2020).

9. *Starilov Iu. N.* From Publications of Recent Years: Memories, Ideas, Opinions, Doubts. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University, 2010.

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ДЕКЛАРИРОВАНИЕ НА ПУБЛИЧНОЙ СЛУЖБЕ В РОССИИ И СТРАНАХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ*

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-12-17

Правовое регулирование антикоррупционного декларирования на публичной службе не лишено недостатков, которые становятся очевидными из-за вовлечения в процесс декларирования миллионов служащих по всему миру. В настоящей статье исследуется правовое регулирование антикоррупционного декларирования с целью выявить различия в таком регулировании в России и странах англо-американской правовой традиции. Исследование выполнено с использованием сравнительно-правовой методологии на основе законодательства России, США, Великобритании, Канады, Сингапура, Гонконга, Малайзии и Филиппин. Новизну исследования составляет сравнение российского и зарубежного правового регулирования антикоррупционного декларирования по таким показателям, как объекты декларирования, проверка и обнародование деклараций. Российский опыт отличается от регулирования в названных странах, имеющего служебно-этическую направленность. Опыт упомянутых стран перспективен для укрепления в российском обществе института общественного контроля; он позволяет в большинстве случаев исключить раскрытие информации о семье служащего, поскольку личные и семейные интересы сами по себе не затрагивают публичную сферу. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании российского законодательства.

ТРОФИМОВ
Егор Викторович

доктор юридических наук,
доцент, заместитель
директора по научной работе
Санкт-Петербургского института
(филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Санкт-Петербург)

diterihs@mail.ru

ГАРСИА
Светлана Дмитриевна

адвокат Санкт-Петербургской
городской коллегии адвокатов
(г. Санкт-Петербург)

svetlana-garcia@yandex.ru

**Противодействие коррупции;
декларирование;
публичная служба;
служебная этика;
компаративистика**

ANTI-CORRUPTION DECLARATION ON THE PUBLIC SERVICE IN RUSSIA AND THE COUNTRIES OF THE ANGLO-AMERICAN LEGAL TRADITION**

Egor V. TROFIMOV

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Research, St. Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (St. Petersburg)

diterihs@mail.ru

Svetlana D. GARSIA

Lawyer, St. Petersburg City Bar Association (St. Petersburg)

svetlana-garcia@yandex.ru

The legal regulation of anti-corruption declaration in the public service is not devoid of shortcomings, which become obvious due to the involvement of millions of employees around the world in the declaration process. This article examines the legal regulation of anti-corruption declaration in order to identify the differences in such regulation in Russia and countries of the Anglo-American legal tradition. The study was carried out using a comparative legal methodology based on the legislation of Russia, the USA, the UK, Canada, Singapore, Hong Kong, Malaysia, and the Philippines. The novelty of the study is the comparison of Russian and foreign legal regulation of anti-corruption declaration in terms of such indicators as objects of declaration, verification and publication of declarations. The Russian experience differs from the regulation in these countries, which has a service and ethical focus. The experience of the aforementioned countries is promising for strengthening the institution of public control in Russian society; in most cases, it makes it possible to exclude disclosure of information about an employee's family, since personal and family interests do not in themselves affect the public sphere. The research results can be used to improve Russian legislation.

**Anti-corruption;
declaring;
public service;
government ethics;
comparative studies**

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках реализации научного проекта № 19-011-00729А «Развитие антикоррупционного законодательства в сфере государственного управления».

** The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-011-00729A "Development of Anti-Corruption Legislation in Public Administration".

Антикоррупционное декларирование на публичной службе широко распространилось в мире благодаря интернационализации механизмов противодействия коррупции. В литературе имеется немало трудов, в которых выполнен обзор и дан анализ антикоррупционного декларирования в России и зарубежных странах [1, с. 9–18; 2, с. 249–254; 3, с. 5–25; 4, с. 5–7], однако данная тема сохраняет актуальность, поскольку недостатки в правовом регулировании декларирования тем заметнее, чем больше служащих обнаруживает их в реальной жизни. Антикоррупционное декларирование может иметь разнообразное правовое оформление в национальных юрисдикциях, поэтому в настоящей статье поставлена цель проанализировать российский опыт правового регулирования контексте опыта стран, придерживающихся англо-американского подхода как исторически первого опыта декларирования, основанного на этической парадигме.

Из п. 5 ст. 8 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. [5] следует, что декларирование рассматривается в качестве составной части этики публичной службы, а сама служебная этика включается в систему средств предупреждения коррупции. Этический подход к глобальному регулированию антикоррупционного декларирования хорошо виден уже в Международном кодексе поведения государственных должностных лиц 1996 г. [6], ст. 8 которого оговаривает декларирование для публичных должностных лиц.

В разных странах объем декларируемых сведений существенно различается. Пункт 5 ст. 8 Конвенции ООН против коррупции предусматривает представление публичными должностными лицами соответствующим органам деклараций, среди прочего, о внеслужебной деятельности, занятиях, об инвестициях, активах и о существенных дарах или выгодах, в связи с которыми может возникать коллизия интересов в отношении их функций в качестве публичных должностных лиц. Однако такой широкий перечень объектов декларирования в национальной практике встречается довольно редко.

Например, в США [7] детально декларируются доходы, сделки, долги и занятость. Расходы не считаются самостоятельным объектом декларирования, но они охватываются декларированием сделок, а имущество декларируется только в связи с доходом или иным имущественным интересом либо совершенной сделкой. От декларирования освобождены имущественные интересы и аффилиация, являющиеся обычными и потому не представляющие публичного интереса.

В Великобритании для членов парламента [8; 9] декларируются доходы, ожидаемые доходы, подарки и пожертвования, выплаты и поездки за границу в связи с замещаемой должностью или политической деятельностью, недвижимое имущество, акции и регулируемые транзакции. В Сингапуре [10] декларируются инвестиции, недвижимость, ценные бумаги и финансовые обязательства служащего, его супруга и финансово зависимых детей. В Гонконге [11] декларируются инвестиции, акции, недвижимое имущество в Гонконге или за его пределами, ценные бумаги, фьючерсы и опционы. На Филиппинах [12] декларируются недвижимое имущество и его улучшения, движимое имущество и иные активы, в том числе инвестиции, наличные и безналичные денежные средства, акции и облигации, а также обязательства, доли в капиталах компаний и финансовые связи. В Малайзии [13] объектами декларирования являются недвижимое имущество, в том числе земельные участки, бизнес членов семьи, транспортные средства, наличные и безналичные денежные средства, доли участия в компаниях, акции и облигации, лицензии и разрешения, ювелирные украшения. Декларирование доходов и расходов в Сингапуре, Гонконге, Малайзии и на Филиппинах как таковое не предусмотрено.

В Канаде [14; 15; 16] декларируются доходы от бизнеса, сведения о фермерских хозяйствах, недвижимости и ином имуществе, находящемся в собственности. Не подлежит публичному декларированию имущество, которое используется служащим и членами его семьи для личных нужд, а также имущество, которое не используется для извлечения прибыли.

В названных странах доходы и занятость на публичной службе не декларируются, так что декларирование носит исключительно неслужебный характер. Декларации размещаются в публичном доступе. В США уполномоченные должностные лица могут разрешить проверку любого отчета, в том числе по обращению любого лица, однако сплошная проверка отчетов законом не предусмотрена. Однако отсутствие обязательной проверки деклараций, учитывая их размещение в публичном доступе, необходимо для США анализировать системно – в связи с такими эффективными институтами, как налоговый контроль [17, с. 122–128] и общественный контроль [18, с. 155–171].

В Великобритании и Канаде проверка деклараций не производится. На Филиппинах специальная проверка не предусмотрена, но декларант прилагает справки от компетентных учреждений, подтверждающие задекларированные сведения.

Вышеуказанный подход к декларированию сложился до глобализации института антикоррупционного декларирования проблемы (т.е. до 1990-х гг.) и в настоящее время используется, в частности, в США, Великобритании, Канаде, Сингапуре, Гонконге, Малайзии и на Филиппинах, т.е. в странах с сильным влиянием правовой системы общего права. Однако точнее назвать такой подход служебно-этическим, поскольку проводники такого подхода сами позиционируют данный институт как часть служебной этики.

Для этого подхода в целом характерны:

1) широкий перечень и детализированное описание объектов декларирования (доходных источников, сделок, обязательств, занятости);

2) неслужебный характер объектов декларирования (занятость на публичной службе и доходы от нее не декларируются);

3) отсутствие привязки объектов декларирования к объектам налогообложения (налоговым обязательствам);

4) изъятие из декларирования объектов жизненного стандарта обывателя (личное жилье и транспорт, сделки и обязательства в отношении членов семьи и т.п.);

5) личный (нерегистровый) характер раскрываемых сведений, т.е. отсутствие привязки информации к официальным регистрам (доходов, имущества, обязательств, акций, сделок и т.п.);

6) доступность деклараций для сведения общественности;

7) отсутствие сплошной официальной проверки деклараций.

Этот подход ориентирован на предание гласности неслужебной активности публичных должностных лиц, выходящей за обычные рамки, в пределах которых жизнь служащих не представляет публичного интереса.

В России антикоррупционное декларирование было введено п. 3 указа Президента РФ от 4 апреля 1992 г. № 361 [19], который установил для государственных служащих представление при назначении на руководящую должность декларации о доходах, движимом и недвижимом имуществе, вкладах в банках и ценных бумагах, а также об обязательствах финансового характера. Обнародование таких деклараций не предусматривалось.

На протяжении 1994–1999 гг. были закреплены нормативные положения, предусматривавшие декларирование в адрес налоговых органов и (или) кадровых служб соответствующих органов публичной власти доходов, имущества и обязательств публичных служащих [20, ст. 12; 21; 22, ст. 12]. Объектами декларирования являлись доходы, недвижимое имущество, транспортные средства, денежные средства на счетах в кредитных организациях, ценные бумаги, доли участия в коммерческих организациях, а также обязательства, под которыми понимались права пользования недвижимым имуществом и срочные обязательства финансового характера на сумму, превышающую 100-кратный размер минимальной оплаты труда.

Вместе с тем данные сведения носили конфиденциальный характер, и общественность могла получить доступ к декларационным показателям только в редких случаях. Так, ст. 10 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ [23] предусматривала обнародование только информации о нарушениях, выявленных налоговыми органами в результате проверки деклараций депутатов обеих палат Федерального Собрания. Указ Президента РФ от 15 мая 1997 г. № 484 предписывал передавать общероссийским средствам массовой информации по их запросу только в отношении лиц, замещающих государственные должности РФ в порядке назначения, и только обобщенные декларационные данные.

Таким образом, с момента своего появления в 1992 г. институт декларирования изначально считался антикоррупционным, вне связи со служебной этикой. В 2000-х гг. существовавшая модель правового регулирования принципиально не изменилась и нашла продолжение в нормах антикоррупционного и служебного законодательства [24; 25; 26]. Введенное с 2013 г. декларирование расходов также не внесло существенных изменений в систему декларирования, поскольку предусматривало заявление служащими расходов на приобретение тех же самых объектов, которые декларировались и ранее [27; 28].

Российское законодательство, устанавливая обязанность многочисленных категорий публичных служащих декларировать доходы, расходы, имущество и обязательства имущественного характера, не предусматривает сплошной проверки полноты и достоверности деклараций. По общему правилу для деклараций установлен режим конфиденциальности, и только для некоторых категорий публичных служащих предусматривается обнародование отдельных сведений: перечень объектов недвижимого имущества, принадлежащих на праве собственности или находящихся в пользовании, с указанием вида, площади и страны расположения каждого из таких объектов; перечень транспортных средств с указанием вида и марки, принадлежащих на праве собственности; годовой доход; сведения об источниках получения средств, за счет которых совершены сделки по приобретению земельного участка, иного объекта недвижимого имущества, транспортного средства, ценных бумаг, долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций, если общая сумма таких сделок превышает общий доход служащего (работника) и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих отчетному периоду [29].

Российское законодательство не позволяет физическим и юридическим лицам инициировать проверку деклараций. Формальным основанием для официальной проверки в контексте значимости общественного контроля является только информация общественных палат или публикаций в средствах массовой информации, но этот инструмент не имеет большого значения, поскольку общественности не раскрываются сами декларации, что низводит общественный контроль до уровня предположений и домыслов.

Главный вопрос, который возникает в связи с имплементацией служебно-этического (англо-американского) подхода, – это обнародование деклараций. Такой шаг требует констатации серьезного уровня доверия между служащим и обществом. Только при наличии требуемого уровня доверия в обществе возможно размещение подробных деклараций для всеобщего доступа на официальных сайтах или едином интернет-ресурсе. При публичном декларировании становятся ненужными для общественного контроля сведения, которые можно отнести к обычным и не представляющим ничего особенного, например сведения о недвижимом имуществе и транспортных средствах, которые используются исключительно в личных и семейных целях. Однако декларации в контексте такого подхода должны стать подробными как в отношении перечня декларируемых объектов, так и в смысле детализации заявляемых сведений об имуществе, о доходах, расходах и об иных активах и имущественных интересах.

Неформальный подход к декларированию позволит в большинстве случаев исключить необходимость раскрытия информации о семье публичного служащего, поскольку личные и семейные интересы сами по себе не затрагивают публичную сферу.

Имплементация в России опыта стран, придерживающихся служебно-этического подхода к декларированию, перспективна для укрепления в российском обществе гражданской позиции, институтов общественного контроля и снятия социальной напряженности.

Пристатейный библиографический список

1. *Братановский С. Н., Зеленов М. Ф.* Организационно-правовые проблемы декларирования сведения о доходах государственных и муниципальных служащих и членов их семей // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 4.

2. *Голоманчук Э. В., Яготинцева Т. Ю., Астафурова О. А.* Некоторые проблемы представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера государственными гражданскими служащими и пути их решения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2019. № 3 (48).

3. *Конов А. В., Яковлев А. А.* Антикоррупционное декларирование в России : существующие проблемы и возможные подходы к реформированию // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 1.

4. *Чаннов С. Е.* Предоставление сведений о доходах государственных и муниципальных служащих и членов их семей как антикоррупционный механизм // Российская юстиция. 2009. № 4.

5. Конвенция ООН против коррупции (принята на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г., ратифицирована Российской Федерацией в 2006 г.) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10.

6. Action Against Corruption: G.A. Res. 51/59, 82nd plenary meeting, 12 December 1996 // General Assembly: Official Records, 51st session. Suppl. No. 49. Resolutions. Vol. 1. 17 September – 18 December 1996. New York: United Nations, 1997.

7. Ethics in Government Act of 1978 [США]: An Act to Establish Certain Federal Agencies, Effect Certain Reorganizations of the Federal Government, to Implement Certain Reforms in the Operation of the Federal Government and to Preserve and Promote the Integrity of Public Officials and Institutions, and for Other Purposes: Public Law 95-521, 26 October 1978 [S. 555] // 92 Stat. 1824 (as amended).

8. The Code of Conduct for Members of the House of Lords [Великобритания]: adopted by the House of Lords by resolution on 30 November 2009 and amended on 30 March 2010 and 12 June 2014.

9. The Code of Conduct for Members of Parliament [Великобритания]: approved by the House of Commons on 12 March 2012 and amended on 17 March 2015 and 19 July 2018.

10. Singapore Government Instruction Manual. In Asset and Interest Disclosure Systems: Singapore / Open-Ended Intergovernmental Working Group on the Prevention of Corruption (ninth session) // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) : сайт. URL: https://www.unodc.org/documents/corruption/WG-Prevention/Art_8_Financial_disclosure_declaration_of_assets/Singapore.pdf (дата обращения: 23.07.2020).

11. Guidelines for Civil Servants to Declare Private Investments in and Outside Hong Kong [Гонконг]: Civil Service Bureau Circular No. 9/2001.

12. Code of Conduct and Ethical Standards for Public Officials and Employees [Филиппины]: An Act Establishing a Code of Conduct and Ethical Standards for Public Officials and Employees, to Uphold the Time-Honored Principle of Public Office Being a Public Trust, Granting Incentives and Rewards for Exemplary Service, Enumerating Prohibited Acts and Transactions and Providing Penalties for Violations Thereof and for Other Purposes: Republic Act No. 6713, 20 February 1989 // Official Gazette, 10 April 1989, vol. 85, no. 15, pp. 2727–2737 (INFORM).

13. Peraturan-Peraturan Pegawai Awam (Kelakuan dan Tatatertib) 1993 [P.U.(A) 395/1993] [Малайзия] // Warta Kerajaan Seri Paduka Baginda, 25.11.1993.

14. Conflict of Interest Act of 2006 [Канада]: An Act to Establish Conflict of Interest and Post-Employment Rules for Public Office Holders: assented to 12 December 2006 (S.C., 2006, c. 9, s. 2).

15. Conflict of Interest Code [Канада]: Conflict of Interest and Post-Employment Code for Public Office Holders (June 1994).

16. The Conflict of Interest Code for Members of the House of Commons [Канада]: adopted by the House of Commons in April 2004 and amended in June 2007, June 2008, June 2009 and October 2015.

17. *Шешукова Т. Г., Баленко Д. В.* Развитие налогового контроля : опыт зарубежных стран // Вестник Пермского университета. Серия : Экономика. 2013. Вып. 3 (18).

18. *Гончаров В. В.* Правовое регулирование института общественного контроля : международный и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10 (107).

19. Указ Президента РФ от 4 апреля 1992 г. № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» // Российская газета. 1992. 7 апреля.

20. Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 31. Ст. 2990.

21. Указ Президента РФ от 15 мая 1997 г. № 484 «О представлении лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности государственной службы и должности в органах местного самоуправления, сведений о доходах и имуществе» // СЗ РФ. 1997. № 20. Ст. 2239.

22. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 8-ФЗ «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 224.

23. Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 2. Ст. 74.

24. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

25. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.

26. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»» // СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6229.

27. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. 2012. № 50. Ст. 6953.

28. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»» // СЗ РФ. № 50. Ст. 6954.

29. Указ Президента РФ от 8 июля 2013 г. № 613 «Вопросы противодействия коррупции» // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3813.

References

1. *Bratanovskii S. N., Zelenov M. F.* Organizational and Legal Problems of Declaring Information About the Income of State and Municipal Employees and Their Family Members. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2011. No. 4.

2. *Golomanchuk E. V., Iagotintseva T. Iu., Astafurova O. A.* Some Problems of Presenting Information About Income, Expenses, Property and Property Obligations by Public Civil Servants and Ways to Solve Them. *Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Institute of Business*. 2019. No. 3 (48).

3. *Konov A. V., Iakovlev A. A.* Anti-Corruption Declaration in Russia: Existing Problems and Possible Approaches to Reforming. *Questions of State and Municipal Management*. 2013. No. 1.

4. *Channov S. E.* Providing Information on the Income of State and Municipal Employees and Their Family Members as an Anti-Corruption Mechanism. *Russian Justice*. 2009. No. 4.

5. The United Nations Convention against Corruption (adopted at the 51st Plenary Meeting of the 58th Session of the U.N. General Assembly in New York on 31 October 2003, ratified by the Russian Federation in 2006).

6. Action Against Corruption: G.A. Res. 51/59, 82nd plenary meeting, 12 December 1996. In General Assembly: Official Records, 51st session. Suppl. No. 49. Resolutions. Vol. 1. 17 September – 18 December 1996. New York: United Nations, 1997.

7. Ethics in Government Act of 1978 [USA]: An Act to Establish Certain Federal Agencies, Effect Certain Reorganizations of the Federal Government, to Implement Certain Reforms in the Operation of the Federal Government

and to Preserve and Promote the Integrity of Public Officials and Institutions, and for Other Purposes: Public Law 95-521, 26 October 1978 [S. 555]. 92 Stat. 1824 (as amended).

8. The Code of Conduct for Members of the House of Lords [Great Britain]: adopted by the House of Lords by resolution on 30 November 2009 and amended on 30 March 2010 and 12 June 2014.

9. The Code of Conduct for Members of Parliament [Great Britain]: approved by the House of Commons on 12 March 2012 and amended on 17 March 2015 and 19 July 2018.

10. Singapore Government Instruction Manual. In Asset and Interest Disclosure Systems: Singapore / Open-Ended Intergovernmental Working Group on the Prevention of Corruption (ninth session). URL: https://www.unodc.org/documents/corruption/WG-Prevention/Art_8_Financial_disclosure_declaration_of_assets/Singapore.pdf (date of the application: 23.07.2020).

11. Guidelines for Civil Servants to Declare Private Investments in and Outside Hong Kong [Hong Kong]: Civil Service Bureau Circular No. 9/2001.

12. Code of Conduct and Ethical Standards for Public Officials and Employees [Philippines]: An Act Establishing a Code of Conduct and Ethical Standards for Public Officials and Employees, to Uphold the Time-Honored Principle of Public Office Being a Public Trust, Granting Incentives and Rewards for Exemplary Service, Enumerating Prohibited Acts and Transactions and Providing Penalties for Violations Thereof and for Other Purposes: Republic Act No. 6713, 20 February 1989. *Official Gazette*, 10 April 1989, vol. 85, no. 15, pp. 2727–2737 (INFORM).

13. Peraturan-Peraturan Pegawai Awam (Kelakuan dan Tatatertib) 1993 [P.U.(A) 395/1993] [Malaysia]. Warta Kerajaan Seri Paduka Baginda, 25.11.1993.

14. Conflict of Interest Act of 2006 [Canada]: An Act to Establish Conflict of Interest and Post-Employment Rules for Public Office Holders: assented to 12 December 2006 (S.C., 2006, c. 9, s. 2).

15. Conflict of Interest Code [Canada]: Conflict of Interest and Post-Employment Code for Public Office Holders (June 1994).

16. The Conflict of Interest Code for Members of the House of Commons [Canada]: adopted by the House of Commons in April 2004 and amended in June 2007, June 2008, June 2009 and October 2015.

17. *Sheshukova T. G., Balenko D. V.* Development of Tax Control: The Experience of Foreign Countries. *Bulletin of the Perm University. Series: Economics.* 2013. No. 3 (18).

18. *Goncharov V. V.* Legal Regulation of the Institution of Public Control: International and Foreign Experience. *Actual Problems of Russian Law*. 2019. No. 10 (107).

19. Decree of the President of the Russian Federation of 4 April 1992 No. 361 "On the Fight Against Corruption in the System of Public Service". *Rossiiskaia Gazeta*. 7 April 1992.

20. Federal Law of 31 July 1995 No. 119-FZ "On the Foundations of the State Service of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1995. No. 31. Art. 2990.

21. Decree of the President of the Russian Federation of 15 May 1997 No. 484 "On the Submission of Information on Income and Property by Persons Holding Government Positions in the Russian Federation and Persons Holding Government Positions in Public Service and Positions in Local Government Bodies". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1997. No. 20. Art. 2239.

22. Federal Law of 8 January 1998 No. 8-FZ "On the Foundations of Municipal Service in the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 2. Art. 224.

23. Federal Law of 8 May 1994 No. 3-FZ "On the Status of a Deputy of the Federation Council and the Status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 2. Art. 74.

24. Federal Law of 27 July 2004 No. 79-FZ "On the State Civil Service of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2004. No. 31. Art. 3215.

25. Federal Law of 25 December 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 52. Art. 6228.

26. Federal Law of 25 December 2008 No. 274-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law 'On Combating Corruption'". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 52. Art. 6229.

27. Federal Law of 3 December 2012 No. 230-FZ "On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with Their Income". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 50. Art. 6953.

28. Federal Law of 3 December 2012 No. 231-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law 'On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with Their Income'". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 50. Art. 6954.

29. Decree of the President of the Russian Federation of 8 July 2013 No. 613 "Issues of Combating Corruption". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2013. No. 28. Art. 3813.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ СТРАН – УЧАСТНИЦ СНГ*

МАЛЕВАНОВА Юлия Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

rostovtseva.julia@yahoo.com

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-18-26

Настоящая статья посвящена актуальной теме – совершенствованию организационно-правовых основ противодействия коррупции на государственной службе стран – участниц СНГ. Содружество Независимых Государств (СНГ) представляет собой региональную международную организацию, которая регулирует отношения сотрудничества между странами, ранее входившими в состав СССР. Для всех стран, входящих в СНГ, коррупция является основной проблемой для их экономического, политического и социального развития. Рассматривая коррупцию как одну из угроз национальной безопасности, каждая республика СНГ принимает комплекс мер по борьбе с коррупцией, однако не все республики одинаково преуспели на этом поприще. В рамках антикоррупционной политики стран СНГ необходимо большое внимание уделять эффективному международному сотрудничеству. В связи с этим изучение опыта стран СНГ по противодействию коррупции очень полезно и с теоретической, и с практической точки зрения, дает возможность взглянуть на современный отечественный опыт более объемно и предметно. Данные обстоятельства объективно обусловили выбор темы статьи, объекта и предмета исследования. Цель работы – на основе анализа законодательства стран СНГ о противодействии коррупции и практики его применения сформулировать общие подходы к превентивным антикоррупционным мерам на государственной службе, выработать единые антикоррупционные стандарты. Методологическую основу работы составил сравнительно-правовой метод исследования. К новым полученным результатам относятся выделение общих подходов к превентивным антикоррупционным мерам на государственной службе, разработка единых антикоррупционных стандартов. Результаты исследования могут использоваться для совершенствования законодательства стран СНГ о противодействии коррупции.

Страны – участницы СНГ; противодействие коррупции; государственная служба; антикоррупционные ограничения и запреты; декларация о доходах и имуществе; административная ответственность; должностное лицо

Yulia V. MALEVANOVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Leading Researcher, Center for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (Moscow)

rostovtseva.julia@yahoo.com

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR COUNTERING CORRUPTION IN THE PUBLIC SERVICE OF THE CIS MEMBER STATES**

This article is devoted to a topical topic-improving the organizational and legal framework for combating corruption in the public service of the CIS Member States. The Commonwealth of Independent States (CIS) is a regional international organization that regulates relations of cooperation between countries

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках реализации научного проекта № 19-011-00729А «Развитие антикоррупционного законодательства в сфере государственного управления».

** The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-011-00729A "Development of Anti-Corruption Legislation in Public Administration".

CIS Member States; anti-corruption; civil service; anti-corruption restrictions and prohibitions; declaration of income and property; administrative responsibility; official

formerly part of the USSR. For all CIS countries, corruption is a major problem for their economic, political and social development. Considering corruption as one of the threats to national security, each CIS Republic takes a set of measures to combat corruption, but not all republics have been equally successful in this field. Within the framework of the anti-corruption policy of the CIS countries, much attention should be paid to effective international cooperation. In this regard, the study of the experience of the CIS countries in combating corruption is very useful both from a theoretical and practical point of view, it makes it possible to look at the modern domestic experience in a more comprehensive and substantive way. These circumstances objectively determined the choice of the topic of the article, the object and subject of research. The purpose of the work is to formulate common approaches to preventive anti-corruption measures in the public service, develop common anti-corruption standards based on the analysis of the legislation of the CIS countries on anti-corruption and its application. The methodological basis of the work is the comparative legal method of research. The new results include the identification of common approaches to preventive anti-corruption measures in the public service, and the development of unified anti-corruption standards. The results of the study can be used to improve the legislation of the CIS countries on anti-corruption.

С коррупцией как с проблемой мирового масштаба сталкиваются все страны. Каждое государство разрабатывает комплекс мер, направленных на противодействие коррупции.

В РФ принято большое количество нормативных правовых актов по вопросам противодействия коррупции. Ключевым законом, определяющим государственную политику в сфере противодействия коррупции, является Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон о противодействии коррупции). В частности, Закон о противодействии коррупции определяет порядок представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (ст. 8, 8.1); обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений (ст. 9); ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения (ст. 14) и др. Также в российском законодательстве многие антикоррупционные нормы содержатся в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

В предыдущих публикациях мы уже рассматривали нормативно-правовое регулирование противодействия коррупции в России [1, с. 426–437], поэтому в настоящей работе останавливаться на этих вопросах будем лишь опосредованно в части сравнительного анализа; основное же внимание уделим странам, входящим в состав Содружества Независимых Государств (далее также – страны СНГ), у которых накоплен весьма интересный опыт противодействия коррупции.

Настоящая статья является первой из цикла статей, посвященных анализу организационно-правовых основ противодействия коррупции в странах – участницах СНГ. Страны СНГ большое внимание уделяют вопросам противодействия коррупции [2]. Во многих республиках (Украина, Казахстан, Кыргызстан, Азербайджан, Таджикистан, Беларусь и др.) законодательство о борьбе с коррупцией появилось значительно раньше, чем в России, за исключением Республики Армения, в которой до сих пор нет отдельного закона о противодействии коррупции.

В настоящей статье мы рассмотрим три страны СНГ: Республику Беларусь, Республику Таджикистан и Республику Армения.

Читатель может задаться вопросом: почему именно такой выбор стран? В основе выбора лежит рейтинг стран согласно «Индексу восприятия коррупции – 2019», составленному *Transparency International* [3], в котором Республика Беларусь занимает самое лучшее место из стран СНГ (45 баллов, 66-е место), среднюю позицию занимает Республика Армения (42 балла, 77-е место) и самое неблагоприятное положение у Республики Таджикистан (25 баллов, 153-е место). Напомним, что в 2019 г. Россия набрала 28 баллов и заняла 137-е место из 180 стран мира.

Начнем с анализа законодательства Республики Беларусь, в которой в 2015 г. на смену Закону о борьбе с коррупцией 2006 г. пришел новый закон: Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» 2015 г. [4] (далее – Закон о борьбе с коррупцией) является четвертым по счету с момента распада СССР (первый был принят в 1993 г.).

Закон о борьбе с коррупцией включает преамбулу, 50 статей, объединенных в восемь глав. Обращает на себя внимание название Закона, которое по-прежнему содержит термин «борьба с коррупцией». В Рес-

публике Беларусь, как, в принципе, и в других странах – участницах СНГ, за исключением России, речь идет о борьбе с коррупцией.

К тому же в ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией, посвященной основным терминам и их определениям, применяемым в законе, не содержится определения понятия «борьба с коррупцией». Однако согласно преамбуле Закона можно сделать вывод, что законодатель в данном случае говорит о «предупреждении, выявлении, пресечении правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений, устранении их последствий». Более того, вопросам предупреждения коррупции посвящена отдельная глава в Законе (гл. 3).

И здесь мы видим определенное сходство с понятием «противодействие коррупции», содержащимся в российском Законе о противодействии коррупции.

Согласно словарю С. И. Ожегова, «борьба (бороться) – это стремление уничтожить, искоренить что-либо…» [5, с. 61].

Российский Закон о противодействии коррупции формулирует понятие «противодействие коррупции» как «деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по профилактике коррупции, борьбе с ней и минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений».

Согласно словарю С. И. Ожегова, «противодействие – это действие, препятствующее другому действию» [5, с. 623]. В нашем случае первое действие – это целенаправленная деятельность всех субъектов антикоррупционной политики государства, а второе действие – это не что иное, как коррупция, которая согласно Закону о противодействии коррупции определяется как совокупность деяний, запрещенных Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ).

Очевидно, что деятельность по противодействию коррупции должна осуществляться на всех уровнях государственной власти и управления во взаимодействии с институтами гражданского общества.

Таким образом, термин «противодействие» гораздо шире, чем «борьба», поэтому более уместно в законодательстве использовать данный термин.

Различия также можно увидеть и в определении понятия «коррупция».

В ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией содержится следующее определение: «Коррупция – это умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного».

Исходя из данного определения ясно, что коррупция заключается в умышленном использовании должностным лицом вверенных ему властных полномочий для собственного обогащения, в первую очередь путем таких преступных деяний, как взяточничество и подкуп.

В то же время ст. 25 Закона о борьбе с коррупцией содержит перечень правонарушений, создающих условия для коррупции. Среди таких правонарушений можно назвать следующие: вмешательство государственного должностного лица с использованием своих служебных полномочий в деятельность других государственных органов и иных организаций; оказание государственным должностным лицом при подготовке и принятии решений неправомерного предпочтения интересам физических или юридических лиц либо предоставление им необоснованных льгот и привилегий или оказание содействия в их предоставлении; использование государственным должностным или приравненным к нему лицом во внеслужебных интересах информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, полученной при исполнении им служебных (трудовых) обязанностей; нарушение государственным должностным или приравненным к нему лицом установленного актами законодательства порядка проведения конкурсов, аукционов, процедур закупок и др.

Примечательно, что в качестве субъектов коррупции в Законе о борьбе с коррупцией названы государственные должностные или приравненные к ним лица. Также в ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией дается исчерпывающий перечень лиц, которые относятся к «государственным должностным лицам», «государственным должностным лицам, занимающим ответственное положение», «лицам, приравненным к государственным должностным лицам».

Согласно указанным перечням к государственным должностным лицам относятся Президент Республики Беларусь, депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республ-

лики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, осуществляющие свои полномочия на профессиональной основе, а также иные государственные служащие, на которых распространяется действие законодательства о государственной службе; сотрудники Следственного комитета Республики Беларусь; сотрудники Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь; лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, в том числе воинские, в Вооруженных Силах Республики Беларусь, и др.

Проводя параллель с российским законодательством, можно сказать, что к государственным должностным лицам в Республике Беларусь относят тех лиц, кого в России относят к лицам, занимающим государственные должности, и государственным служащим.

Согласно российскому законодательству мы не всех государственных служащих рассматриваем как должностные лица. В связи с этим закономерен вопрос: кто именно из числа государственных служащих является таковыми?

И здесь мы сталкиваемся с проблемой: специального определения должностного лица в законодательстве о государственной службе не существует. Изучению же категории «должностное лицо» посвящен целый ряд работ [см., например: 6, с. 23; 7, с. 16; 8, с. 33; 9, с. 12–15; 10, с. 65–66]. Так, Ц. А. Ямпольская считает, что «должностными лицами являются государственные служащие, которые при осуществлении служебной компетенции имеют право на совершение юридически значимых действий» [11, с. 141]. Ю. А. Петров, напротив, полагает, что «право на совершение юридически значимых действий» неточно выражает социальное содержание тех прав, о которых идет речь в определении Ц. А. Ямпольской, и предлагает относить к должностным лицам всех служащих, в той или иной мере осуществляющих управление как людьми, так и вещами [12].

Также определение данного понятия содержится в УК РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) применительно к привлечению должностных лиц к юридической ответственности. Так, в примечании 1 к ст. 285 УК РФ сказано, что «должностными лицами в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации». Очень схожее определение понятия «должностное лицо» содержится и в примечании к ст. 2.4 КоАП РФ.

Таким образом, опираясь на положения указанных кодексов, можно сделать вывод о том, что к должностным лицам относятся:

– лица, осуществляющие функции представителя власти;

– лица, выполняющие организационно-распорядительные функции;

– лица, выполняющие административно-хозяйственные функции.

Представляется, что в российском законодательстве необходимо сформулировать понятие должностного лица применительно как к государственным служащим, так и к приравненным к ним лицам, на основе научно-обоснованного подхода дифференцировать должностных лиц в соответствии с их полномочиями.

Продолжая сравнивать положения Закона о борьбе с коррупцией Республики Беларусь и Закона о противодействии коррупции РФ, можно отметить следующее.

Антикоррупционные ограничения для государственных должностных лиц и государственных служащих в Республике Беларусь сформулированы в самом Законе о борьбе с коррупцией.

В то же время в Законе Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» [13] антикоррупционные ограничения не дублируются, а лишь дополняются общеслужебными ограничениями.

Законодательство о государственной службе и о борьбе с коррупцией Республики Беларусь не апеллирует термином «запреты», а употребляет только понятие «ограничение».

Иная ситуация с системой ограничений и запретов для государственной службы в РФ. Здесь следует понимать разницу между системой ограничений и системой запретов.

Ограничения имеют статусный характер и, как правило, относятся к тем или иным характеристикам личности субъекта. Запреты же, напротив, представляют собой динамическую категорию, относящуюся к сфере деятельности субъектов. Иными словами, ограничение – это то, кем не должен быть субъект, претендующий на замещение должности или уже ее замещающий; запрет – это то, чего не должен делать этот субъект [14, с. 136].

Отдельно в Законе о борьбе с коррупцией выделена глава «Декларирование доходов и имущества».

Важно отметить, что большинство антикоррупционных ограничений, в частности касательно запрета принимать имущество (подарки), совместной служ-

бы, декларирования доходов, распространяются на самих государственных должностных лиц, лиц, приравненных к государственным должностным лицам, супругов государственного должностного или приравненного к нему лица, близких родственников или свойственников, совместно проживающих и ведущих общее хозяйство с государственным должностным или приравненным к нему лицом.

Согласно ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией под совместным проживанием и ведением общего хозяйства понимается «проживание в одном жилом помещении и ведение общего хозяйства при полном или частичном объединении и расходовании своих денежных средств и иного имущества».

Напомним, что в РФ схожие нормы распространяются только на самих государственных служащих, их супругов и несовершеннолетних детей.

Важно отметить, что в Республике Беларусь предусмотрена административная ответственность за нарушение порядка декларирования доходов и имущества (ст. 23.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-З).

Не является административным правонарушением, предусмотренным ст. 23.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, указание в декларации о доходах и имуществе:

– неполных сведений о доходах, если размер доходов, не указанных в декларации о доходах и имуществе, не превышает 20% общей суммы доходов, подлежащих декларированию;

– недостоверных сведений о размере доходов, если размер доходов, недостоверно указанный в декларации о доходах и имуществе, отклоняется от фактического размера таких доходов не более чем на 20%;

– недостоверных сведений о дате приобретения имущества (доли в праве собственности на имущество);

– недостоверных сведений о площади земельных участков, капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, машиномест;

– недостоверных сведений о стоимости имущества (доли в праве собственности на имущество), если стоимость имущества (доли в праве собственности на имущество), недостоверно указанная в декларации о доходах и имуществе, отклоняется от фактической стоимости такого имущества (доли в праве собственности на имущество) не более чем на 20%;

– неполных или недостоверных сведений о доходах и (или) имуществе, подлежащих декларированию, если лицом представлена уточненная декларация о доходах и имуществе в государственный орган, иную организацию, должностному лицу, которые проводят проверку полноты и достоверности сведений, указанных в декларации, до составления государственным органом, иной организацией, должностным лицом заключения о результатах проверки полноты и достоверности сведений о доходах и имуществе, указанных в декларации о доходах и имуществе.

Представляется, что такое комплексное регулирование вопросов противодействия коррупции на государственной службе весьма актуально для российского законодательства.

Далее рассмотрим законодательство Республики Таджикистан о противодействии коррупции.

К первым нормативным правовым актам в сфере противодействия коррупции Республики Таджикистан можно отнести следующие документы:

– указ Президента Республики Таджикистан от 21 июля 1999 г. № 1262 «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью в сфере экономики и коррупции (взяточничеством)»;

– Закон Республики Таджикистан от 10 декабря 1999 г. № 11 «О борьбе с коррупцией».

25 июля 2005 г. был принят новый Закон о борьбе с коррупцией [15] с учетом положений международных актов по вопросам противодействия коррупции.

В мае 2020 г. Совет Маджлиси намояндагон (нижняя палата парламента) Таджикистана рассмотрел проект закона о противодействии коррупции, а в июне 2020 г. Высшее собрание Республики Таджикистан приняло новый Ракон о противодействие коррупции.

Изменилось название Закона: термин «борьба с коррупцией» был заменен на «противодействие коррупции». И, как мы писали выше, это отражает сущность и преобладание превентивных мер по искоренению коррупции.

Справедливости ради необходимо отметить, что еще в Законе Республики Таджикистан 2005 г. с изменениями от 2017 г. (Закон Республики Таджикистан от 24 февраля 2017 г. № 1386) появилось понятие «противодействие коррупции», определение которого схоже с российским определением данного понятия.

Также этим Законом [16] было введено понятие «субъект правонарушения, связанного с коррупцией», под которым понимается «назначенное или избранное лицо, осуществляющее постоянно, временно или по особому полномочию функции представителя государственной власти, то есть наделенное в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан, распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в его служебном подчинении, а равно лицо, выполняющее на платной или безвозмездной основе организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в органах государственной власти, государственных учреждениях и органах самоуправления поселков и сел, а также в государственных хозяйствующих субъектах и других субъектах хозяйствования, в которых доля государства составляет не менее половины».

Как видно из приведенной дефиниции, субъект правонарушения, связанного с коррупцией, – это должностное лицо, определение которого весьма схоже с российским определением понятия должностного лица, хотя сам законодатель Республики Таджикистан не использует данный термин.

Антикоррупционные ограничения для государственных служащих в Республике Таджикистан в общем виде сформулированы в Законе о борьбе с коррупцией. Причем ст. 9 Закона Республики Таджикистан о борьбе с коррупцией 2005 г. содержит перечень препятствий для назначения на должность, многие из которых идентичны российским ограничениям на государственной службе (наличие непогашенной или неснятой судимости, наличие решения суда о недееспособности, отсутствие гражданства Республики Таджикистан и др.).

Статья 16 Закона Республики Таджикистан от 5 марта 2007 г. № 233 «О государственной службе» дополняет вышеназванный перечень общими обстоятельствами, исключающими прием гражданина на государственную службу и нахождение государственного служащего на государственной службе.

Статья 10 Закона Республики Таджикистан о борьбе с коррупцией 2005 г. определяет антикоррупционные ограничения для лиц, занимающих государственные должности, которые в российском законодательстве именуются запретами.

Указанные ограничения также дополняются тремя ограничениями, предусмотренными ст. 30 Закона Республики Таджикистан от 5 марта 2007 г. № 233 «О государственной службе». Из анализа законодательства Республики Таджикистан можно сделать вывод, что основные антикоррупционные ограничения сформулированы в специальном Законе о противодействии коррупции, а не в Законе о государственной службе.

Интересны положения относительно представления сведений о доходах и об имущественном положении государственного служащего. Принято считать, что представление сведений о доходах и об имуществе является действенной превентивной мерой в вопросах противодействия коррупции.

В Законе Республики Таджикистан о борьбе с коррупцией 2005 г. нет положений о данной антикоррупционной обязанности государственного служащего. Это представляется большим упущением законодательства Республики Таджикистан, которое будет устранено в новом законе о противодействии коррупции.

Относительно граждан, поступающих на государственную службу, и государственных служащих положения, устанавливающую эту обязанность, предусмотрены лишь в ст. 31 Закона о государственной службе, в которой говорится, что «гражданин при поступлении на государственную службу и государственные служащие обязаны ежегодно представлять в налоговые органы по месту жительства декларацию по подоходному налогу и в государственный орган по месту работы декларацию об имущественном положении». Вид дохода, вид и наименование имущества, а также порядок и срок представления деклараций устанавливаются Правительством Республики Таджикистан.

Необходимо отметить, что Республике Таджикистан еще предстоит усовершенствовать вопросы декларирования имущества государственных служащих, равно как и вопросы минимизации личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей и урегулирования конфликта интересов на государственной службе.

Неотъемлемой частью правовой основы борьбы с коррупцией в Республике Таджикистан являются стратегии по борьбе (противодействию) с коррупцией.

В настоящее время завершается действие Стратегии по противодействию коррупции в Республике Таджикистан на 2013–2020 годы, утв. указом Президента Республики Таджикистан от 30 августа 2013 г. № 1504.

Стратегия на 2013–2020 годы состоит из введения и пяти разделов. Большое внимание в данной Стратегии, в отличие от предыдущих, уделяется вопросам предупреждения коррупции как эффективного и результативного метода противодействия коррупции, а также участия гражданского общества в данной деятельности.

И в завершение рассмотрим законодательство о борьбе с коррупцией Республики Армения. Как уже было сказано, у данной страны нет отдельного закона о противодействии коррупции.

Некоторые основы противодействия коррупции заложены в законах Республики Армения от 26 мая 2011 г. № ЗР-172-Н «О публичной службе» и от 23 марта 2018 г. № ЗР-206-Н «О публичной службе». Необходимо отметить, что Закон Республики Армения 2011 г. действует частично (ст. 23–24, 28, 30–37, ч. 3, первое предложение ч. 4 ст. 38, ч. 1 ст. 38.1–40, 41, ст. 41.1–44, ч. 5 ст. 5).

Закон Республики Армения 2018 г. о публичной службе устанавливает права и обязанности, систему корректного поведения публичного служащего.

Система корректного поведения включает следующие антикоррупционные положения: запрет на получение подарков в связи с осуществлением должностных (служебных) обязанностей, требования несовместимости, урегулирование конфликта интересов.

Под требованиями несовместимости в соответствии со ст. 31 Закона Республики Армения о публичной службе 2018 г. понимается невозможность лица, занимающего публичную должность, и публичного служащего «занимать не обусловленную их ста-

тусом должность в государственных органах или других органах местного самоуправления, какую-либо должность в коммерческих организациях, заниматься предпринимательской деятельностью, выполнять иную оплачиваемую работу, кроме научной, педагогической и творческой работы».

Здесь прослеживается явное сходство с российскими запретами на государственной гражданской службе, например на занятие предпринимательской деятельностью. Однако напомним, что в российском Законе о государственной гражданской службе нет запрета на выполнение иной оплачиваемой работы, напротив, это право гражданского служащего при выполнении определенных условий (предварительное уведомление и отсутствие конфликта интересов).

Положительно оцениваем сроки, установленные в Законе Республики Армения о публичной службе, обеспечения выполнения требований несовместимости на публичной службе. Согласно ч. 5 ст. 31 Закона Республики Армения о публичной службе требования должны быть обеспечены в течение месяца после назначения (избрания) на должность. Считаем, что в российском законодательстве о государственной службе и противодействии коррупции не хватает подобной нормы.

Отдельная глава Закона Республики Армения о публичной службе посвящена вопросам декларирования имущества, доходов и интересов (гл. 6).

Из названия и содержания главы сразу видны некоторые принципиальные отличия от российской системы представления сведений о доходах и об имуществе.

Обязанность представления деклараций распространяется на само должностное лицо – декларанта и членов его семьи.

Членами семьи должностного лица – декларанта являются его супруг, несовершеннолетний ребенок (в том числе усыновленный), лицо, находящееся под опекой или на попечении должностного лица – декларанта, каждое совершеннолетнее лицо, совместно проживающее с должностным лицом – декларантом. Совместно проживающим лицом считается лицо, проживающее с должностным лицом – декларантом в течение 183 дней и более со дня, предшествующего вступлению в должность или прекращению должности, или в декларируемом году.

Интересно отметить, что на должностное лицо – декларанта распространяется ответственность за правильность и своевременность представления деклараций только в отношении себя и несовершеннолетних детей. Совершеннолетние участники декларационной кампании самостоятельно несут ответственность за правильность и своевременность представления деклараций.

Необходимо подчеркнуть, что антикоррупционные ограничения и обязанность декларировать доходы, имущество и интересы начинают действовать с момента вступления в силу Закона Республики Армения от 28 июня 2017 г. № ЗР-96 «О Комиссии по предупреждению коррупции» [17], согласно которому предусмотрено создание независимого государственного органа – Комиссии по предупреждению коррупции в Республике Армения (далее – Комиссия).

Основными функциями Комиссии являются:

1) слежение за соблюдением требований к несовместимости и других ограничений для высокопоставленных должностных лиц, а также соблюдением регулирования правил этики, конфликта ситуационных интересов высокопоставленных должностных лиц, за исключением депутатов, судей и прокуроров;

2) регламентирование процесса декларирования, проверка и анализ деклараций;

3) обеспечение единства применения установленных законом требований к несовместимости и других ограничений;

4) участие в разработке политики, связанной с борьбой с коррупцией.

Комиссия проводит проверку и анализ деклараций. Если декларация не представлена в установленный законом срок или представлена с нарушением соответствующих требований или соответствующего порядка либо заявленное данное является неверным или неполным, то Комиссия возбуждает производство об административном правонарушении.

И здесь важно отметить, что в Республике Армения, так же как и в Республике Беларусь, установлена административная ответственность за нарушения декларационной кампании (сроков, порядка заполнения).

Таким образом, анализ законодательства стран СНГ о противодействии коррупции показал, что данный процесс идет достаточно плодотворно, но не везде равномерно и систематично. Многим республикам еще предстоит усовершенствовать превентивные антикоррупционные меры для достижения положительных результатов на этом поприще.

Пристатейный библиографический список

1. *Ишеков К. А., Черкасов К. В., Малеванова Ю. В.* Противодействие коррупции в механизме федерального государственного управления : центральный и межрегиональный уровни // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3.

2. *Краснопеева Е. В.* Сравнительный анализ уголовного законодательства государств СНГ. Общая часть : лекции. М. : Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2006.

3. Россия в Индексе восприятия коррупции-2019 : 28 баллов и 137 место // Трансперенси Интернешнл : сайт. URL: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html (дата обращения: 01.06.2020).

4. Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11500305 (дата обращения: 01.06.2020).

5. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка : 70 000 слов / под. ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М. : Рус. яз., 1990.

6. *Волженкин Б. В.* К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностных преступлений // Советское государство и право. 1991. № 11.

7. *Кононов П. И.* Административная ответственность должностных лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.

8. *Засов К. П.* Понятие должностного лица в законодательстве и юридической практике // Современное право. 2003. № 8.

9. *Фоменко Е. В.* Проблемы, возникающие при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности за подкуп должностного лица // Адвокатская практика. 2007. № 6.

10. *Лазарева Н. С.* Дисциплинарная и административная ответственность советских должностных лиц : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1948.

11. *Ямпольская Ц. А.* О должностном лице в советском государственном аппарате // Вопросы административного права. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949.

12. *Петров Ю. А.* К понятию должностного лица // Правоведение. 1974. № 6.

13. Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10300204 (дата обращения: 01.06.2020).

14. *Уманская В. П., Малеванова Ю. В.* Государственное управление и государственная служба в современной России : монография. М. : НОРМА, 2020.

15. Закон Республики Таджикистан от 25 июля 2005 г. № 100 «О борьбе с коррупцией» // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8989 (дата обращения: 01.06.2020).

16. Закон Республики Таджикистан от 24 февраля 2017 г. № 1386 «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан «О борьбе с коррупцией»» // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=95561 (дата обращения: 01.06.2020).

17. Закон Республики Армения от 28 июня 2017 г. № ЗР-96 «О Комиссии по предупреждению коррупции» // National Assembly of the Republic of Armenia : сайт. URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5831&lang=rus #1 (дата обращения: 01.06.2020).

References

1. *Ishekov K. A., Cherkasov K. V., Malevanova Iu. V.* Anti-Corruption in the Mechanism of Federal Public Administration: Central and Interregional Levels // All-Russian Criminological Journal. 2019. Vol. 13. No. 3.

2. *Krasnopeeva E. V.* Comparative Analysis of the Criminal Legislation of the CIS States. General Part: Lectures. Moscow: Publishing house of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006.

3. Russia in the Corruption Perceptions Index 2019: 28 Points and 137th Place. URL: https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html (date of the application: 01.06.2020).

4. Law of the Republic of Belarus of 15 July 2015 No. 305-Z "On the Fight Against Corruption". URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11500305 (date of the application: 01.06.2020).

5. *Ozhegov S. I.; Shvedova N. Iu. (ed.).* Dictionary of the Russian Language: 70,000 Words. 23rd ed. Moscow: Russkii iazyk, 1990.

6. *Volzhenkin B. V.* On the Concept of an Official as a Subject of Malfeasance // Soviet State and Law. 1991. No. 11.

7. *Kononov P. I.* Administrative Responsibility of Officials: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 1994.

8. *Zasov K. P.* The Concept of an Official in Legislation and Legal Practice // Modern Law. 2003. No. 8.

9. *Fomenko E. V.* Problems Arising in Resolving the Issue of Exemption From Criminal Liability for Bribery of an Official // Advocate Practice. 2007. No. 6.

10. *Lazareva N. S.* Disciplinary and Administrative Responsibility of Soviet Officials: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 1948.

11. *Iampolskaia Ts. A.* On the Official in the Soviet State Apparatus // Questions of Administrative Law. Moscow; St. Petersburg: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1949.

12. *Petrov Iu. A.* On the Concept of an Official // Jurisprudence. 1974. No. 6.

13. Law of the Republic of Belarus of 14 June 2003 No. 204-Z "On Public Service in the Republic of Belarus". URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10300204 (date of the application: 01.06.2020).

14. *Umanskaia V. P., Malevanova Iu. V.* Public Administration and Public Service in Modern Russia: Monograph. Moscow: Norma, 2020.

15. Law of the Republic of Tajikistan of 25 July 2005 No. 100 "On the Fight Against Corruption". URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8989 (date of the application: 01.06.2020).

16. Law of the Republic of Tajikistan of 24 February 2017 No. 1386 "On Amendments and Additions to the Law of the Republic of Tajikistan 'On Combating Corruption'". URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=95561 (date of the application: 01.06.2020).

17. Law of the Republic of Armenia of 28 June 2017 No. ZR-96 "On the Commission for the Prevention of Corruption". URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5831&lang=rus # 1 (date of the application: 01.06.2020).

СООТНОШЕНИЕ ВИНЫ В СОВЕРШЕНИИ НАЛОГОВОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ И ВИНЫ В СОВЕРШЕНИИ НАЛОГОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

СКЛЯРОВ
Сергей Валерьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия (г. Москва)

sklyarovsv@mail.ru

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-27-31

Актуальность проведенного исследования обусловливается установлением соотношения Налогового кодекса РФ и Уголовного кодекса РФ в части привлечения лица за совершение налогового правонарушения в разрезе его вины. Предметом исследования выступили налоговое и уголовное законодательство РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, судебная практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В статье исследуются актуальные проблемы соотношения вины юридического лица при привлечении его к ответственности за совершение налогового правонарушения, выразившегося в неуплате или неполной уплате суммы налога, и вины руководителя этого юридического лица при привлечении его к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, подлежащих уплате организацией. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что установленная налоговым органом неосторожная формы вины юридического лица в неуплате налогов (сборов, страховых взносов) не допускает привлечения его руководителя к уголовной ответственности по ст. 199 Уголовного кодекса РФ, поскольку обязательным признаком данного преступления является прямой умысел.

Вина;
налоговое правонарушение;
неуплата налога;
налоговое преступление;
уклонение от уплаты налога

Sergey V. SKLYAROV

Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Criminal Law, All-Russian State University of Justice (Moscow)

sklyarovsv@mail.ru

RATIO OF THE GUILT OF A TAX OFFENCE AND THE GUILT OF A TAX CRIME

The urgency of an issue is determined by establishing the ratio of the Tax Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation in terms of attracting a person for a tax offense in the context of his guilt. The subject of the study was the tax and criminal legislation of the Russian Federation, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice of courts of general jurisdiction and arbitration courts. The article explores the actual problems of the relationship between the guilt of a legal entity when bringing it to justice for the commission of a tax offence in the form of non-payment or incomplete payment of the amount of tax and the guilt of the head of that legal entity when bringing it to criminal responsibility for evasion of taxes payable by the organization. As a result of the study, the author came to the conclusion that the imprudent form of guilt of a legal entity for non-payment of taxes (fees, insurance premiums) established by the tax authority does not allow criminal prosecution of the head of this legal entity under article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation, since the direct intent is an obligatory attribute this crime.

Guilt;
tax offense;
failure to pay tax;
tax crime;
evasion of tax

Нередко при исследовании проблем квалификации преступлений, уголовная ответственность за которые наступает лишь при наличии определенных условий (размера, последствий), вина лица искусственно разделяется на виды в зависимости от отрасли права, которой регулируются рассматриваемые общественные отношения и нормы которой применяются при привлечении лица к ответственности за совершенное правонарушение.

В качестве примера можно привести ст. 199 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), предусматривающую уголовную ответственность за уклонение от уплаты

налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов, путем непредставления налоговой декларации (расчета) или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию (расчет) или такие документы заведомо ложных сведений, при условии, что уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов совершено не менее чем в крупном размере.

На первый взгляд может показаться, что основным отличием налогового преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, от аналогичного налогового правонарушения является сумма неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов: в случае, если их сумма превышает за период в пределах трех финансовых лет подряд 15 млн руб., имеет место налоговое преступление, если не превышает – налоговое правонарушение.

Вместе с тем для решения вопроса о привлечении лица к ответственности за налоговое правонарушение или налоговое преступление определить размер неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов недостаточно. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что вина при совершении налогового правонарушения может выражаться как в форме умысла, так и в форме неосторожности, а преступление, предусмотренное ст. 199 УК РФ, совершается с умыслом, неуплата налога по неосторожности не дает правоприменителю оснований для привлечения налогоплательщика к уголовной ответственности [1; 2; 3].

В п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 (далее – Постановление № 48) указывается, «что уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, неисполнение обязанностей налогового агента, сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов, возможны только с прямым умыслом» [4]. Аналогичное положение содержалось и в п. 8 утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 [5].

В соответствии с п. 4 Постановления № 48 моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, следует считать фактическую неуплату налогов, сборов, страховых взносов в срок, установленный законодательством о налогах и сборах.

Таким образом, для привлечения лица к ответственности за преступление, предусмотренное ст. 199 УК РФ, необходимо установить не только размер неуплаченных налогов, сборов и страховых взносов, но и прямой умысел лица на уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, а также факт неуплаты налогов, сборов, страховых взносов в срок, установленный законодательством о налогах и сборах.

В соответствии со ст. 106 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое данным Кодексом установлена ответственность.

Согласно ст. 110 НК РФ виновным в совершении налогового правонарушения признается лицо, совершившее противоправное деяние умышленно или по неосторожности.

Исходя из диспозиции ст. 199 УК РФ и момента окончания предусмотренного ей преступления – фактической неуплаты налогов, сборов, страховых взносов – данная норма уголовного закона находится в прямой корреляции со ст. 122 НК РФ, предусматривающей ответственность за неуплату или неполную уплату сумм налога (сбора, страховых взносов) в результате занижения налоговой базы (базы для исчисления страховых взносов), иного неправильного исчисления налога (сбора, страховых взносов) или других неправомерных действий (бездействия), если такое деяние не содержит признаков налоговых правонарушений, предусмотренных ст. 129.3 и 129.5 НК РФ.

Налоговые правонарушения, предусмотренные ст. 129.3 и 129.5 НК РФ, представляют собой частные случаи неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора, страховых взносов), т.е. ст. 129.3 и 129.5 НК РФ являются специальными нормами по отношению к ст. 122 НК РФ, поэтому в рамках настоящего исследования рассматриваться не будут.

В отличие от уклонения от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов, предусмотренного ст. 199 УК РФ, которое может совершаться исключительно с прямым умыслом, налоговое правонарушение, предусмотренное ст. 122 НК РФ, – неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора, страховых взносов) – может совершаться как умышленно, так и по неосторожности.

Диспозиция п. 1 ст. 122 НК РФ прямого указания на форму вины при неуплате или неполной уплате сумм налога (сбора, страховых взносов) не содержит. Вместе с тем п. 3 ст. 122 НК РФ предусматривает ответственность за «деяния, предусмотренные п. 1 настоящей статьи, совершенные умышленно». Следовательно, правонарушение, ответственность за которое предусмотрена п. 1 ст. 122 НК РФ, совершается по неосторожности.

Таким образом, налоговое правонарушение, предусмотренное п. 1 ст. 122 НК РФ, совершается по неосторожности, а такое же правонарушение, предусмотренное п. 3 ст. 122 НК РФ, совершается умышленно. Этот вывод полностью подтверждается и размером санкций, установленным за это правонарушение: п. 1 ст. 122 НК РФ – взыскание штрафа в размере 20% от неуплаченной суммы налога (сбора, страховых взносов), п. 3 ст. 122 НК РФ – взыскание штрафа в размере 40% от неуплаченной суммы налога (сбора, страховых взносов) при отсутствии каких-либо иных квалифицирующих признаков.

Основанием для привлечения руководителя организации или уполномоченного представителя организации к уголовной ответственности по ст. 199 УК РФ являются результаты проверки налоговой службой данного юридического лица. Нередко при этом организация как юридическое лицо привлекается к налоговой ответственности по ст. 122 НК РФ.

Например, В., являвшийся генеральным директором общества, был осужден п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ за уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, в крупном размере [6]. Исходя из содержания приговора налоговой службой была проведена выездная налоговая проверка общества, по результатам которой было вынесено решение о привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения. Не согласившись с результатами проверки, общество обжаловало решение налоговой службы в арбитражном суде [7]. Решениями арбитражных судов первой, апелляционной и кассационной инстанций в удовлетворении требования о признании незаконным решения налоговой службы о привлечении к ответственности общества за совершение налогового правонарушения отказано. Из решений арбитражных судов следует, что общество было привлечено к ответственности за совершение налогового правонарушения, предусмотренного п. 1 ст. 122 НК РФ, и что привлечение общества к ответственности по данной статье было законным и обоснованным.

Как упоминалось выше, п. 1 ст. 122 НК РФ предусматривает ответственность за неуплату или неполную уплату сумм налога (сбора, страховых взносов) по неосторожности.

Поскольку общество привлечено к налоговой ответственности по п. 1 ст. 122 НК РФ, это свидетельствует об установлении налоговой службой в действиях общества вины в форме неосторожности. Согласно п. 4 ст. 110 НК РФ вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения. Отсюда вытекает закономерный вывод о том, что поскольку общество было привлечено к ответственности за совершение неосторожного налогового правонарушения, то налоговой службой была установлена вина руководителя общества в неуплате или неполной уплате данных сумм налога (сбора, страховых взносов) также в форме неосторожности.

В приведенном примере основанием для привлечения общества к налоговой ответственности и руководителя общества к уголовной ответственности был один и тот же факт неуплаты налогов юридическим лицом за один и тот же период. Но налоговой службой, арбитражными судами была установлена неосторожная форма вины самого общества и его руководителя в совершении налогового правонарушения, а правоохранительным органом, возбудившим уголовное дело на основании проведенной налоговой службой проверки, судом общей юрисдикции установлен прямой умысел руководителя общества в отношении неуплаты налогов.

Соответственно, возникает вопрос: каким образом соотносится установленная налоговым органом вина юридического лица, а следовательно, и его руководителя в совершении налогового правонарушения и вина руководителя юридического лица в совершении налогового преступления, при условии, что в основе привлечения к ответственности и юридического лица, и его руководителя лежит один и тот же факт неуплаты налога (сбора, страховых взносов)?

Преступление признается совершенным с прямым умыслом согласно ст. 25 УК РФ, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Налоговое законодательство определяет прямой умысел при совершении налогового правонарушения аналогичным образом: согласно ст. 110 НК РФ налоговое правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), желало наступление вредных последствий таких действий (бездействия).

Неосторожная форма вины при совершении налогового правонарушения: лицо не осознавало противоправного характера своих действий (бездействия) либо вредного характера последствий, возникших вследствие этих действий (бездействия), хотя должно было и могло это осознавать (ст. 110 НК РФ), лежит ближе к понятию небрежности в уголовном праве: лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия (ст. 26 УК РФ).

Таким образом, формы вины в налоговом праве и формы вины в уголовном праве в целом соответ-

ствуют друг другу и не допускают возможности приравнять неосторожную форму вины при совершении налогового правонарушения к умышленной форме вины при совершении преступления.

С другой стороны, термин «вина» в праве существует для отражения субъективных процессов, происходивших в сознании лица в момент совершения им действий (бездействия), нарушающих установленные правила поведения, урегулированные нормами права. Данные субъективные процессы напрямую ненаблюдаемы, их нельзя измерить, поэтому вину как нечто субъективное можно определить исключительно путем анализа объективных обстоятельств совершенного лицом правонарушения.

Сознание представляет собой обобщенное и целенаправленное отражение действительности, предварительное мысленное построение поведения, его регулирование и предвидение результатов поведения. Воля обозначает возможность свободного выбора при конфликте желаний, способность в самодетерминации и саморегуляции человеком своей деятельности. Лицо не может совершать волевые действия неосознанно, так как основной характеристикой волевых действий является осознание лицом преследуемой цели и возможности контроля за ходом разворачивающихся внешних и внутренних процессов. Воля и сознание в поведении человека неразделимы, вытекают одно из другого, направляют и регулируют конкретное поведение лица. Формулы, применяемые законодателем для описания форм вины при совершении правонарушений, отражают в праве совокупность сознания и воли.

Лицо не может при совершении одного и того же действия одновременно осознавать и не осознавать его противоправный (общественно опасный) характер, одновременно желать наступления негативных последствий и иметь обязанность и возможность осознать негативный характер последствий своих действий. Следовательно, вина лица в отношении одних и тех же действий (бездействия) является единой и не может изменять свою сущность в зависимости от отрасли применяемого права.

Форма вины, установленная при совершении налогового правонарушения, должна соответствовать форме вины в налоговом преступлении в случае, если обвинение в совершении налогового преступления полностью основано на факте совершения налогового правонарушения. Сам по себе факт привлечения юридического лица к ответственности за совершенное по неосторожности налоговое правонарушение, предусмотренное п. 1 ст. 122 НК РФ, исходя из п. 4 ст. 110 НК РФ, в соответствии с которым форма вины организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц, свидетельствует о том, что вина должностных лиц за неуплату налогов (сборов, страховых взносов) характеризуется неосторожностью.

Поэтому установленная налоговым органом неосторожная формы вины юридического лица в неуплате налогов (сборов, страховых взносов) не допускает привлечения его руководителя к уголовной ответственности по ст. 199 УК РФ, поскольку обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, является прямой умысел.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Н. Белецкого, Г. А. Никовой, Р. В. Рукавишникова, В. Л. Соколовского и Н. И. Таланова» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2005 г. № 478-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лебедева Алексея Вячеславовича и Шепелева Игоря Вениаминовича на нарушение их конституционных прав статьей 199 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного Суда РФ от 21 июня 2011 г. № 852-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лясниковой Гульнисы Омаровны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Приговор Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону от 5 декабря 2019 г. по делу № 1-232/2019 // Ленинский районный суд г. Ростова-на-Дону : сайт. URL: https://leninsky--ros.sudrf.ru (дата обращения: 23.08.2020).

7. Дело № А53-1554/2017 // Картотека арбитражных дел : сайт. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 23.08.2020).

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27 May 2003 No. 9-P "On the Case of Checking the Constitutionality of the Provision of Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation in Connection with Complaints of Citizens P. N. Beletskii, G. A. Nikova, R. V. Rukavishnikov, V. L. Sokolovskii and N. I. Talanov" (SPS "ConsultantPlus").

2. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20 December 2005 No. 478-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizens Lebedev Alexei Viacheslavovich and Shepelev Igor Veniaminovich on Violation of Their Constitutional Rights by Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").

3. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21 June 2011 No. 852-O-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Liasnikova Gulnisa Omarovna on Violation of Her Constitutional Rights by Part One of Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26 November 2019 No. 48 "On the Practice of Applying the Law on Liability for Tax Crimes by Courts" (SPS "ConsultantPlus").

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 December 2006 No. 64 "On the Practice of Application by Courts of Criminal Legislation on Liability for Tax Crimes" (SPS "ConsultantPlus").

6. Sentence of the Leninskii District Court of Rostov-on-Don of 5 December 2019 in case No. 1-232/2019. URL: https://leninsky--ros.sudrf.ru (date of the application: 23.08.2020).

7. Case No. A53-1554/2017. URL: https://kad.arbitr.ru (date of the application: 23.08.2020).

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖИЛЬЯ

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-32-39

КУЛЕШОВ
Юрий Николаевич

старший преподаватель
кафедры уголовного
процесса и криминалистики
Казанского института (филиала)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)
(г. Казань)

ukuleshov@bk.ru

Право на жилище – одно из прав, которое признается наиболее значимым для любого человека, а потому оно закреплено в ст. 40 Конституции РФ. Данное право реализуется посредством целой системы норм законодательства, которыми устанавливаются условия и порядок приобретения жилища, а также правила по его использованию. Важными в этой системе норм являются нормы, устанавливающие уголовный запрет на посягательства, которые направлены против реализации названного конституционного права. Данный запрет важен как с точки зрения восстановления социальной справедливости, если было совершено соответствующее преступление, так и с точки зрения профилактики, если преступление не совершалось, но имеются условия, провоцирующие совершение соответствующего преступления. При этом запрет эффективен лишь тогда, когда он обеспечивается комплексом реальных действий со стороны государства в лице его правоохранительных органов. Иными словами, важной является деятельность по раскрытию и расследованию соответствующих преступлений, среди которых мошенничество в сфере строительства жилья. Практика здесь сталкивается с массой сложностей, которые часто связаны с особенностями правильной оценки обстановки совершения данных преступлений, в частности с использованием обстановки для маскировки мошенничества под одобряемые законом действия. В этом состоит актуальность представляемой статьи. Предметом исследования, положенного в основу данной статьи, является обстановка совершения мошенничества в сфере строительства. Она представляет собой систему отношений, которые способствовали совершению преступления названного вида. Особый интерес она представляет в связи с тем, что часто используется преступниками для обеспечения эффективности в достижении преступной цели. Автором была поставлена цель исследовать обстановку совершения мошенничества для того, чтобы знания о ней можно было использовать в качестве одного из элементов частной методики расследования мошенничества в сфере строительства. Методологической основой проведенного исследования стали всеобщий метод диалектического материализма, общенаучные методы (дедукции, индукции и др.), а также формально-юридический, криминалистического моделирования и системно-деятельностный. В предложенной статье обращается внимание на те признаки и элементы обстановки, знание которых способно повысить эффективность расследования мошенничеств в сфере жилищного строительства. Также даются рекомендации, следование которым способно предотвратить следственные ошибки в процессе доказывания факта совершения преступления. В этом состоит новизна проведенного исследования и предлагаемой статьи, написанной на его основе. Названные предложения и рекомендации предназначены для использования в практике расследования мошенничества в сфере строительства, а также для дальнейшего развития теории расследования преступлений. Основным выводом исследования, положенного в основу статьи, является то, что знание об обстановке всегда принимается во внимание преступником при определении способа и механизма мошенничества в сфере строительства. Это необходимо знать для определения тех тактико-криминалистических средств, которые могут быть максимально эффективными в конкретном случае расследования преступления рассматриваемого вида.

Мошенничество при строительстве жилья; расследование; обстановка совершения мошенничества; сокрытие преступления; инсценировка преступления; условия совершения мошенничества

Yuri N. KULESHOV
Assistant Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kazan Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Kazan)
ukuleshov@bk.ru

Fraud in housing construction; investigation; crime situation for fraud; concealment of the crime; staging of the crime; conditions for committing fraud

CRIME SITUATION FOR FRAUD IN HOUSING CONSTRUCTION

The right to housing is one of the rights that is recognized as the most important for any person, and therefore it is enshrined in Article 40 of the Constitution of the Russian Federation. This right is implemented through a whole system of legal norms that establish the conditions and procedure for acquiring housing, as well as rules for its use. Important in this system of norms are the norms that establish a criminal ban on encroachments that are directed against the implementation of this constitutional right. This prohibition is important both from the point of view of restoring social justice, if the relevant crime was committed, and from the point of view of prevention, if the crime was not committed, but there are conditions that provoke the Commission of the relevant crime. At the same time, the ban is effective only when it is provided by a set of real actions on the part of the state in the person of its law enforcement agencies. In other words, it is important to disclose and investigate relevant crimes, including fraud in the field of housing construction. Practice here faces a lot of difficulties, which are often associated with the features of correct assessment of the situation of committing these crimes, in particular using the environment to disguise fraud as legally approved actions. This is the relevance of the submitted article. The subject of the research, which is the basis of this article, is the situation of fraud in the construction sector. It is a system of relations that contributed to the Commission of a crime of this type. It is of particular interest due to the fact that it is often used by criminals to ensure efficiency in achieving a criminal goal. The author set out to investigate the situation of fraud in order to use the knowledge about it as one of the elements of a private methodology for investigating fraud in the construction sector. The methodological basis of the research was the universal method of dialectical materialism, General scientific methods (deduction, induction, etc.), as well as formal legal, forensic modeling and system activity. The proposed article draws attention to the signs and elements of the situation, the knowledge of which can increase the effectiveness of the investigation of fraud in the field of housing construction. It also provides recommendations that can be followed to prevent investigative errors in the process of proving the fact of committing a crime. This is the novelty of the research and the proposed article written on its basis. These suggestions and recommendations are intended for use in the practice of investigating fraud in the construction industry, as well as for further development of the theory of crime investigation. The main conclusion of this research, which is the basis of the article, is that knowledge about the situation is always taken into account by the criminal when determining the method and mechanism of fraud in the construction sector. This is necessary to know in order to determine the tactical and forensic tools that can be most effective in a particular case of investigating a crime of the type in question.

Мошенничество – это на сегодняшний день не просто преступление, это целое явление, которое характеризует изменившееся массовое сознание людей относительно их общежития, построения отношений, форм взаимодействия ради достижения различного рода целей. К сожалению, мошенничество часто воспринимается отдельными группами людей как деловая инициатива, экономическая новация, свежий взгляд в решении старых проблем. Соответственно, мошенники выглядят в свете этого как инициативные, предприимчивые люди. Такое восприятие не только способствует росту случаев совершения мошенничества, но и создает среду, которая максимально ему благоприятствует. В связи с этим при расследовании мошенничества всегда необходимо воспринимать эту среду в качестве важного элемента обстановки, в которой совершается мошенничество, поскольку она определяет особенности совершаемых действий, способ и механизм

данного преступления. Причем названное восприятие во многом определяется неверно понятыми потребностями общества. Так, потребность общества в определенных услугах и товарах осознается как поощрение любых действий, которые внешне направлены на удовлетворение этой потребности. Во многом степень такого искаженного восприятия, являющегося основой оправдания мошенничества, зависит от сферы, с которой связано появление соответствующей потребности. Наблюдается зависимость между степенью актуальности соответствующей потребности для общества и степенью оправданности даже неправомерных действий, которые провозглашаются как направленные на удовлетворение этой потребности. Это наблюдается, в частности, при удовлетворении такой потребности, как потребность в жилье. Эта потребность всегда была особенно острой для общества и для каждого отдельного человека, она обусловлена исторически, поскольку для России она всегда связана с социальной справедливостью [1, с. 266–274].

В настоящее время названная особенность принимается во внимание действующим уголовным законодательством. Уголовная ответственность предусматривается за мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)), мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ), мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). Выделение данных составов указывает на то, что степень общественной опасности мошенничества во многом зависит от сферы, в которой оно совершается [2, с. 79–83]. Законодатель, выделяя названные в этих составах сферы, фактически заявляет, что совершение мошенничества в них особенно опасно для общества и требует особого уголовного запрета. Связано это со значимостью для общества и государства названных сфер, а также потребностей человека, которые удовлетворяются в этих сферах [3, с. 65–69]. В связи с этим можно утверждать то, что перечень названных составов мошенничества может со временем быть пополненным законодателем ввиду осознания обществом и государством значимости отношений в определенной сфере, осознания того, насколько соответствующие отношения нуждаются в уголовно-правовой защите. В настоящее время становится актуальной уголовно-правовая защита отношений в сфере жилищного строительства. Обусловлено это тем, что названные отношения особенно часто становятся объектом посягательства и при этом такие посягательства причиняют наиболее существенный материальный и моральный вред людям, стремящимся улучшить свои жилищные условия [4, с. 92–100]. При этом само жилищное строительство является своего рода локомотивом для экономики, который позволяет обеспечить рост других, сопряженных секторов народного хозяйства. В связи с этим на данный момент исторического развития России актуальным направлением выступает установление уголовно-правовой защиты отношений в сфере жилищного строительства.

Одними из источников посягательства на отношения в сфере жилищного строительства являются обман [5, с. 55–58] и злоупотребление доверием граждан, желающих улучшить свои жилищные условия [6, с. 128–134]. Данное желание основано на потребности человека иметь собственное жилье, в котором он имеет возможность отдыхать, развиваться, благодаря которому человек создает условия, необходимые для восстановления сил, необходимых для трудовой деятельности. Обман человека в этой сфере является посягательством не только на этого конкретного человека, но и на общество в целом, поскольку оно видит в удовлетворении данных потребностей основу собственного благополучия и развития. К сожалению, в настоящее время количество таких посягательств неуклонно растет. При этом следует отметить то, что принимается множество мер, направленных на формирование таких условий, в которых совершение этих преступлений было бы затруднительным. Однако названный комплекс мер обязательно должен предполагать установление уголовно-правового запрета, который являлся бы достаточно действенным элементом в защите отношений в сфере жилищного строительства. Благодаря этому правоохранительные органы имели бы возможность иметь в своем распоряжении эффективное средство профилактики названных преступных посягательств. Уже само существование нормы, устанавливающей такой запрет, являлось бы формой воздействия на сознание людей, которые ошибочно видят в явном обмане граждан форму деловой инициативы, пусть и имеющей явно авантюрный оттенок. Дополнительный эффект достигался бы практикой применения названной нормы правоохранительными органами в ходе решения вопроса о возбуждении уголовного дела и расследования соответствующего преступления.

Однако, несмотря на отсутствие соответствующей специальной нормы в уголовном законе, устанавливающей уголовную защиту отношений в сфере жилищного строительства, защита названных правоотношений осуществляется на основании общей нормы уголовного закона, устанавливающей уголовную ответственность за мошенничество (ст. 159 УК РФ). При этом уже сейчас обращается внимание на особенности посягательств на правоотношения в сфере жилищного строительства. Эти особенности необходимо принимать во внимание при расследовании данных посягательств. Знание их позволяет восста-

навливать реально имевшуюся картину совершения этих преступлений и решать вопрос о виновности соответствующих лиц, которые причастны к ним. В связи с этим имеется острая потребность в создании соответствующей частной методике расследования этих преступлений. Данная частная методика должна быть основана на знании особенностей совершения мошенничества в сфере жилищного строительства. При этом особое внимание следует уделять специфике сферы, в которой совершаются эти преступления, т.е. сферы жилищного строительства. Здесь необходимо принимать во внимание особенности тех отношений, которые складываются между теми, кто нуждается в улучшении жилищных условий, и теми, кто стремится взять на себя обязательства по удовлетворению этой потребности людей. Необходимо принимать во внимание не только установленные законом требования к этим отношениям, но и практику этих отношений, элементом которой являются сложившиеся обычаи и традиции соответствующего региона и в целом данной сферы. Это необходимо для того, чтобы воссоздать во всей полноте картину совершенного преступления, выявив тем самым его сущностные черты и особенности. Важно это также и потому, что названные условия совершения рассматриваемых преступлений часто определяют способ и механизм их совершения. Преступник еще на стадии планирования совершения преступления принимает во внимание обстановку, в которой ему предстоит его совершать. Часто отдельные традиции при выстраивании названных отношений становятся элементом механизма совершения названных посягательств на правоотношения в сфере жилищного строительства. К таким традициям часто относится доверительное отношение клиента к обязательствам, которые берет на себя соответствующая строительная организация, которая обещает значительный пакет преимуществ перед другими застройщиками, а по факту только отдельные из них. При этом делается ссылка на изменившиеся финансовые условия, которые связаны с удорожанием строительства. Хотя вполне очевидно то, что компания могла заблаговременно принять это во внимание. К сожалению, сами клиенты часто относятся к этому как к неизбежной данности и не стремятся этого оспорить в тех случаях, когда это не превышает тот объем, который ими воспринимается как разумный. Это становится благоприятной почвой для причинения вреда, который может расцениваться как значительный даже с позиций таких терпеливых клиентов.

Как видно, условия совершения мошенничества в сфере жилищного строительства являются ключевым элементом в понимании названных преступлений, а потому на их знании должно основываться планирование и проведение раскрытия и расследования названных преступных посягательств. При этом следует обратить внимание на некоторые терминологические особенности в понимании того, что следует подразумевать под условиями совершения названных преступлений и особенностями обстановки их совершения. Условия совершения преступления – это понятие, которое развивалось в криминологии и которое исследовалось ею для того, чтобы выявить сущность соответствующего вида преступности или негативного социального явления, которое способно влиять на преступность. Обстановка, в которой совершается конкретное преступление, – это совокупность факторов, которые хотя и не являются причиной совершения конкретного преступления, но наличие которых благоприятствует этому. Обстановка часто принимается во внимание преступником еще при планировании совершения преступления. Она может быть как благоприятной, так и неблагоприятной для совершения преступления. Обстановка совершения преступления – это криминалистическая категория, которая используется для описания и оценки соответствующей ситуации, в которой было совершено преступление. Знание ее необходимо для обеспечения качества проводимого расследования конкретного преступления. Несмотря на то что условия совершения преступления и обстановка совершения преступления – это категории различных юридических наук, они имеют точки соприкосновения, которые позволяют правоохранительным органам определять эффективность своих действий. Не являясь тождественными понятиями, они имеют достаточно много общего [7]. И условия, и обстановка совершения преступления указывают на обстоятельства, которые, не являясь причиной совершенного преступления, ему способствуют, т.е. являются благоприятной средой, в которой соответствующие преступные действия имеют все шансы для того, чтобы была достигнута изначально поставленная цель. Это имеет значение как для криминологии, так и для криминалистики, поскольку это важно для профилактики в целом соответствующего негативного социального явления и для выявления механизмов, лежащих в основе совершения конкретного совершенного преступления. При этом криминологические знания об условиях могут быть полезными не только для профилактики конкретного вида преступности, но и для полноты воссоздания картины совершения конкретного преступления.

В связи с этим для расследования мошенничества в сфере жилищного строительства важным является знание условий, которые «подпитывают» явление, которое составляют названные факты совершения преступных посягательств [8, с. 73–76]. Благодаря этому имеется возможность установления наиболее типовых элементов обстановки, которые способствова-

ли совершению конкретного мошенничества в сфере жилищного строительства и знание которых позволяет сделать вывод о наличии значимых для раскрытия и расследования преступления обстоятельств. Тем более что отдельные элементы обстановки совершения мошенничества обязательно учитываются преступником еще при планировании преступления. Они определяют целый ряд параметров совершенного преступления, таких как его длительность, количество этапов, по достижении которых планировалось достижение соответствующей цели, количество лиц, которые должны были быть привлечены к совершению преступления, особенности обмана, к которому прибег преступник для достижения поставленной цели. Знание условий соответствующего вида преступности позволяет увидеть в частном типовое использование знания, которое оптимизирует проводимое расследование, позволяет следователю рассчитывать на достижение вполне определенных результатов [9, с. 7–11]. Тем самым условия, способствующие названному виду преступности, важны не только для ее профилактики, но и для решения таких конкретно задач, как расследование преступлений, составляющих названный вид преступности [10, с. 249–257]. В этом проявляется взаимосвязь двух юридических наук: криминологии и криминалистики. В этом проявляется взаимосвязь таких целей, как профилактика соответствующего вида преступности и расследование конкретных случаев мошенничества. Благодаря знанию условий, способствующих рассматриваемому виду преступности, имеется возможность определить наиболее существенные элементы обстановки совершения составляющих этот вид преступности преступлений, что важно для решения задач по установлению истины по конкретным уголовным делам.

Для мошенничества в сфере строительства характерно то, что преступники стремятся представить себя в качестве лиц, заботящихся о жилищных проблемах других граждан. В связи с этим они стремятся представить свои действия как в полной мере соответствующие действующему законодательству. В той части, в которой они не соответствуют действующему законодательству, данное несоответствие представляется как неизбежность, вызванная исключительно заботой о том, чтобы граждане, желающие улучшить жилищные условия, избежали различного рода неудобств, связанных с необходимостью соблюдать всевозможные формальности. Такой механизм совершения преступления обусловлен тем, что вокруг строительства жилья не только государством, но и обществом создана максимально благоприятная среда, в которой преобладает благосклонность к тем, кто стремится эффективно решать жилищную проблему граждан. Это вполне нормально и необходимо для добросовестных строителей, но это, к сожалению, оказывается благоприятным и для совершения мошенничества. Мошенники стремятся воспользоваться благосклонностью при реализации своих незаконных, антиобщественных намерений. Тем более что их намерения замаскированы под благие, полезные для общества. Так, они стремятся максимально воспользоваться для достижения поставленной криминальной цели теми льготными условиями, которые предоставляет государство строителям жилья. В частности, они стремятся получать соответствующее финансирование, которое часто оказывается ничем не обеспеченным. В последующем это представляется как вполне обоснованный риск. Иначе говоря, преступление маскируется под законную деятельность и в этом используется сложившаяся обстановка, наиболее значимые элементы которой формируются действующим законодательством, которое стремится стимулировать жилищное строительство. Используется также и доверчивость потенциальных клиентов, которые считают, что в таком деле, как решение жилищной проблемы, обмана быть не должно. Такая доверчивость основана на том, что государство провозглашает ценность для себя отношений в сфере жилья и стремление защищать эти отношения. В свете этого граждане часто излишне доверчиво полагают, что отношения, в которые им предлагается вступить, гарантированы от обмана. Они полагают себя защищенными государством от возможного обмана. Отчасти так и есть, но истины ради следует признать то, что таким отношением граждан пользуются недобросовестные лица, стремящиеся достичь преступной цели. Отношение общества и отношение отдельных граждан является одним из основных элементов обстановки совершения мошенничеств в сфере строительства жилья. Эти отношения также являются условием, которое способствует соответствующему виду преступности.

Но следует также отметить то, что в качестве элемента обстановки совершения упомянутого вида мошенничеств названные отношения интересны в деталях, которые способны максимально индивидуализировать совершенное преступление. Так, для следователя важно установить не просто характерные благоприятные условия для совершения всех однотипных преступлений, но и особенности обстановки, которые содействовали совершению конкретного преступления. В частности, представляют интерес такие элементы обстановки, которые повлияли на выбор преступником способа и механизма совершения конкретного преступления, а также те элементы, которые использовались в соответствующем механизме достижения поставленной преступной цели [11, с. 218–220]. К примеру, часто для этого используются упрощенные схемы учета материальных ценностей, которые сложились в строи-

тельстве, в соответствующем регионе или в сфере строительства соответствующих видов жилья. Также могут использоваться упрощенные формы бухгалтерского учета. При этом названное упрощение является не результатом применения требований законодательства, а результатом сложившегося обыкновения при выполнении соответствующего вида работ. Хотя следует признать и то, что формированию такого обыкновения часто способствует наличие определенных излишне формализованных требований. Поэтому для полноты понимания обстановки совершения мошенничеств в сфере строительства жилья необходимо принимать во внимание данные криминологии об условиях, способствующих соответствующему виду преступности. Необходимо лишь умение увидеть то, как эти условия преломляются в конкретной ситуации совершения вполне определенного факта мошенничества. При этом такое преломление проявляется во вполне определенных отношениях, которые сложились в ходе организации и проведения строительства соответствующего жилья. Сами эти отношения являются лишь фоном, который не является причиной совершения преступления, но при этом именно благодаря ему повышается шанс достижения преступниками поставленной криминальной цели. Особенностью обстановки совершения мошенничества в сфере строительства являются не какие-либо погодные или иные физические явления окружающего мира, а вполне определенные отношения, которые явились благоприятным, а в некоторых случаях неблагоприятным фоном для совершения конкретного преступления, которые имели значение для достижения (или недостижения) преступниками поставленной цели. Отношения, которые становятся элементом обстановки совершения преступлений названного вида, всегда учитываются преступниками еще до начала их совершения. Принимаются во внимание как благоприятствующие совершению преступлению, так и неблагоприятствующие совершению преступления отношения. Это необходимость, которая встает перед злоумышленником, желающим достичь поставленной криминальной цели.

При совершении мошенничества в сфере строительства жилья злоумышленники стремятся к тому, чтобы планируемое ими преступление максимально «вписывалось» в обстановку, которая сложилась к определенному моменту. Это имеет значение для маскировки преступных действий под законные действия, которые не являются запрещенными действующим законодательством. Но не только цель маскировки преследуется виновными: немаловажное значение имеет возможность использования отдельных элементов обстановки для достижения поставленных криминальных целей. К примеру, знание того, что при совершении определенных действий сложилось обыкновение игнорирования отдельных формальностей, злоумышленники используют для облегчения совершения преступления. Иначе говоря, элемент обстановки может становиться своего рода катализатором механизма совершения преступления, он может способствовать ускорению достижения поставленной преступником цели. Но не только упрощенный порядок выполнения соответствующих, определенных законом процедур, становится благоприятным условием совершения преступлений в сфере жилищного строительства. Сложные процедуры также могут становиться условием, которое используется для облегчения достижения поставленной преступной цели. Сама сложность этих процедур может быть использована для встраивания в них действий, направленных на достижение преступного результата. В связи с этим представляется, что законодательное усложнение процедур, составляющих отношения в сфере строительства жилья, должно иметь вполне определенные пределы, поскольку слишком сложные процедуры сами могут становиться благоприятным условием совершения преступлений названного вида. Тем более что в практике совершения сделок с приобретением жилья сложные процедуры сами часто являются стимулом к их упрощению теми, кто вступает в данные сделки. Поэтому вместо гарантии законности и качества соответствующей сделки сложные процедуры часто влекут за собой создание условий для совершения преступлений, направленных на обман приобретателей жилья. В связи с этим вполне очевидно то, что усложнение процедур, связанных с продажей и приобретением жилья, не является гарантией безопасности этих сделок, если данные процедуры не обоснованы практикой противодействия преступным посягательствам на отношения, которые складываются на основе этих сделок.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в качестве обстановки следует принимать во внимание не только отношения, которые складываются на момент совершения соответствующего преступления в сфере строительства жилья, но и существующую систему норм, на основании которых складывается названная система отношений, которая используется преступниками для достижения поставленных ими целей. Безусловно, сами по себе такие нормы не являются факторами, которые непосредственно влияют на совершение конкретного преступления, но благодаря им формируется благоприятная обстановка, которая способствует достижению преступниками поставленных ими целей. Они создают условия, которые могут быть благоприятными совершению преступлений определенного вида. Тем самым, не являясь элементом обстановки совершения конкретного преступления, нормы следует прини-

мать во внимание в том случае, если они оказывали влияние на формирование тех или иных отношений, которые способствовали совершению соответствующего преступления. Знание особенностей регулирования соответствующими нормами отношений могут подсказать особенности обстановки, которая была принята во внимание преступником при планировании и совершении соответствующего преступления. При этом нормы не могут являться причиной совершения конкретных преступлений – они лишь влияют на обстановку, которая может стать привлекательной для отдельных лиц с тем, чтобы совершить преступление в сфере строительства жилья. Нормы не могут быть и причиной преступности в сфере строительства жилья как негативного социального явления – они могут лишь создавать для этого благоприятные условия. В этом состоит некоторое сходство между обстоятельствами совершения названных преступлений и условиями преступности в сфере строительства жилья. Причем для расследования конкретного преступления в сфере строительства жилья важными являются знания, касающиеся не только конкретного преступления, но и всего явления, т.е. преступности, поскольку это может помочь в определении общей стратегии предстоящего предварительного расследования. В этом состоит значение криминологии не только для профилактики преступности, но и для расследования конкретных преступлений, в том числе для расследования преступлений в сфере строительства жилья. Она позволяет следователю решать сложные задачи, характерные для ситуаций информационной неопределенности [12, с. 4–6].

Таким образом, для расследования конкретных преступлений в сфере строительства жилья важно знание не только обстановки, в которой это преступление совершалось, но и условий, которые способствуют совершению не только этого преступления, но и в целом соответствующего вида преступности. Это позволяет определить типовую стратегию расследования названных преступлений, которая способна обеспечить успех даже в сложных условиях информационной неопределенности и в иных проблемных ситуациях, которые характерны для начального этапа расследования преступлений названного вида.

Пристатейный библиографический список

1. *Подольный Н. А.* Справедливость – нравственный стандарт правосудия // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 20–21 марта 2015 года) : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : ИД «Петрополис» ; Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», 2016.

2. *Таракина К. Э.* Проблемы разграничения мошенничества при получении выплат с другими специальными составами мошенничества // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 1 (80).

3. Зайченко В. Е. Факторы, детерминирующие мошенничество в сфере долевого строительства // Юридический факт. 2019. № 79.

4. Суходолов А. П., Новикова Н. Г., Кубасова Т. И., Хомкалов Г. В., Лавыгина И. В. Факторы, детерминирующие мошенничество в сфере долевого строительства // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1.

5. *Хилюта В. В.* Использование обмана в качестве способа и средства при совершении мошенничества // Законность. 2020. № 5 (1027).

6. *Хилюта В. В.* Мошенничество и неисполнение гражданско-правовых обязательств : критерии разграничения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2 (76).

7. *Подольный Н. А., Подольная Н. Н.* Взаимосвязь уровня преступности и экономической пассивности населения на рынке труда // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1 (45).

8. *Третьякова Е. И.* Способ совершения мошенничества в сфере оборота жилья // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2017. № 1 (1).

9. *Подольный Н. А.* Предпосылки расследования преступлений // Российский следователь. 2014. № 8.

10. *Подольный Н. А.* Подготовительный к расследованию этап – этап формирования информационной основы раскрытия и расследования преступлений // Библиотека криминалиста. 2014. № 4 (15).

11. *Дроздова Е. А., Лосева С. Н.* О некоторых способах совершения мошенничества в сфере строительства // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 2.

12. *Подольный Н. А.* Значение разрешения ситуации информационной неопределенности для расследования преступлений // Российский следователь. 2011. № 17.

References

1. *Podolnyi N. A.* Fairness Is the Moral Standard of Justice // Fairness and Equality in Criminal Proceedings: Collection of Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, 20–21 March 2015). In 2 parts. Part 1. St. Petersburg: Publishing House "Petropolis"; North-West Branch of the Russian State University of Justice, 2016.

2. *Tarakina K. E.* Problems of Differentiation of Fraud When Receiving Payments with Other Special Compositions of Fraud. *Lawyer*. 2017. No. 1 (80).

3. *Zaichenko V. E.* Factors Determining Fraud in the Field of Shared-Equity Construction. *Legal Fact*. 2019. No. 79.

4. *Sukhodolov A. P., Novikova N. G., Kubasova T. I., Khomkalov G. V., Lavygina I. V.* Factors Determining Fraud in the Field of Shared-Equity Construction. *All-Russian Criminological Journal*. 2018. Vol. 12. No. 1.

5. *Khiliuta V. V.* Use of Deception as a Method and Means for Committing Fraud. *Legality*. 2020. No. 5 (1027).

6. *Khiliuta V. V.* Fraud and Non-Fulfillment of Civil Obligations: Criteria for Differentiation. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2020. No. 2 (76).

7. *Podolnyi N. A., Podolnaia N. N.* The Relationship Between the Level of Crime and Economic Passivity of the Population in the Labor Market. *News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Science*. 2018. No. 1 (45).

8. *Tretiakova E. I.* Method of Committing Fraud in the Sphere of Housing Turnover. *Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2017. No. 1 (1).

9. *Podolnyi N. A.* Prerequisites for Crime Investigation. *Russian Investigator*. 2014. No. 8.

10. *Podolnyi N. A.* Preparatory to the Investigation Stage – the Stage of Forming the Information Basis for Disclosure and Investigation of Crimes. *Library of the Criminalist. Scientific Journal*. 2014. No. 4 (15).

11. *Drozdova E. A., Loseva S. N.* On Some Ways of Committing Fraud in the Construction Sector. *Problems of Economics and Legal Practice*. 2019. Vol. 15. No. 2.

12. *Podolnyi N. A.* The Significance of Resolving the Situation of Information Uncertainty for the Investigation of Crimes. *Russian Investigator*. 2011. No. 17.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-40-46

ПЕРЕТЯТЬКО
Наталья Михайловна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов)

naperetyatko@yandex.ru

ФЕДЮНИН
Антон Евгеньевич

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов)

aef@bk.ru

Основной формой реализации права граждан на участие в отправлении правосудия на сегодняшний день является судопроизводство с участием присяжных заседателей. Эффективность данного инструмента защиты прав и свобод человека и гражданина – важный показатель зрелости гражданского общества, определяющий уровень взаимодействия государства и общества, его правовой культуры. Вместе с тем анализ правоприменительной практики показывает проблемы в его функционировании, снижающие уровень доверия граждан к данной форме правосудия, в определенной степени нивелирующие материальные затраты государства на его содержание. Данные обстоятельства обусловливают необходимость комплексного подхода к правовому регулированию рассматриваемого института и актуальность его совершенствования. Предметом исследования явились нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), постановления Конституционного Суда РФ, опубликованная судебная практика, посвященные реализации права граждан на участие в осуществлении правосудия по уголовным делам, нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. как акта, впервые осуществившего комплексное регулирование института присяжных заседателей в России. Цель статьи – исследование факторов, снижающих эффективность правосудия с участием присяжных заседателей, связанных как с неудовлетворительной законодательной регламентацией отдельных положений данного института, так и с низкой правовой культурой их реализации. Методологической основой исследования послужил комплекс общенаучных и частнонаучных методов: диалектический, анализ и синтез, социологический, логико-юридический, сравнительно-правовой. В статье проанализирована законодательная регламентация института присяжных заседателей, проведен сравнительной анализ эффективности современных норм и Устава уголовного судопроизводства 1864 г., исследована практика их применения с точки зрения правовой культуры. Сформулированы выводы о необходимости дальнейшего совершенствования института присяжных заседателей в целях сокращения сроков рассмотрения уголовных дел, обеспечения прозрачности механизма отбора кандидатов в присяжные заседатели, стабильности приговоров, постановленных на основе вердикта, повышения культуры правоприменения в исследуемой сфере. Новыми являются предложения авторов о внесении изменений в нормы УПК РФ, регламентирующие данную форму реализации права граждан на участие в отправлении правосудия, с учетом опыта законодательного регулирования данного института Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Анализ действующего законодательства и судебной практики, выработка на их основе предложений по изменению и дополнению норм УПК РФ имеют практическое значение для обеспечения конституционных прав граждан, способствуют повышению эффективности правосудия, правовой культуры.

Право на участие в осуществлении правосудия; судопроизводство с участием присяжных заседателей; сроки рассмотрения; мотивированный и немотивированный отвод кандидата в присяжные заседатели; обжалование приговора; культура правоприменения

Natalia M. PERETYATKO
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy (Saratov)
naperetyatko@yandex.ru

Anton E. FEDYUNIN
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy (Saratov)
aef@bk.ru

IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF CITIZENS TO PARTICIPATE IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN CRIMINAL CASES: LEGISLATIVE PROVISIONS AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Right to participate in the administration of justice; proceedings with the participation of jurors; timing of consideration; motivated and unmotivated challenge of a candidate for jurors; appeal of the verdict; culture of law enforcement

The main form of realization of the right of citizens to participate in the administration of justice today is the trial with the participation of jurors. The effectiveness of this tool for the protection of human and civil rights and freedoms is an important indicator of the maturity of civil society, which determines the level of interaction between the state and society, its legal culture. At the same time, the analysis of law enforcement practice shows the problems in its functioning, reducing the level of trust of citizens to this form of justice, to a certain extent leveling the material costs of the state for its maintenance. These circumstances necessitate a comprehensive approach to the legal regulation of the institution in question and the relevance of its improvement. The subject of the study was the rules of the code of criminal procedure, decisions of the constitutional Court of the Russian Federation, published court practice on the implementation of the right of citizens to participate in the administration of justice in criminal matters, provisions of the Charter of criminal proceedings of 1864 as an act carried out the first comprehensive regulation of juries in Russia. The aim is to study the factors that reduce the effectiveness of justice with the participation of jurors, associated with both unsatisfactory legislative regulation of certain provisions of this institution, and low legal culture of their implementation. The methodological basis of the study was a complex of General scientific and private scientific methods: dialectical, analysis and synthesis, sociological, logical-legal, comparative-legal. The article analyzes the legislative regulation of the Institute of jurors, a comparative analysis of the effectiveness of modern norms and the Statute of criminal proceedings in 1864, the practice of their application from the point of view of legal culture. Conclusions are formulated about the need to further improve the institution of jurors in order to reduce the time of consideration of criminal cases, ensure transparency of the mechanism of selection of candidates for jurors, stability of sentences decided on the basis of the verdict, increase the culture of law enforcement in the studied area. New are the authors' proposals to amend the rules of the criminal procedure code, regulating this form of realization of the right of citizens to participate in the administration of justice, taking into account the experience of legislative regulation of this institution by the Statute of criminal proceedings of 1864. Analysis of current legislation and judicial practice, development on their basis, proposals for amending and supplementing norms of the code of criminal procedure is of practical importance for ensuring constitutional rights of citizens, contributes to improving the efficiency of justice, legal culture.

Конституция РФ гарантирует право граждан на участие в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32). В уголовном судопроизводстве данное право реализуется посредством участия в отправлении правосудия в качестве присяжного заседателя (ч. 2 ст. 47, ч. 4 ст. 123 Конституции РФ).

Данная форма судопроизводства традиционно увязывается с демократическими ценностями правового государства, подлинной независимостью судебной власти, состязательностью и равноправием сторон, высокой правовой культурой. Анализируя шестилетний опыт функционирования суда присяжных заседателей с момента его введения Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., А. Квачевский отмечал, что к общим достоинствам такого суда относится его сущность как суда народного, близко знающего и понимающего тех, кого ему приходится судить, отсутствие профессиональной деформации и предубеждения, способности учесть все обстоятельства совершенного преступления и причины

его совершения [1, с. 3]. Соответственно, и принадлежность к составу присяжных заседателей, по мнению А. А. Головачева, рассматривается не только как общественная обязанность, но и как неотъемлемое право, поскольку оно позволяет стать посредником между требованиями закона и жизни, дает средство влиять на законодательство и вместе с тем служит общественной школой, посредством которой законодательство влияет на жизнь[2, с. 362].

В период реформирования судебной системы РФ возврат суда с участием присяжных заседателей позиционировался не только как дополнительная гарантия судебной защиты в отношении обвиняемого в преступлении, за совершение которого устанавливается исключительная мера наказания, но и прежде всего как показатель демократизации уголовного судопроизводства, нацеленность на отказ от розыскных начал, излишней казенщины и формализма [3, с. 3]. И в настоящее время Конституционный Суд РФ акцентирует внимание законодателя на особой конституционно-правовой значимости данного института, в законодательном регулировании которого особенно остро воспринимаются нарушения принципов справедливости и равенства перед законом и судом [4].

С целью расширения сферы деятельности данного суда, предоставления большему числу обвиняемых возможности ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей его подсудность была распространена и на районные суды. В итоге статистика демонстрирует рост по числу лиц, подавших соответствующее ходатайство: в 2018 г. было подано 612 ходатайств; в 2017 г. – 450; в 2016 г. – 554; в 2015 г. – 424. За шесть месяцев 2019 г. уже подано 442 ходатайства [5]. Таким образом, мы видим растущую потребность в данной форме судопроизводства со стороны обвиняемых. Однако сами кандидаты в народные судьи не всегда демонстрируют готовность выполнить свой общественный долг и реализовать право на участие в отправлении правосудия. Так, в целях формирования коллегии присяжных заседателей вызов направляется порядка тысячи гражданам [6]. В этом аспекте стоит обратить внимание на схожесть современных проблем с периодом становлении суда присяжных заседателей. Например, А. Ф. Кони отмечает, что состав присяжных заседателей зачастую представляет собой не фактические единение представителей разных слоев общества, а собрание людей, которым не удалось избежать внесения их в списки [7, с. 12]. В связи с этим представляется неубедительным тезис о положительном влиянии предусмотренной в Уставе уголовного судопроизводства ответственности за неявку присяжного в судебное заседание [8, с. 197].

Как представляется, невостребованность права граждан на участие в судопроизводстве в качестве присяжных заседателей снижает эффективность данного института, способствует формированию недоверия граждан к данной форме осуществления правосудия, нивелирует достаточно серьезные материальные затраты государства на его содержание.

К одной из возможных причин уклонения граждан от участия в отправлении правосудия исследователи и практические работники относят длительные сроки рассмотрения уголовных дел (по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за шесть месяцев 2019 г., подавляющее число уголовных дел с участием присяжных заседателей рассматриваются от трех месяцев до одного года). Такой значительный срок, с одной стороны, способствует выводу гражданина из сферы его профессиональных интересов, утрате профессиональных навыков, с другой – приводит к потере интереса к уголовному делу, забыванию его деталей, к возможности получения информации внепроцессуальным путем и оказаться под давлением родственников, знакомых подсудимого.

Процессуальный порядок проведения судебного заседания с участием присяжных заседателей сложен даже для профессионала, таит в себе потенциальные возможности для сторон по дальнейшему обжалованию приговора и затягивания процесса. В таких условиях граждане предпочитают уклоняться от своего гражданского долга по осуществлению правосудия, оценивая свое участие в судопроизводстве как формальность, приводящую к проблемам с работодателем, потенциальной опасностью давления на присяжного заседателя, членов его семьи. Внесенные изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) не решили обозначенных проблем, поскольку не затронули процессуального порядка осуществления данной формы правосудия, сократив лишь число присяжных заседателей, что приведет, по нашему мнению, к автоматическому переносу имеющихся недостатков и в районные суды.

Громоздкость некоторых уголовно-процессуальных норм, способствующих усложнению процесса, нарушение их сторонами, зачастую намеренно, приводят к дальнейшему затягиванию процесса, в том числе посредством обжалования и нового рассмотрения уголовного дела в ином составе суда. Конкретизируя решения, которые вправе принять суд апелляционной инстанции, законодатель подчеркивает возможность отмены оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, лишь при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов

или на содержание данных присяжными заседателями ответов (ст. 389.25 УПК РФ). Коллегия присяжных заседателей при вынесении вердикта высказывает свое мнение по существу фактических обстоятельств дела, поэтому у суда второй инстанции остается право проверки только юридической части приговора, что в свою очередь является прерогативой кассации. Следует согласиться с мнением О. А. Калякина, указывающего на неприемлемость апелляции применительно к приговору, вынесенному с участием присяжных заседателей [9, с. 23]. Думается, законодательное решение Устава уголовного судопроизводства относительно возможности обжалования приговоров, вынесенных с участием присяжных заседателей, в кассационном порядке в большей степени отвечает задачам данного процессуального института. Считаем, возможность обжалования приговора, постановленного с участием присяжных заседателей, в апелляционном порядке следует исключить.

Судебное следствие с участием присяжных заседателей ограничено теми сведениями, которые необходимы присяжным заседателям для ответов на поставленные перед ними вопросы. Установлен запрет на исследование информации о личности подсудимого, в том числе об алкоголизме, наркомании, судимостях. Исключение составляют лишь те сведения, которые необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Однако применительно к личности потерпевшего такие запреты не установлены.

Исследование личности потерпевшего может представлять интерес как для стороны обвинения, так и для стороны защиты. Так, например, если приписать часть вины жертве преступления или очернить ее, присяжные заседатели будут более благосклонны к подсудимому. Потерпевший, имеющий судимости, отрицательно характеризующийся в быту и на работе, склонный к употреблению алкоголя, болеющий наркоманией, вызывает неприятие у присяжных, подсудимый же, сведениями о личности которого присяжные заседатели не обладают, окажется в более благоприятных условиях для снисхождения или оправдания. В судебной практике приводятся случаи обсуждения личности потерпевшего. Адвокат, оглашая вступительное заявление, призвал присяжных заседателей обратить внимание на личность потерпевшего, акцентируя внимание на неоднократные судимости, наличие специфических татуировок на руках потерпевшего. Обсуждая причины смерти потерпевшего, защитник огласил заключение экспертизы о наличии данных о хроническом алкоголизме [10]. Уставом уголовного судопроизводства допускалось исследование личности подсудимого (ст. 684). Возможность оценить содеянное и человека, его совершившего, со всеми «его дурными и хорошими сторонами», как раз и преподносилась исследователями как одно из преимуществ суда присяжных заседателей [1, с. 13]. Считаем, что установленный УПК РФ запрет на исследование личности подсудимого лишает присяжных объективной информации о его личности. Кроме того, анализ судебной практики показывает, что стороны зачастую нарушают законодательные запреты, демонстрируя низкий уровень правовой культуры. В таких случаях председательствующий, обращаясь к присяжным заседателям, призывает их не принимать во внимание сказанное. Однако очевидно, что сказанное оставляет свой след в сознании присяжных. В таких случаях та сторона, которая придерживается требований закона, все же остается в тактически менее выгодных условиях. Многочисленность таких нарушений может привести в дальнейшем к отмене приговора и, как следствие, к затягиванию процесса по уголовному делу.

В докладе В. П. Лукина, посвященном анализу эффективности суда с участием присяжных заседателей, отмечено, что существующая судебная практика может вести не к отбору, а к подбору присяжных заседателей, из лиц, угодных правоохранительным структурам [11]. Так, первоначальные действия по формированию коллегии присяжных заседателей, согласно УПК РФ, возложены на секретаря судебного заседания или помощника судьи (ст. 326). В статье отмечается, что отбор производится путем случайной выборки. Однако как она должна осуществляться, не сказано ни в УПК РФ, ни в Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде. Законодатель не требует фиксации действий секретаря судебного заседания, что по нашему мнению является пробелом. Вместе с тем в Уставе уголовного судопроизводства вопросу о беспристрастном, открытом, гласном и понятном для общественности порядке формирования коллегии народных судей придавалось повышенное внимание и принципиальное значение. За три недели до открытия судебных заседаний должны были быть отобраны 30 кандидатов в присяжные заседатели и шесть запасных (в последующих редакциях закона – три). Выбор кандидатов в присяжные заседатели осуществлялся судом, в состав которого входили председатель и два члена суда, секретарь, прокурор или его товарищ.

Методика производства случайной выборки кандидатов подробно описана в ст. 550–555 Устава уголовного судопроизводства. Жребий производился при открытых дверях присутствия. По спорным вопросам выслушивалось мнение прокурора, но не как представителя стороны обвинения, а как представителя органа, осуществляющего надзор за законностью. Имена кандидатов, выпавших в результате жребия, фиксировались в двух списках, скрепляемых секретарем и подписями судей. О проведении отбора составлялся протокол.

Принципиальное значение в Уставе уголовного судопроизводства придавалось и праву на немотивированный отвод присяжных заседателей. Справедливо отмечалось, что если решение о виновности или невиновности подсудимого принимается по внутреннему убеждению судей, то совершенно необходимо, чтобы и состав суда внушал к себе доверие. Широкое право на немотивированный отвод должно гарантировать стороне участие в правосудии именно тех лиц, которым она доверяет. Присяжный заседатель – избранник общества, соответственно он должен быть и избранником стороны. Именно это обстоятельство придает ему высокий нравственный авторитет; чем глубже корни, пущенные институтом присяжных, тем тверже и шире право отводов [12, с. 234].

Приведенный тезис, на наш взгляд, характеризует саму сущность правосудия с участием присяжных заседателей – право быть судимым судьями – представителями общества, не назначенными председательствующим судьей или представителями власти, а определенными волей случая. Данное положение в определенной степени утрачено нашим законодательством. Основное внимание в ст. 328 УПК РФ уделено процедуре мотивированного отвода. Однако председательствующий судья вправе не согласится с просьбой стороны об отводе присяжного заседателя. В судебной практике, в том числе и Верховного Суда РФ, приведены позиции, когда председательствующий судья отказывает в удовлетворении мотивированного отвода по тем основаниям, что доводы стороны о невозможности участия присяжного заседателя не основаны на законе. Вместе с тем смысл отводов в том числе и в том, что сторона должна иметь возможность устранить тех лиц, которые не вызывают у нее доверия, не способных по ее мнению оценить содеянное, дойти до истины. Безусловно, право на немотивированный отвод не должно быть безграничным, однако действующее положение о немотивированном отводе одного кандидата в присяжные представляется недостаточным, противоречащим сущности судопроизводства с участием присяжных заседателей.

Имеется пробел и в части, посвященной регулированию формирования коллегии присяжных заседателей относительно заявления немотивированных отводов. Немотивированные отводы не оглашаются, в ч. 13–17 ст. 328 УПК РФ описан следующий порядок: государственный обвинитель вычеркивает фамилию кандидата из списка. Защитник по согласованию с подсудимым (подсудимыми) так же вычеркивает фамилию кандидата. После разрешения всех самоотводов и отводов составляется окончательный список, затем председательствующий объявляет результаты отбора, т.е. объявляет фамилии оставшихся. Таким образом, остается неурегулированным вопрос: должен ли председательствующий судья уведомить защитника о результатах немотивированного отвода, произведенного государственным обвинителем? Полагаем, данные действия необходимы в целях обеспечения наиболее полной реализации принципа состязательности сторон. Для устранения данного пробела целесообразно внести изменения в ст. 328 УПК РФ, дополнив ч. 14 указанием на то, что председательствующий должен ознакомить сторону защиты о том, кто отведен государственным обвинителем в результате немотивированного отвода.

Важным аспектом является и гарантированная безопасность присяжных заседателей.

Возникают сомнения в возможности беспристрастного рассмотрения присяжными заседателями составов преступлений, предусмотренных ст. 209 «Бандитизм», ч. 4 ст. 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» УК РФ. Напомним, что применительно к ст. 205 «Террористический акт» УК РФ и некоторым другим составам преступлений Конституционный Суд РФ указал, что поскольку данное преступление нацелено на устрашение населения, испытывающего обоснованные опасения за свою безопасность, своих родных, целостность своего имущества, решение законодателя изъять состав преступления из подсудности присяжных заседателей, являющихся представителями населения, не противоречит Конституции РФ [4]. Банда создается в целях нападения на граждан, что отражено к конструкции данной статьи, преступное сообщество (преступная организация) – в целях совершения преступлений, имеющих категорию тяжких или особо тяжких, поэтому вполне справедливо в данном случае предположить, что граждане, так же как и при рассмотрении уголовных дел о террористическом акте, вполне обоснованно будут опасаться за жизнь и здоровье – как свои, так и своих близких.

Особого внимания заслуживает включение в подсудность присяжных заседателей ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» УК РФ. Считаем, что данные составы преступлений необходимо изъять из подсудности присяжных заседателей (дополнив п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ указаниями на ст. 209, ч. 4 ст. 210, 210.1 УК РФ), ответственность за беспристрастность и объективность рассмотрения таких уголовных дел должна лежать на профессиональных судьях.

Участие граждан в отправлении правосудия – важный показатель зрелости гражданского общества, определяющий уровень взаимодействия государства и общества, правовой культуры. Процедура осуществления правосудия с участием присяжных заседателей должна быть понятной, гласной, осуществляться в разумные сроки, демонстрировать исключительность, преюдициальность вердикта, иначе данный институт превратится в неэффективный инструмент защиты прав и свобод, невостребованный обществом и государством. Дальнейшее его совершенствование – задача государства.

Пристатейный библиографический список

1. Суд присяжных по русским законам. Руководство для присяжных заседателей, составленное А. Кварчевским // Опыт отечественной судебной реформы 1864 г. Москва : Библиотека Администрации Президента Российской Федерации ; СПС «КонсультантПлюс», 2010. Диск 2.

2. Головачев А. А. Десять лет реформе 1861–1871 г. // Опыт отечественной судебной реформы 1864 г. Москва : Библиотека Администрации Президента Российской Федерации ; СПС «КонсультантПлюс», 2010. Диск 2.

3. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М. : Республика, 1992.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р. Р. Зайнагутдинова, Р. В. Кудаева, Ф. Р. Файзулина, А. Д. Хасанова, А. И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2276.

5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 6 месяцев 2019, 2018, 2017, 2016, 2016, 2014 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=34 (дата обращения: 03.07.2020).

6. Справка по результатам изучения судебной практики рассмотрения Саратовским областным судом уголовных дел с участием присяжных заседателей за 2014–2016 гг. // Саратовский областной суд : сайт. URL: http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=10119 (дата обращения: 03.07.2020).

7. Устав уголовного судопроизводства : Систематический комментарий / при участии сенаторов А. Ф. Кони, В. К. Случевского, Н. С. Таганцева; под общ. ред. М. Н. Гернета. Вып. 1. Москва : Библиотека Администрации Президента Российской Федерации ; СПС «КонсультантПлюс», 2010. Диск 2.

8. *Силакова В. С.* Формирование коллегии присяжных заседателей по уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2016. № 15.

9. *Калякин О. А.* Апелляция в системе современных проверочных производств // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3.

10. Определение Верховного Суда РФ от 19 марта 2009 № 13-О09-4СП // Судебная система РФ : сайт. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_41918.htm (дата обращения: 03.07.2020).

11. *Лукин В. П.* Не ущемляйте суд присяжных. Заявление уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2004. 27 февраля.

12. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 т Т. 1. СПб. : Альфа, 1996.

References

1. Jury Trial According to Russian Law. A Guide for Jurors Compiled by A. Kvachevskii. In Experience of the Domestic Judicial Reform of 1864. Moscow: Library of the Presidential Administration of the Russian Federation; SPS "ConsultantPlus", 2010. Disk 2.

2. *Golovachev A. A.* Ten Years of the Reform of 1861–1871. In Experience of the Domestic Judicial Reform of 1864. Moscow: Library of the Presidential Administration of the Russian Federation; SPS "ConsultantPlus", 2010. Disk 2.

3. *Pashin S. A. (comp.).* The Concept of Judicial Reform in the Russian Federation. Moscow: Respublika, 1992.

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19 April 2010 No. 8-P "On the Case of Check of Constitutionality of Points 2 and 3 of Part Two of Article 30 and Part Two of Article 325 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with Complaints of Citizens R. R. Zainagutdinov, R. V. Kudaev, F. R. Faizulin, A. D. Khasanov, A. I. Shavaev and request of the Sverdlovsk Regional Court". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2010. No. 18. Art. 2276.

5. Summary Statistical Information on the Activities of Federal Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace for 6 Months 2019, 2018, 2017, 2016, 2016, 2014. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=34 (date of the application: 03.07.2020).

6. Information on the Results of the Study of Judicial Practice of the Consideration of Criminal Cases by the Saratov Regional Court with the Participation of Jurors for 2014–2016. URL: http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=10119 (date of the application: 03.07.2020).

7. Gernet M. N. (ed.). The Charter of Criminal Justice: Systematic Commentary, with the Participation of Senators A. F. Koni, V. K. Sluchevskii, N. S. Tagantsev. Issue 1. In Experience of the Domestic Judicial Reform of 1864. Moscow: Library of the Presidential Administration of the Russian Federation; SPS "ConsultantPlus", 2010. Disk 2.

8. *Silakova V. S.* Formation of the Jury on the Statute of Criminal Proceedings of 1864 // Fundamental and Applied Research in the Modern World. 2016. No. 15.

9. *Kaliakin O. A.* Appeal in the System of Modern Verification Proceedings // Criminal Proceedings. 2014. No. 3.

10. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 19 March 2009 No. 13-O09-4SP. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_41918.htm (date of the application: 03.07.2020).

11. *Lukin V. P.* Do Not Infringe on the Jury. Statement of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. *Rossiiskaia Gazeta*. 27 February 2004.

12. *Foinitskii I. Ia.* Course of Criminal Justice. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Alpha, 1996.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦИФРОСЕКСУАЛИЗМА

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-47-56

В условиях, когда для удовлетворения сексуальных потребностей люди все чаще используют цифровые и информационно-телекоммуникационные технологии, актуальными являются изучение и оценка возможных криминологических рисков. Предметом исследования является взаимосвязь между цифросексуализмом и совершением преступлений. Цель работы – выявить криминологические риски цифросексуализма, обосновать их реальность и значимость, сформулировать предложения по их минимизации. Выводы исследования сделаны на основе изучения отечественной и зарубежной литературы в области криминологии, уголовного права, психологии, анализа интернет-источников и правоприменительной практики. В результате автором выявлены семь основных криминологических рисков цифросексуализма: совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних; совершение преступлений в отношении лиц, склонных к посягательствам на половую неприкосновенность несовершеннолетних; порноместь; расширение рынка порнографической продукции; трансформация сферы коммерческих сексуальных услуг; использование нейросетей для изменения внешности героев порнографического видеоконтента; прогнозируемые криминологические риски «второй волны» цифросексуализма, связанные с использованием технологий виртуальной и дополненной реальности, а также секс-роботов для удовлетворения девиантных сексуальных потребностей. Результаты работы могут применяться в ходе дальнейших криминологических исследований, при совершенствовании законодательства, актов судебного толкования уголовно-правовых норм, для организации правоохранительной деятельности и профилактики преступлений.

СОЛОВЬЕВ
Владислав Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии Краснодарского
университета Министерства
внутренних дел РФ (г. Краснодар)

vladsolovyev@mail.ru

Цифросексуализм;
порноместь;
развратные действия;
порнография;
теледильдоника;
вебкам-порно;
секстинг

CRIMINOLOGICAL RISKS OF DIGISEXUALITY

In an environment where, to satisfy sexual needs, people are increasingly using digital and information and telecommunication technologies, the study and assessment of possible criminological risks is relevant. The subject of the study is the relationship between digisexuality and crime. The purpose of the work is to identify the criminological risks of digisexuality, to substantiate their reality and significance, to formulate proposals for minimizing them. The findings of the study are based on the study of domestic and foreign literature in the field of criminology, criminal law, psychology, analysis of Internet sources and law enforcement practice. As a result, the author identified seven main criminological risks of digisexuality: the commission of crimes against the minors sexual integrity; the commission of crimes against persons prone to assault on the minors sexual integrity; revenge porn; expanding the market for pornographic products; transformation of commercial sex work; the use of neural networks to change the appearance of the heroes of pornographic video content; the predicted criminological risks of the "second wave" of digisexuality associated with the use of virtual and augmented reality technologies, as well as sex robots to satisfy deviant sexual needs. The results of the work can be applied in the course of further criminological studies, while improving legislation, acts of judicial interpretation of criminal law, for the organization of law enforcement and crime prevention.

Vladislav S. SOLOVYOV

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian
Federation (Krasnodar)

vladsolovyev@mail.ru

Digisexuality;
revenge porn;
depraved actions;
pornography;
teledildonics;
webcam porn;
sexting

Развитие цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий привело к трансформации отношений между людьми во многих сферах. Исключением не является и сфера сексуальная.

Одними из первых научное внимание на это обратили канадские ученые *Neil McArthur* и *Markie L.C. Twist* [1, p. 334–344]. Именно они предложили ввести в научный оборот термин «цифросексуализм», который можно толковать как использование цифровых технологий для получения сексуального удовлетворения. Ученые описали две волны развития сексуальных технологий и цифросексуализма.

Первая волна характеризовалась тем, что технологии обеспечивали сексуальную связь с партнером-человеком. Многие из технологий первой волны продолжают развиваться, одновременно появляются новые. К ним можно отнести традиционную цифровую порнографию, секс-чаты, средства для совершения сексуальных действий в прямом эфире между двумя или несколькими партнерами. Есть множество программных средств, например *Skype* и *Snapchat*, которые специально не предназначены для сексуального взаимодействия, но часто используются для этой цели. К тому же есть коммуникационные технологии, разработанные специально для удовлетворения сексуальных потребностей, позволяющие имитировать физическое взаимодействие между партнерами. К ним относится теледильдоника, позволяющая пользователям «чувствовать» друг друга виртуально через секс-игрушки, которыми партнер управляет дистанционно или которые реагируют на движения партнера. Они используются не только людьми, состоящими в отношениях, но и секс-работниками, которые могут взаимодействовать с клиентами виртуально. Кроме того, частью первой волны цифросексуализма являются сетевые технологии, такие как социальные медиа, сайты знакомств в Интернете, мобильные приложения, сетевые игры.

Наиболее распространенным проявлением первой волны цифросексуализма является секстинг – пересылка сообщений эротического содержания, интимных фотографий и видеозаписей при помощи современных средств связи. В докладе *E. Stasko* и *P. Geller* на 123-й ежегодной конференции американской психологической ассоциации прозвучало, что 87,8% людей хоть раз использовали секстинг, а 82% делали это в прошедшем году [2]. Согласно исследованию, проведенному производителем антивируса *McAfee*, около половины взрослых используют мобильные устройства, чтобы обмениваться сообщениями о сексе и откровенными фото. Из них 77% отправляют такие сообщения партнерам, а 16% – незнакомцам [3].

Цифросексуализм второй волны находится на ранней стадии развития. Определяющей его чертой является либо полное отсутствие человека – сексуального партнера, либо его несущественная роль. Воплощением второй волны цифросексуализма в настоящее время являются секс-роботы (*sexbots*) и *VR*-секс. Каждая из этих технологий качественно отличается от того, что предлагают технологии первой волны. Секс-роботы становятся все более реалистичными, приближаются к человеку как по анатомическим характеристикам, так и по возможности установления эмоциональной связи с людьми благодаря использованию искусственного интеллекта. *Neil McArthur* и *Markie L.C. Twist* прогнозируют рост числа людей, которые будут использовать роботов в качестве основного способа получения сексуального удовлетворения [1, p. 334–344].

VR-секс – это технология, использующая либо трехмерную компьютерную среду, либо дополненную реальность, для совершения сексуальных действий. *VR* качественно отличается от других цифровых технологий «ощущением присутствия», иллюзией правдоподобности происходящих событий в человеческом мозгу.

Будущее цифросексуализма труднопрогнозируемо, однако с высокой степенью уверенности можно говорить об увеличении масштабов использования цифровых технологий для удовлетворения сексуальных потребностей. Есть основания полагать, что в целом их эффект будет позитивным. Они позволят людям испытывать больше сексуального удовольствия, обеспечат доступ к сексуальному удовлетворению для людей, у которых есть проблемы с поиском сексуальных партнеров (людей с ограниченными возможностями, людей, предпочитающих девиантные способы удовлетворения сексуальных потребностей, людей, испытывающих психологические проблемы, жертв сексуальных травм и др.). Однако наряду с позитивным эффектом цифросексуализма существует ряд серьезных криминологических рисков, последствия которых либо уже серьезно влияют на криминальную ситуацию, либо начнут влиять на нее в ближайшей перспективе.

1. Цифросексуализм повышает риск совершения посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

По результатам анализа обращений детей и их родителей на линию помощи «Дети Онлайн» по вопросам столкновения с различными проблемами в Интернете, а также при использовании цифровых устройств установлено, что различные формы сексуальных домогательств: секстинг, грумминг, онлайн-знакомства являются одними из самых распространенных коммуникационных рисков (28% всех обращений по коммуникационным рискам) [4, с. 50–66].

Согласно данным исследования «Лаборатории Касперского» более половины опрошенных школьников получали в социальных сетях предложения

дружить от незнакомых людей, а более трети – встречались с людьми, с которыми познакомились в социальных сетях. При этом 11% опрошенных родителей отметили, что к их детям в возрасте 11–14 лет за последний год пытались «втереться в доверие» незнакомые взрослые [5].

Схожие данные публикуют и зарубежные исследователи. По данным *Statistic Brain Research Institute*, среди подростков 13–19 лет каждый второй получает сообщения о сексе, а пишут их 39%. Откровенными фото обменивается каждый пятый подросток. При этом 40% девочек-подростков на вопрос, зачем они шлют контент с сексуальным подтекстом, отвечают, что это была шутка, 34% хотят почувствовать себя сексуальными, а 12% делают это под давлением. Около 15% отправляют откровенные сообщения людям, с которыми они знакомы лишь онлайн [6].

На актуальность проблемы указывают и руководители правоохранительных ведомств, и представители научной общественности. А. И. Бастрыкин, анализируя проблему посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, отмечает, что «в большинстве случаев дети, совершившие первый неверный шаг, отправив фото или видео, продолжают находиться во власти педофила, выполняя все более изощренные требования. Педофилы умело манипулируют детьми, играя на чувстве страха, вины, стыда, боязни быть разоблаченными перед одноклассниками или друзьями, а самые близкие люди не объясняют им, что поддаваться на интернет-шантаж ни в коем случае не следует» [7, с. 7].

По мнению Е. А. Алиевой, «особенно уязвимыми являются дети и подростки – несовершеннолетние в возрасте до шестнадцати лет. Как правило, они проявляют неосмотрительное виктимное поведение, охотно вступая в контакт с незнакомцами, раскрепощенно обсуждая интимные темы и пересылая свои откровенные фото- и видеоизображения собеседнику» [8, с. 180].

Наиболее ярко иллюстрирует механизм взаимодействия преступника и жертвы приговор Сулейман-Стальского районного суда Республики Дагестан, которым установлено, что «Ф., являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, заведомо зная о том, что К. является лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, используя в своем мобильном телефонном устройстве мобильное приложение «WhatsApp», посредством сообщений, аудио- и видеозвонков на мобильный телефон К., с целью возбудить у последней преждевременный извращенный интерес к сексуальным отношениям, имея преступный умысел, направленный на совершение в отношении несовершеннолетней К. развратных действий без применения насилия, осознавая общественную опасность своих действий и осознавая, что побуждает у К. нездоровый сексуальный интерес, что негативно влияет на ее нормальное физиологическое и психологическое развитие, потребовал у последней отправить фотографии своих интимных частей тела. В последующем Ф. потребовал у К. продемонстрировать свои интимные части тела, что последняя и делала, тем самым совершил в отношении последней развратные действия без применения насилия.

Он же, Ф., после совершения развратных действий в отношении К., преследуя умысел на получение материальной выгоды для себя, используя в своем мобильном телефонном устройстве мобильное приложение «WhatsApp», посредством сообщений на мобильный телефон К., под угрозой распространения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений, позорящих потерпевшую, порочащих ее честь, достоинство – фотографий интимных частей тела К., незаконно, из корыстных побуждений потребовал от К. перевести на его банковскую карту денежные средства в сумме 10 000 рублей. К., боясь распространения позорящих сведений, порочащих ее честь и достоинство, дала согласие на перечисление денежных средств лишь в сумме 5000 рублей, которыми располагала на тот момент» [9].

Западные ученые установили корреляцию между вовлеченностью несовершеннолетних в процессы интернет-коммуникации и интересом к сексуальным отношениям. В исследовании, проведенном и опубликованном в 2011 г., приняли участие 555 подростков из 12 школ американского штата Мэриленд. Результаты показали, что у тех, кто отправляет от 100 до 200 сообщений в день, готовность к генитальному контакту выше, чем в группе отправляющих менее 100 сообщений, и ниже, чем в группе активностью более 200 сообщений. Объемы и скорость коммуникаций ведут к увеличению вариантов выбора и, следовательно, к росту общего количества сексуальных контактов [10, p. 800–804].

Таким образом, очевидно, что вовлеченность несовершеннолетних в коммуникационные процессы и цифросексуализм создает повышенные криминологические риски совершения в отношении них развратных действий и выводит на первый план возможности виктимологической профилактики противоправных деяний.

2. Цифросексуализм способствует совершению преступлений в отношении лиц, склонных к посягательствам на половую неприкосновенность несовершеннолетних.

Подобные преступления уже выступали в качестве объекта криминологического исследования и именовались «преступлениями, совершаемыми группами антиобщественной направленности по мотивам социальной справедливости» [11, с. 70–74]. Позволим себе не в полной мере согласиться с предлагаемой автора-

ми формулировкой мотивации таких преступлений. В большинстве случаев преступники преследуют цели получения прямой (вымогательство, шантаж, проведение публичных платных мероприятий по выявлению и «наказанию» педофилов с предварительной записью желающих принять участие) или косвенной («хайп», монетизация видеоотчетов о мероприятиях, размещенных на видеохостингах, поиск спонсоров и др.) материальной выгоды, о чем свидетельствуют как результаты научных исследований [12, с. 78–82], так и материалы судебной практики. К примеру, Ш., Н. и М., действуя группой лиц по предварительному сговору, договорились, что Ш. с помощью своего знакомого, имеющего доступ к сети Интернет, посредством общения в социальных сетях на интимные темы от имени выдуманного персонажа – 15-летней «Е.», пригласит на встречу лицо мужского пола. После этого на встречу с неизвестным в качестве «Е.» придет М., а также Н. с Ш., которые под видеозапись заставят его признаться в совершении развратных действий в отношении несовершеннолетней и под угрозой распространения в сети Интернет видеозаписи, позорящей честь и достоинство, будут требовать от пострадавшего выплаты им денежных средств. Впоследствии задуманное было реализовано [13].

Не вдаваясь в дискуссию относительно подлинной мотивации подобных преступлений и возможной социальной пользы от таких деяний, заметим, что их совершение становится возможным только в условиях значительных масштабов цифросексуализма, когда лица, испытывающие сексуальное влечение к детям или подросткам, ведут целенаправленный поиск несовершеннолетних в сети Интернет для совершения развратных действий или действий сексуального характера в ходе встреч офлайн.

3. Цифросексуализм способствует увеличению масштабов порномести.

В самом широком смысле порноместь можно определить как распространение в сети Интернет интимных фотографий или видеозаписей без согласия изображенного на них лица.

Выделяются следующие разновидности порномести:

– распространение эротических фотографий и видеозаписей, которые потерпевшие сами присылали виновным лицам;

– распространение эротических фотографий и видеозаписей, которые виновные лица изготавливали самостоятельно с разрешения потерпевших;

– распространение эротических фотографий и видеозаписей, которые виновные лица изготавливали самостоятельно без разрешения потерпевших (например, используя скрытую фото- или видеосъемку);

– распространение эротических фотографий и видеозаписей, которые виновные получали незаконно путем копирования с устройств, принадлежащих потерпевшим или другим лицам, либо путем неправомерного доступа к страницам в социальных сетях, мессенджерам, электронной почте и т.п.

Все перечисленные действия могут как сопровождаться, так и не сопровождаться вымогательством денежных средств или иных ценностей в обмен на отказ от публикации материалов в сети Интернет, а равно в обмен на удаление уже опубликованных материалов [14, с. 60–64].

Преступления, обусловленные порноместью, являются прямым следствием масштабов цифросексуализма и, в частности, секстинга. Это подтверждается изучением материалов правоприменительной практики. Было проанализировано содержание 70 итоговых процессуальных решений по делам, связанным с порноместью (обвинительные приговоры судов и постановления о прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям по ст. 137 УК РФ), в 44 из которых были описаны обстоятельства, при которых предмет порномести (интимные фотографии, видеозаписи, фрагменты переписки) оказался у преступника. В 31,8% случаев потерпевшие сами присылали такие материалы будущим злоумышленникам. Еще в 36,4% случаев жертвы порномести отправляли фото или видео другим лицам, однако по каким-либо причинам содержание переписки стало доступно преступнику (как правило, в результате неправомерного доступа к компьютерной информации или физического доступа к средствам коммуникации). Таким образом, 68,2% случаев порномести были обусловлены секстингом.

В условиях серьезных масштабов секстинга порноместь трансформируется в один из видов криминального бизнеса: преступники или целенаправленно «выманивают» у потенциальных жертв материалы интимного характера для последующего вымогательства денежных средств под угрозой их распространения, или путем неправомерного доступа к аккаунтам в социальных сетях или мессенджерах осуществляют поиск эротических фотографий или видеозаписей в тех же целях.

Так, у «Т., имеющего образование по специальности техник-программист, из корыстных побуждений возник преступный умысел, направленный на вымогательство денежных средств у пользователей социальной сети под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевших. Во исполнение своего преступного умысла Т. при помощи неустановленного технического устройства, функционально подключенного к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», «взломал», то есть получил неправомерный доступ к странице пользователя П. на сайте социальной сети, откуда незаконно, без согласия потерпевшей скопировал и сохранил на своем неустановленном в ходе следствия техническом устройстве фотографии П. в обнаженном виде, изображающие интимную сторону ее жизни. После этого Т. путем пе-

переписки (направления сообщений через систему отправки сообщений социальной сети) со своей страницы пользователя социальной сети с П., высказал ей требование о передаче ему денежных средств в размере 5000 рублей путем перевода денежных на зарегистрированный на него QIWI-кошелек, угрожая при этом в случае не передачи ему указанной суммы денежных средств распространить о П. сведения, позорящие потерпевшую, а именно разместить на ресурсе (сайте) со свободным доступом фотографии П. в обнаженном виде. В постановлении о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа получили оценку пять фактов вымогательства в отношении пяти разных пользовательниц социальной сети, совершенных одинаковым способом» [15].

Еще одним проявлением порномести можно считать формирование «баз данных» интимных фотографий или видеозаписей, полученных в результате секстинга или в ходе неправомерного доступа к компьютерной информации. В онлайн-среде они обозначаются термином «сливы», т.е. результат «слитых» в сеть интимных фотографий и видеозаписей.

Такие базы концентрируются на трех основных площадках:

1) сообщества в социальных сетях. В ходе контент-анализа социальной сети «ВКонтакте» были обнаружены сообщества: «Курицы Архангельска» – 36 тыс. участников; «Курицы Барнаула» – 22 тыс. участников; «Челнинские курицы» – 30 тыс. участников (аналогичные группы имеются практически в любом крупном городе России); «Шкуры твоего города» – 72 тыс. участников; «Слитые шкуры» – 7 тыс. участников и др.;

2) ресурсы *Darknet*: Vk-photo.onion, форумы 4chan, два.ч и др.;

3) *telegram*-каналы: «Топор», «Принцессы тиндера», «Современные шкуры», «Шкуронадзор» и др.

Можно обозначить следующие источники пополнения подобных ресурсов интимными фото- и видеоматериалами:

– интимные переписки бывших сексуальных партнеров, супругов, людей, состоящих в отношениях, «слитые» одним из них;

– материалы, полученные путем неправомерного доступа к страницам в социальных сетях, мессенджерам, электронной почте и т.п.;

– интимные фотографии и видеозаписи, присланные за деньги, подарки, иные формы материального вознаграждения;

– материалы, полученные в ходе «кастинга» кандидаток на роль «содержанок», «эскортниц». В этом случае девушкам предлагаются долговременные сексуальные отношения за материальное вознаграждение, для чего они должны «зарекомендовать» себя, прислав интимные фотографии или видеозаписи;

– опубликование фотографий или видеозаписей лиц, оказывающих платные сексуальные услуги в режиме онлайн (например, мастурбирующих в прямом эфире).

Решение вопросов о разделении ответственности между администраторами сообществ, где опубликованы интимные фото- и видеоматериалы, и лицами, предоставившими контент для размещения, – серьезная юридическая проблема. Администраторы привлекаются к ответственности в единичных случаях. Так, Л., являясь администратором интернет-сообщества «Курицы Костромы», с целью повышения популярности данного сообщества среди пользователей сети Интернет путем незаконного собирания и распространения среди участников данного сообщества при помощи сети Интернет сведений о частной жизни лиц женского пола, проживающих на территории города Костромы, составляющих их личную тайну, без их согласия, получил от не установленного следствием лица три фотографии ранее ему не знакомой К., в том числе одну фотографию с изображением полового акта с участием К., т.е. содержащую сведения о частной жизни К., составляющие ее личную тайну. После этого Л. с помощью имеющегося у него компьютера, действуя из вышеуказанных побуждений, умышленно, незаконно, без согласия К., добавил (разместил для публичной демонстрации) на сайте «vk.com» на «стене» страницы сообщества «Курицы Костромы» (адрес страницы https://vk.com/Kostroma_kur), в котором зарегистрировано более 9 тыс. участников, в открытом доступе с возможностью просмотра и копирования любым участником указанного сообщества полученные им файлы, включающие в себя вышеназванные три фотографии К., в том числе одну фотографию с изображением полового акта с участием К., т.е. содержащую сведения о частной жизни К., составляющие ее личную тайну [16]. Судя по приговору, «не установленное следствием лицо», предоставившее администратору фотографии, привлечено к ответственности не было.

Можно констатировать, что явление порномести наращивает свои масштабы и общественную опасность, что обусловлено в первую очередь различными проявлениями цифросексуализма, в особенности секстингом.

4. Цифросексуализм способствует расширению рынка порнографической продукции.

Негативные последствия оборота порнографической продукции являются достаточно распространенным предметом криминологических исследований, однако в эпоху развития цифросексуализма порнография приобретает новые черты и начинает выполнять новые социальные функции.

Американские социальные психологи Ф. Зимбардо и Н. Коломбе, рассматривая проблему десоциализации мужчин в современном обществе, отмечают, что «развивается особый род застенчивости в цифровом мире, и действовать в реальном мире становится

все сложнее и сложнее. Эго превращается в игрока, личность – в наблюдателя, а реальность съеживается до размеров комнаты. Со всей определенностью можно утверждать, что стеснительность становится причиной пристрастия к играм и порно, но одновременно и их следствием». 51% молодых мужчин от 26 до 34 лет, отвечая на вопрос «Какую пользу приносит порно?», выбрали вариант «Компенсирует потребность в сексе» [17, с. 37, 270].

Психологи неразрывно связывают цифросексуализм и существование сексуальных суррогатов. Суррогат – это дополнительное множество вариантов расщепления отношений и секса, когда часть процесса обслуживает специальный человек или технология. Суррогатом может быть и сам секс, что предполагает его некоторую искусственность и неполноценность, как в примере с порно [18, с. 73].

В такой ситуации очевидно, что спрос на порнографическую продукцию будет способствовать увеличению масштабов порноиндустрии. При наличии в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) нормы, устанавливающей ответственность за незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242), нужно рассматривать это в качестве криминологического риска.

Кроме того, не стоит забывать, что порнографические материалы используются и для удовлетворения девиантных сексуальных потребностей, в первую очередь касающихся сексуальных действий с детьми. Вывод о росте рынка порнографической продукции в эпоху развития цифросексуализма в полной мере применим и к таким порнографическим материалам. Исследования свидетельствуют, что «как правило, более 90% фактов распространения детской порнографии совершаются с помощью информационных ресурсов сети Интернет. Криминологами доказан факт того, что именно из-за массового распространения детской порнографии в сети Интернет, посредством электронных мессенджеров (таких, как «Viber», «WhatsApp», «Telegram») происходит ускоренный рост числа преступлений сексуального характера в отношении детей, начиная с грудного возраста» [19, с. 48]. Отсюда можно сделать вывод о взаимной детерминации распространения порнографической продукции с изображениями несовершеннолетних и посягательствами на половую неприкосновенность детей.

5. Цифросексуализм влечет трансформацию сферы коммерческих сексуальных услуг.

Сфера коммерческих сексуальных услуг, как и любой другой бизнес, неминуемо отреагировала на цифровизацию общественных отношений. «Первая волна» цифросексуализма привела к тому, что интернет-ресурсы стали использоваться как для рекрутинга в сферу коммерческих сексуальных услуг [20, с. 22–31], так и для рекламы элитной проституции в социальных сетях, мессенджерах, *Darknet* [21, с. 179–185].

Помимо этого в настоящее время изменяется сам характер оказываемых сексуальных услуг. Распространение получает вебкам-порно, когда пользователь за деньги может наблюдать, как порномодели мастурбируют либо занимаются сексом перед веб-камерами в режиме реального времени. За плату пользователь может давать указания таким моделям совершать те или иные действия.

Развитие технологий теледильдоники породило новую сексуальную услугу: за плату можно привести в действие вибратор и в режиме реального времени через веб-камеру наблюдать за реакцией порномодели.

Исследователи справедливо отмечают, что технологии постепенно стирают грань между проституцией и порнографией [22, с. 291]. Это неминуемо порождает как неурегулированность новых общественных отношений нормами права, так и закономерные криминологические риски.

Вопросы вызывают возможности юридической оценки таких услуг. Получается, что лица, оказывающие сексуальные услуги онлайн, оказываются в более выигрышном положении, нежели те, кто оказывает традиционные офлайн сексуальные услуги. Их практически невозможно привлечь к ответственности по ст. 6.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях, а организация оказания сексуальных услуг онлайн и вовлечение в такую деятельность не подпадают под квалификацию по ст. 241 и 240 УК РФ соответственно. Отсюда уже сейчас необходимо «уравнивание» юридических последствий для лиц, оказывающих сексуальные услуги онлайн и офлайн.

Кроме того, необходимо принятие мер, направленных на недопущение несовершеннолетних лиц к пользованию сексуальными услугами онлайн. Если для лиц, оказывающих сексуальные услуги офлайн, существует перспектива привлечения к уголовной ответственности за оказание таких услуг лицам, не достигшим 16-летнего возраста, по ст. 134 и 135 УК РФ, то онлайн-модели, оказывающие сексуальные услуги перед веб-камерой, не осознают, лицо какого возраста смотрит на них. Подчас единственным барьером между несовершеннолетним и получением сексуальных услуг онлайн является необходимость подтвердить наступление 18-летнего возраста путем нажатия на соответствующую кнопку на сайте.

6. Использование нейросетей для изменения внешности героев порнографического видеоконтента.

Для получения такого эффекта созданы программы, в которых нейросеть сопоставляет исходные фотографии с видеозаписью и заменяет лица героев ви-

деоматериала на желаемые пользователем. Первым следствием создания такого алгоритма явились порнографические видеофрагменты с «участием» известных актрис Галь Гадот, Скарлетт Йоханссон, Мэйси Уильямс, Обри Плазы и певицы Тейлор Свифт.

В настоящее время инструкция по использованию программного обеспечения для изменения внешности героев видео размещена на сайте pikabu.ru [23].

Возможные последствия и риски широкого применения таких программ очевидны. В первую очередь к ним относятся возможности вымогательства за нераспространение результатов модификации порнографического видео, а также репутационные риски для лица, ставшего «героем» порнографического материала. При этом юридические возможности защиты лица от этих деяний весьма ограничены. Анализ уголовно-правовых норм, которые на первый взгляд можно использовать для такой защиты, вызывает ряд вопросов по их применению.

Невозможно квалифицировать деяние по ст. 137 УК РФ, поскольку отсутствует предмет преступления: невозможно распространить сведения о частной жизни лица, которой (жизни) в действительности не было.

Проблематичным выглядит и привлечение к ответственности за клевету по ст. 128.1 УК РФ, по крайней мере в случае распространения сюжета с гетеросексуальными отношениями (хотя в силу разнообразия сексуальных практик и здесь могут быть исключения). Далеко не во всех случаях можно признать видеофрагмент, на котором человек занимается сексом, сведениями, порочащими честь и достоинство или подрывающими его репутацию.

Пожалуй, наиболее применимой в данном случае нормой УК РФ является ст. 163 в ситуациях, когда происходит вымогательство за нераспространение (прекращение распространения) порнографических материалов с изображением потерпевшего. Формулировка «под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких», используемая в ст. 163 УК РФ, охватывает значительную часть ситуаций, когда распространение порнографических материалов с изображением потерпевшего способно причинить вред его правам или законным интересам, однако не все их. Не упомянуты такие случаи и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)». Напрашивается вывод о том, что рассматриваемый криминологический риск может послужить основанием для совершенствования законодательства, а также для корректировки разъяснений высшей судебной инстанции по применению уголовно-правовых норм.

7. Прогнозируемые криминологические риски «второй волны» цифросексуализма.

Если все перечисленные ранее криминологические риски так или иначе уже присутствуют в социальной и юридической действительности, то прогнозируемые риски «второй волны» цифросексуализма – это скорее взгляд в будущее, которое, правда, с учетом темпов развития технологий, может наступить очень скоро.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – это технологии виртуальной реальности, используемые для удовлетворения сексуальных потребностей. Аппаратные и программные средства реализации таких технологий уже сейчас представлены на рынке. Примером может послужить *BKK Cybersex Cup* – комплект из шлема, в который вставляется смартфон, мастурбатора и программного обеспечения для смартфона, которое позволяет проигрывать *VR*-порно. Кроме технологий виртуальной реальности существуют и технологии дополненной реальности. Обе эти технологии позволяют «менять» образ сексуальных партнеров в целом или отдельные их характеристики (возраст, цвет кожи и др.), места совершения сексуальных действий, отыгрывать различные сюжеты и пробовать новые сексуальные практики.

Интерес для криминологической науки представляет удовлетворение девиантных сексуальных потребностей при помощи технологий виртуальной реальности, которое в реальной жизни повлекло бы наступление уголовной ответственности. В первую очередь это касается полового сношения и иных действий сексуального характера с лицами, не достигшими 16-летнего возраста, а также совершения насильственных сексуальных действий.

На сегодняшний день нет ответа на вопрос, как человек, попробовавший удовлетворять такие сексуальные потребности с использованием технологий виртуальной или дополненной реальности, будет вести себя в реальной жизни. Также следует задуматься о возможностях правового регулирования создания программного обеспечения, позволяющего удовлетворять девиантные сексуальные потребности с явно криминальной окраской.

Психолог из Университета Монреаля Патрис Рено и его коллеги используют технологии виртуальной реальности для диагностики педофилии и предлагают объединить синтетическую *VR*-порнографию с когнитивно-поведенческой терапией, считая это действенным инструментом борьбы с педофилией [24]. Если в закрытых условиях мест лишения свободы или психиатрических стационаров такие исследования вполне допустимы, то подобные эксперименты в открытых социальных условиях – слишком большой риск.

Примерно аналогичный набор проблем вызвало еще одно следствие «второй волны» цифросексуализма – появление секс-роботов (секс-кукол). Испанская компания *Lumidolls* как осуществляет продажу секс-кукол, так и предлагает их «аренду» в специальных отелях. Среди предлагаемых секс-кукол имеются и куклы из раздела *Teens*, выглядящие как подростки. Азиатский рынок секс-кукол пошел дальше и предлагает так называемых *Child Love Dolls*, т.е. секс-кукол, изображающих детей различных возрастов. Распространение таких кукол по всему миру ожидаемо привело к реакции властей отдельных государств. В Великобритании было выпущено юридическое руководство для прокуроров, используемое для привлечения к ответственности импортеров и потребителей секс-кукол [25].

Верховный суд Норвегии присоединился к Великобритании: он постановил, что секс-куклы, анатомически повторяющие образ несовершеннолетнего, должны быть запрещены. Мужчину, который в 2016 г. ввез из Гонконга такую «игрушку», приговорили к тюремному заключению в соответствии со ст. 311 Уголовного кодекса Норвегии, запрещающей ввоз изображений и предметов, сексуализирующих детей. Норвежская полиция подтвердила, что заказы секс-кукол в виде детей из Азии стали частым явлением [26].

В России отсутствуют правовые нормы, регулирующие вопросы импорта, купли-продажи и использования секс-кукол и секс-роботов, в том числе сходных по внешнему виду с детьми. Наполнение российского рынка такими изделиями при отсутствии правового регулирования является существенным криминологическим риском, поскольку способно стимулировать сексуальное влечение к детям.

Рассмотренные риски цифросексуализма ориентируют криминологическую науку как на поиск эффективных способов предупреждения существующих противоправных явлений – посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних, порномести, расширения рынка порнографии, коммерческих сексуальных услуг, так и на прогнозирование не встречавшихся ранее деяний, объективно представляющих опасность. Особую актуальность представляет изучение того, как повлияет использование технологий виртуальной и дополненной реальности, секс-кукол и секс-роботов на людей, удовлетворяющих явно отклоняющиеся сексуальные потребности, и на их поведение в реальном мире.

Пристатейный библиографический список

1. *McArthur N. & Twist M. L. C.* The Rise of Digisexuality: Therapeutic Challenges and Possibilities // Sexual and Relationship Therapy. 2017. Vol. 32 (3-4).

2. *Stasko E. C., Geller P. A.* Reframing Sexting as a Positive Relationship Behavior // American Psychological Association (APA) : сайт. URL: https://www.apa.org/news/press/releases/2015/08/reframing-sexting.pdf (дата обращения: 12.05.2020).

3. Sext Much? If So, You're Not Alone // Scientific American: Science News, Articles, and Information : сайт. URL: https://www.scientificamerican.com/article/sext-much-if-so-youre-not-alone/ (дата обращения: 12.05.2020).

4. *Солдатова Г. У., Шляпников В. Н., Журина М. А.* Эволюция онлайн-рисков : итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн» // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 3 (87).

5. Исследование «Взрослые и дети в цифровом мире : когда онлайн встречается с офлайном» // Защита детей : сайт. URL: https://kids.kaspersky.ru/digest/issledovanie-vzroslye-i-deti-v-tsifrovom-mire-kogda-onlajn-vstrechaetsya-s-oflajnom-pdf/ (дата обращения: 12.05.2020).

6. Sexting Statistics // Statistic Brain Research Institute : сайт. URL: www.statisticbrain.com/sexting-statistics/ (дата обращения: 12.05.2020).

7. *Бастрыкин А. И.* Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве : к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1.

8. *Алиева Е. А.* Сеть Интернет как средство совершения развратных действий // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4.

9. Приговор Сулейман-Стальского районного суда Республики Дагестан от 3 июня 2019 г. по уголовному делу № 1-41/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/rGgk8953F0om/ (дата обращения: 12.05.2020).

10. *O'Keeffe G. S., Clarke-Pearson K., Council O. C.* The Impact of Social Media on Children, Adolescents, and Families // Pediatrics. 2011. No. 127 (4).

11. *Лебедев С. Я., Валуев М. В.* Преступное насилие под знаменем социальной справедливости : криминологическая оценка групповых преступлений, совершаемых современными «санитарами» общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14.

12. *Черкашин А. В.* Общественное движение борцов с сексуальными насильниками малолетних: помощь полиции или произвол? // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2014. № 3 (28).

13. Приговор от 14 октября 2014 г. по уголовному делу № 1-162 (14) // Архив Советского районного суда г. Брянска.

14. *Соловьев В. С.* Порноместь: сущность явления и проблемы его уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2017. № 6.

15. Постановление Засвияжского районного суд г. Ульяновска о прекращении уголовного дела № 1-434/2018 от 9 ноября 2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1xAjaVzJObdN/ (дата обращения: 12.05.2020).

16. Приговор мирового судьи судебного участка № 36 Свердловского судебного района г. Костромы от 22 июля 2015 г. по уголовному делу № 1-19/2015 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/fNGdDce6EUUW/ (дата обращения: 12.05.2020).

17. *Зимбардо Ф., Коломбе Н.* Мужчина в отрыве : игры, порно и потеря идентичности / пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2017.

18. *Конина М. А.* Сексуальная эволюция. Любовь без секса или секс без любви? М. : АСТ, 2019.

19. *Польшиков А. В., Серов Ю. В.* Основные направления повышения эффективности мер борьбы с преступлениями, связанными с незаконным изготовлением и оборотом порнографических изображений // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5-1.

20. *Алихаджиева И. С.* Преступность, связанная с проституцией, в социальных сетях Интернета (по материалам судебной практики) // Актуальные проблемы современной юриспруденции : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. С. Л. Никоновича. М. : Русайнс, 2018.

21. *Алихаджиева И. С.* Организация занятия элитной проституцией в сети Интернет // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8. №4 (29).

22. *Варламова Д., Фоер Е.* Секс: от нейробиологии либидо до виртуального порно. Научно-популярный гид. 2-е изд., испр. и доп. М. : Альпина нон-фикшн, 2019.

23. Инструкция: Как запустить нейросеть меняющий лица актрис на видео «для друга» // Пикабу : сайт. URL: https://pikabu.ru/story/instruktsiya_kak_zapustit_neyroset_menyayushchiy_litsa_aktris_na_video_dlya_druga_5625749/author (дата обращения: 12.05.2020).

24. Could Sex Robots and Virtual Reality Treat Paedophilia? // New Scientist : сайт. URL: https://www.newscientist.com/article/2099607-could-sex-robots-and-virtual-reality-treat-paedophilia/ (дата обращения: 12.05.2020).

25. Sex Dolls – Childlike // The Crown Prosecution Service : сайт. URL: https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/sex-dolls-childlike (дата обращения: 12.05.2020).

26. Childlike Sex Dolls a Violation of Law, Norwegian Court Rules // The Independent : сайт. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/europe/child-sex-dolls-illegal-norway-supreme-court-ruling-a9101291.html (дата обращения: 12.05.2020).

References

1. *McArthur N., Twist M. L. C.* The Rise of Digisexuality: Therapeutic Challenges and Possibilities. *Sexual and Relationship Therapy*. 2017. Vol. 32 (3-4).

2. *Stasko E. C., Geller P. A.* Reframing Sexting as a Positive Relationship Behavior. URL: https://www.apa.org/news/press/releases/2015/08/reframing-sexting.pdf (date of the application: 12.05.2020).

3. Sext Much? If So, You're Not Alone. URL: https://www.scientificamerican.com/article/sext-much-if-so-youre-not-alone/ (date of the application: 12.05.2020).

4. *Soldatova G. Iu., Shliapnikov V. N., Zhurina M. A.* The Evolution of Online Risks: The Results of the Five-Year Work of the Online Children Help Line. *Advisory Psychology and Psychotherapy*. 2015. No. 3 (87).

5. Survey "Adults and Children in the Digital World: When Online Meets Offline". URL: https://kids.kaspersky.ru/digest/issledovanie-vzroslye-i-deti-v-tsifrovom-mire-kogda-onlajn-vstrechaetsya-s-oflajnom-pdf/ (date of the application: 12.05.2020).

6. Sexting Statistics. URL: www.statisticbrain.com/sexting-statistics/ (date of the application: 02.05.2020).

7. *Bastrykin A. I.* Crimes Against Minors in the Internet Space: On the Issue of Victimological Prophylaxis and Criminal Legal Assessment. *Russian Journal of Criminology*. 2017. Vol. 11. No. 1.

8. *Alieva E. A.* The Internet as a Means of Committing Depraved Actions. *Gaps in Russian Legislation*. 2017. No. 4.

9. Sentence of the Suleiman-Stalsky District Court of the Republic of Dagestan of 3 June 2019 in criminal case No. 1-41/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/rGgk8953F0om/ (date of the application: 12.05.2020).

10. O'Keeffe G. S., Clarke-Pearson K., Council O. C. The Impact of Social Media on Children, Adolescents, and Families. *Pediatrics*. 2011. No. 127 (4).

11. *Lebedev S. Ia., Valuev M. V.* Criminal Violence Under the Banner of Social Justice: A Criminological Assessment of Group Crimes Committed by Modern "Orderlies" of Society. *Theory and Practice of Social Development*. 2015. No. 14.

12. *Cherkashin A. V.* Social Movement of Fighters Against Sexual Rapists of Minors: Police Assistance or Arbitrariness? *Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. No. 3 (28).

13. Sentence of 14 October 2014 in criminal case No. 1-162 (14) (Archive of the Sovetskii District Court of Bryansk).

14. *Soloviev V. S.* Revege Porn: The Essence of the Phenomenon and the Problems of Its Criminal Law Assessment. *Criminal Law*. 2017. No. 6.

15. Decision of the Zasviiazhskii District Court of Ulyanovsk on the termination of the criminal case No. 1-434/2018 of 9 November 2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1xAjaVzJObdN/ (date of the application: 12.05.2020).

16. Sentence of the Magistrate of the Judicial District No. 36 of the Sverdlovsk Judicial District of the City of Kostroma of 22 July 2015 in criminal case No. 1-19/2015. URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/fNGdDce6EU UW/ (date of the application: 12.05.2020).

17. *Zimbardo F., Colombe N.* A Man in Isolation: Games, Porn and Loss of Identity. Moscow: Alpina Publisher, 2017.

18. *Konina M. A.* Sexual Evolution. Love Without Sex or Sex Without Love? Moscow: AST, 2019.

19. *Polshikov A. V., Serov Iu. V.* The Main Directions of Increasing the Effectiveness of Measures to Combat Crimes Related to the Illegal Production and Trafficking of Pornographic Images. *Public Security, Law and Order in the III Millennium*. 2019. No. 5-1.

20. *Alikhadzhieva I. S.* Crime Related to Prostitution in Social Networks of the Internet (Based on Judicial Practice). In *Nikonovich S. L. (ed.).* Actual Problems of Modern Jurisprudence. Collection of Scientific Papers of the International Scientific-Practical Conference. In 2 parts. Part 1. Moscow: Rusains, 2018.

21. *Alikhadzhieva I. S.* Organization of Elite Prostitution on the Internet. *News of South-Western State University. Series: History and Law*. 2018. Vol. 8. No. 4 (29).

22. *Varlamova D., Foer E.* Sex: From the Neurobiology of Libido to Virtual Porn. Popular Science Guide. 2nd ed. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2019.

23. Instructions: How to Run a Neural Network That Changes the Faces of Actresses on a Video "for a Friend". URL: https://pikabu.ru/story/instruktsiya_kak_zapustit_neyroset_menyayushchiy_litsa_aktris_na_video_dlya_druga_5625749/author (date of the application: 12.05.2020).

24. Could Sex Robots and Virtual Reality Treat Paedophilia? URL: https://www.newscientist.com/article/2099607-could-sex-robots-and-virtual-reality-treat-paedophilia/ (date of the application: 12.05.2020).

25. Sex Dolls – Childlike. URL: https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/sex-dolls-childlike (date of the application: 12.05.2020).

26. Childlike Sex Dolls a Violation of Law, Norwegian Court Rules. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/europe/child-sex-dolls-illegal-norway-supreme-court-ruling-a9101291.html (date of the application: 12.05.2020).

КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ МИГРАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ*

УРДА
Маргарита Николаевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (г. Курск)
urda.ru@rambler.ru

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-57-64

Своевременность и актуальность настоящего исследования обоснованы необходимостью обеспечения эффективной миграционной политики, включающей противодействие негативным производным естественного процесса передвижения населения – миграционной преступности и незаконной миграции, в основе которого качество управленческих решений. Предметом исследования являются доктринальные источники и нормы российского миграционного и связанного с ним охранительного законодательства, позволяющие выявить особенности и недостатки современной миграционной политики. Цель данного исследования заключается в теоретической разработке концепции управления рисками миграционной преступности. Интерпретация изучаемого направления миграционной политики через введение этой социально-правовой категории открывает перспективы для разработки нового, целостного и универсального подхода в изучении миграционной преступности во взаимосвязи с управлением миграционными процессами и феноменом незаконной миграции, способного служить надежной методологической основой повышения качества миграционной политики в целом. Использование общенаучных методов познания: юридико-догматического, сравнительного, анализа и синтеза позволило уточнить признаки миграционной преступности, определить ее риски, выявить соотношение понятий «миграция», «миграционная преступность» и «незаконная миграция». Основными способами получения криминологически значимой информации о детерминантах миграционной преступности, влияющих на формирование ее рисков, стали статистический и сравнительный методы. В проведенном исследовании автором сформулированы авторские определения понятий «риски миграционной преступности», «управление рисками миграционной преступности», «миграционный режим», «инструменты миграционного контроля»; выявлены факторы, влияющие на развитие миграционной преступности, дана им социально-правовая оценка. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что основными факторами рисков миграционной преступности являются нестабильная миграционная ситуация, незаконная миграция и риски власти, обусловленные принятием ошибочных управленческих решений. Управление рисками миграционной преступности, исходя из этого, должно включать мониторинг миграционной ситуации через оценку влияния на нее различных факторов, прогнозирование ее развития, разработку и принятие мер регулирования миграционных отношений, ориентированных на стабилизацию миграционной ситуации; эффективное противодействие незаконной миграции и коррупции в миграционной сфере; повышение качества правового регулирования миграционных отношений. Полученные результаты влияют на переосмысление общественной опасности миграционной преступности и должны учитываться при оптимизации миграционной политики, а также стратегии обеспечения национальной безопасности.

Миграционная преступность; незаконная миграция; противодействие; миграционная политика; иностранные граждане и лица без гражданства

* Научно-исследовательская работа в рамках государственного задания на 2020 г. (№ 0851-20200033).

Margarita N. URDA
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Criminal Law, South-Western
State University (Kursk)
urda.ru@rambler.ru

**Migration crime;
illegal migration;
counteraction;
migration policy;
foreign citizens and stateless
persons**

CONCEPT OF MIGRATION CRIME RISK MANAGEMENT*

The timeliness and relevance of this research is based on the need to ensure an effective migration policy, which includes countering the negative consequences of the natural process of population movement: migration crime and illegal migration, which is based on the quality of management decisions. The subject of the research is the doctrinal sources and norms of Russian migration and related protective legislation, which allow us to identify the features and shortcomings of modern migration policy. The purpose of this research is to develop a theoretical concept of managing the risks of migration crime. The interpretation of the studied direction of migration policy through the introduction of this socio-legal category opens up prospects for the development of a new, holistic and universal approach to the study of migration crime in relation to the management of migration processes and the phenomenon of illegal migration, which can serve as a reliable methodological basis for improving the quality of migration policy in General. The use of General scientific methods of cognition: legal-dogmatic, comparative, analysis and synthesis allowed us to clarify the signs of migration crime, determine its risks, and identify the relationship between the concepts of "migration", "migration crime" and "illegal migration". The main methods of obtaining criminologically significant information about the determinants of migration crime that affect the formation of its risks are statistical and comparative methods. In the study, the author formulated the author's definitions: "risks of migration crime", "risk management of migration crime", "migration regime", "tools of migration control"; identified factors that affect the development of migration crime, given their socio-legal assessment. Based on the results of the study, the author concludes that the main risk factors for migration crime are the unstable migration situation, illegal migration and the risks of the authorities due to the adoption of erroneous management decisions. Risk management of migration crime, based on this, should include monitoring the migration situation by assessing the impact of various factors on it, forecasting its development, developing and taking measures to regulate migration relations aimed at stabilizing the migration situation; effectively countering illegal migration and corruption in the migration sphere; improving the quality of legal regulation of migration relations. The results obtained influence the rethinking of the public danger of migration crime and should be taken into account when optimizing migration policy, as well as national security strategies.

Реакцию государства на преступность обычно определяют посредством использования понятий «противодействие», «борьба», «профилактика», «предупреждение». Применительно к миграционной преступности целесообразно говорить об управлении ее рисками. В основе такого подхода – осознание уникальности этой разновидности преступности как продукта сложного, противоречивого, но естественного по своей природе явления миграции, подлежащего наблюдению и контролю. «Любая миграция – законная или незаконная – порождает проблемы, требующие принятия сбалансированных решений со стороны принимающего государства…» [1, с. 218]. От качества управленческих решений во многом зависит состояние миграционной преступности. Никакая другая разновидность преступности не испытывала и не испытывает столь колоссального влияния управления. В этом аспекте миграционная преступность никогда не рассматривалась. Концепция управления рисками миграционной преступности предполагает не только определение указанной категории, разработку понятийного аппарата, но и наполнение ее реальным содержанием. В частности, требуют уточнения признаки миграционной преступности, опре-

* Research work within the framework of the state assignment for 2020 (No. 0851-20200033).

деление ее рисков; нуждается в научной разработке соотношение понятий «миграция», «миграционная преступность» и «незаконная миграция», их взаимосвязь и взаимообусловленность как предпосылка определения влияния незаконной миграции на состояние миграционной преступности и др.

Понятие миграционной преступности. В научной литературе сформировалось две основных точки зрения относительно содержания понятия «миграционная преступность». Сторонники узкого подхода трактуют ее как совокупность преступлений совершаемых мигрантами (иностранными гражданами и лицами без гражданства) [2, с. 119–133]. Приверженцы более широкого подхода, кроме этой составляющей, в объем определения включают совокупность преступлений в отношении указанной категории лиц, где мигранты выступают в качестве жертв [3, с. 16–18].

Компонентом содержания миграционной преступности является также совокупность миграционных преступлений, предусмотренных ст. 322–322.3 УК РФ. Ни под одну из вышеуказанных категорий эти преступления в полном объеме не подпадают. Они представляют собой уголовно-правовые запреты нарушения миграционного режима, представляющего собой специальные правила порядка управления миграционными процессами. Эти преступления не имеют потерпевшего, совершаются как российскими, так и иностранными гражданами (лицами без гражданства) и в их интересах.

Таким образом, в объем понятия «миграционная преступность» следует включать совокупность трех групп преступлений: 1) совершаемых иностранными гражданами (лицами без гражданства); 2) в отношении указанной категории лиц; 3) против миграционного режима (порядка въезда, пребывания (проживания) иностранного контингента).

Соотношение понятий «миграция», «незаконная миграция», «миграционная преступность». Эти сравниваемые понятия обозначают вполне самостоятельные явления, объемы и содержание которых частично совпадают (Рис. 1).

Рис. 1

Их взаимосвязь репрезентируется через значение слов и словосочетаний, их обозначающих. Миграция в переводе с латинского *migratio* – переселение. Применительно к населению означает «перемещение физических лиц из одного государства в другое, а также в пределах территории государства вне зависимости от причин этого перемещения…» [4]. Признак «незаконный», характеризует миграцию физических лиц с позиции несоблюдения ими правил перемещения и нахождения на территории принимающего государства (государства-реципиента). Исходя из этого миграция может быть как законной, так и незаконной. Незаконная миграция является фоновым явлением миграционной преступности, обладает ярко выраженным криминогенным потенциалом, «питает» миграционную преступность. Последняя, однако, не исчерпывается нарушением правил, обеспечивающих законность пересечения государственной границы иностранным контингентом и нахождения его на территории принимающего государства, но в любом случае испытывает на себе влияние миграции.

Взаимосвязь и взаимообусловленность этих соотносимых явлений целесообразно раскрывать через понятие «миграционная обстановка (ситуация)», под которой понимается совокупность факторов, обусловленных въездом, пребыванием, транзитным проездом и выездом иностранных граждан и лиц без гражданства, оказывающих влияние на социально-экономическую и демографическую ситуацию, внутриполитическое и внешнеполитическое положение и национальную безопасность государства...» [5] (Рис. 2).

Рис. 2

Стабильная миграционная обстановка является предпосылкой для снижения объективных криминологических показателей миграционной преступности. Она обеспечивается эффективной миграционной политикой, в основе которой качество управления миграционными процессами.

Влияние незаконной миграции на миграционную преступность. В научной литературе справедливо отмечается, что миграционная преступность в силу своей специфики обладает чертами неопределенности, непредсказуемости и отсутствием «условий для ее достаточной криминальной диагностики», отличается высоким уровнем «латентности, через который и проявляется перманентный характер и рост опасных и особо опасных преступлений» [2, с. 129]. В общем объеме регистрируемой преступности ее доля незначительная.

Согласно данным официальной статистики ежегодно в России иностранным контингентом совершается в среднем около 43 тыс. преступлений, что составляет 2% от общего количества зарегистрированных посягательств; выявляется свыше 36 тыс. неграждан, причастных к совершению преступлений (примерно 3% от общего числа привлеченных к ответственности) (Рис. 3).

Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также лиц, их совершивших

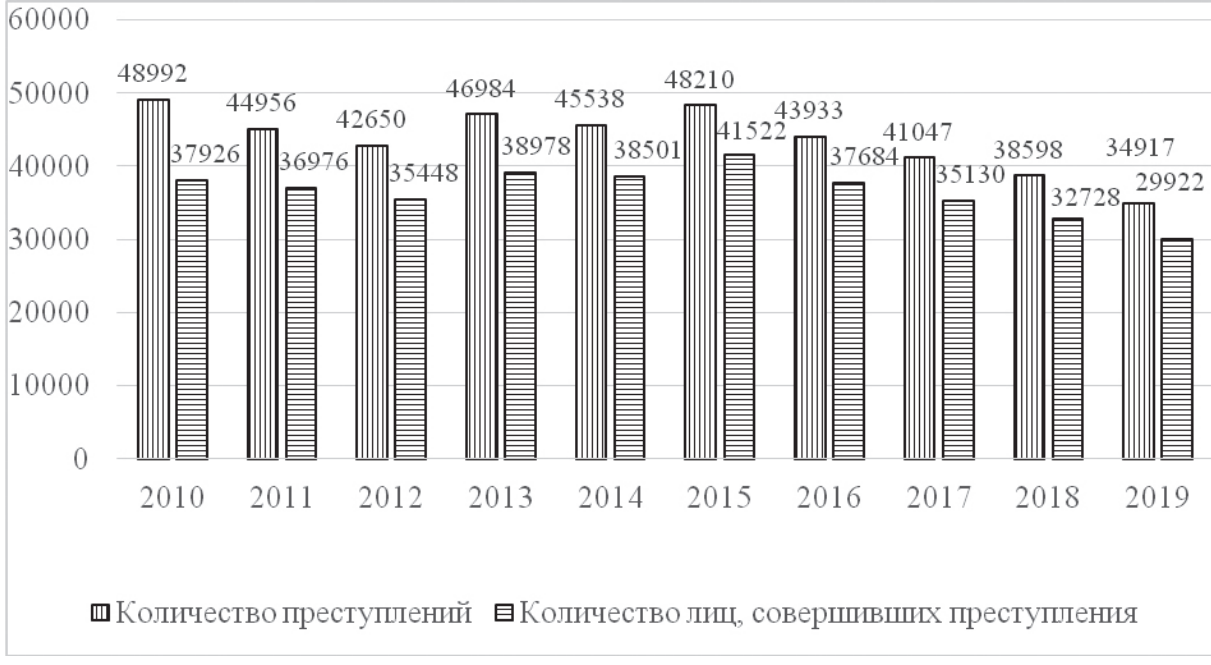

Рис. 3

Однако данные официальной статистики не отражают реальное положение дел. Они, во-первых, не учитывают показатели миграционных преступлений (ст. 322.1–322.2 УК РФ), которые не отвечают традиционному пониманию миграционной преступности как совокупности преступлений, совершаемых иностранными гражданами (лицами без гражданства) и в их отношении; во-вторых, не обнаруживают связи с незаконной миграцией. Между тем миграционная преступность, коррелирующая с нелегальным статусом иностранного контингента, представляет наибольшую опасность в виду низкой выявляемости и раскрываемости таких преступлений. Отсутствие профильной статистики преступлений, совершаемых незаконными мигрантами или в их отношении, делает практически недоступным для наблюдения большой пласт реальной миграционной преступности.

Недооценка значения незаконной миграции в детерминации миграционной преступности приводит к тому, что в подавляющем большинстве случаев фиксации подлежат преступления рассматриваемой группы, совершаемые в условиях очевидности, или раскрытые «по горячим следам». Эта гипотеза подтверждается сравнением количества преступлений, совершенных иностранным контингентом, и количества выявленных лиц, их совершивших, которые практически полностью совпадают (Рис. 3).

Риски миграционной преступности. Понятие «риски миграционной преступности» сравнительно недавно введено в научный оборот социологами. Они определяются как «мера возможной опасности, вызванной миграционными процессами, влияющими непосредственно на стабильность и криминогенное благополучие проживающих на определенной территории людей» [6, с. 142].

Под мерой возможной опасности в данном случае следует понимать качественные и количественные характеристики деструктивных проявлений миграционных процессов. К основным рискам миграционной преступности следует отнести увеличение межнациональных конфликтов, терроризм, экстремизм, трансграничную преступность, рост наркотизации общества, коррупцию, криминализацию экономических отношений, общую социальную напряженность и др.

В доктринальных источниках для характеристики рассматриваемой категории часто применяется термин «миграционные риски» [7, p. 167–180; 8; 9, с. 2–4]. Представляется, что по объему он шире рисков миграционной преступности и, в отличие от понятия рисков миграционной преступности, не всегда имеет отрицательное значение.

Миграция как явление порождает риски и одновременно обусловлена ими вне зависимости от того, какой она является – законной или незаконной, на всех стадиях миграционного цикла и на всех уровнях: бытовом, общинном, региональном, национальном и глобальном. Миграция является также источником информаций о риске или неопределенности, влияющим на выбор поведения [6, с. 140–148].

Максимально приближен к пониманию рисков миграционной преступности термин «риски криминогенности миграционных процессов» [3, с. 16–18]. Для характеристики рассматриваемой категории предпочтительнее употреблять термин «риски миграционной преступности» по двум причинам. Во-первых, концентрируется внимание наблюдателя на негативном социальном явлении. Миграционные процессы (миграция), в отличие от миграционной преступности, – сложный феномен, сочетающий в себе позитивное и негативное начала. Миграция – естественный процесс, в основе которого неотъемлемое право человека на свободу передвижения. Это право закреплено в международных актах, в частности во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. и др., гарантируется всеми демократическими государствами. Во-вторых, риски миграционной преступности включают криминальные составляющие, непосредственно связанные с совершением преступлений, а не только их порождающие.

Так, коррелирующая с миграционной преступностью незаконная миграция всегда криминогенна, но не всегда криминальна. Чаще всего она связана с нарушением административного законодательства [10]. Уголовно-правовой запрет в рамках ст. 322 УК РФ установлен в отношении только одной ее формы – незаконного въезда иностранных граждан и лиц без гражданства.

Таким образом, риски миграционной преступности есть качественные и количественные характеристики деструктивных проявлений миграционных процессов, влияющих на миграционную обстановку (ситуацию) в принимающем государстве.

Управление рисками миграционной преступности понимается как воздействие органов государственной власти принимающего государства (субъекта управления) на риски миграционной преступности (объект управления) с целью их минимизации. Минимизация рисков обеспечивается стабилизацией миграционной обстановки посредством миграционного контроля с помощью его специфических инструментов.

Миграционный контроль есть функция государства, переданная уполномоченным органами государственной власти для обеспечения миграционного режима и предупреждения (пресечения) его нарушений. В настоящее время функции миграционного контроля осуществляются преимущественно Главным управлением по вопросам миграции Министерства внутренних дел РФ. В своей деятельности соответствующие подразделения ОВД РФ взаимодействуют с Минюстом России, ФСБ России, Минобороны России, МИД России, Росфинмониторингом, СВР России, Роспотребнадзором, ФМБА России и другими органами и службами.

Под *миграционным режимом* понимается государственная система мер административно-правого характера, предназначенная для регулирования миграционных отношений. Эти отношения возникают по поводу изменения места жительства или пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства. Функция миграционного режима состоит в ограничении передвижения через Государственную границу РФ, внутригосударственного перемещения, транзита, а также проживания или пребывания на соответствующей территории в целях обеспечения национальных интересов государства, включая главный интерес – интерес национальной безопасности [11].

Инструменты миграционного контроля – средства регулятивного и охранительного законодательства, обеспечивающие миграционный контроль. К первой группе относятся: миграционная карта, виза (трудовая, туристическая и пр.), квотирование, разрешение на временное проживание, вид на жительство, удостоверение беженца, свидетельство о предоставлении временного убежища на территории РФ, разрешение на работу, патент, разрешение на привлечение и использование иностранных работников, депортация, реадмиссия. Вторую группу образуют миграционные деликты (преимущественно они сосредоточены в гл. 18 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)), административное выдворение (вид административного наказания, предусмотренный ст. 3.10 КоАП РФ); миграционные преступления (ст. 322–322.3 Уголовного кодекса РФ).

Основными факторами рисков миграционной преступности являются нестабильная миграцион-

ная ситуация, незаконная миграция и риски власти, обусловленные принятием ошибочных управленческих решений. Исходя из этого управление рисками миграционной преступности должно осуществляться в четырех относительно самостоятельных направлениях:

1) мониторинг миграционной ситуации через оценку влияния на нее различных факторов (экономических, социальных, политических, экологических, эпидемиологических и др.), прогнозирование ее развития, разработка и принятие мер регулирования миграционных отношений, ориентированных на стабилизацию миграционной ситуации;

2) противодействие незаконной миграции;

3) противодействие коррупции в миграционной сфере;

4) повышение качества правового регулирования миграционных отношений.

В настоящее время с сожалением приходится констатировать провальность всех четырех направлений деятельности.

Эксперты обращают внимание на отсутствие информации о реальной миграционной ситуации как в региональном разрезе, так и по стране в целом. Это не позволяет проводить эффективную миграционную политику и оперативно реагировать на вызовы миграционной ситуации. Административная статистика по учету мигрантов не отражает миграционную ситуацию. Имеющиеся же и доступные для экспертного сообщества данные зачастую не позволяют определить реальную численность мигрантов, находящихся на территории РФ, эффективность их использования, продолжительность работы, сферы приложения труда и т.д. Отсутствуют аналитические разработки по существующей базе данных иностранного контингента. Нет систематизированной информации по адаптации и интеграции мигрантов в российское общество [12].

Еще сложнее ситуация с мониторингом незаконной миграции: сосчитать ее практически невозможно. По некоторым данным, количество незаконных мигрантов в России составляет примерно 9-10 млн [1]. Но эти цифры не могут служить надежным источником информации. В основе соответствующих методик подсчета – сведения о количестве легально въезжающих и пребывающих (трудозанятых) на территории государства иностранных гражданах [13, с. 62–66] либо же имеющиеся «жесткие» статистические данные (известные и зарегистрированные случаи нелегальной миграции). «Основываясь на наблюдаемых и учтенных показателях… можно сделать выводы о масштабах «ненаблюдаемых» явлений (численности незаконно проживающих мигрантов, нелегально занятых и т.д.)» [14, с. 133]. Таким образом, для наблюдателя остаются недоступными незаконно въехавшие мигранты, пересекающие государственную границу, минуя пункты пропуска. В структуре незаконной миграции они представляют наиболее опасную часть, поскольку об их существовании власти принимающего государства не подозревают.

Незаконная миграция идеологически и стратегически признается угрозой национальной безопасности государства, стоит в одном ряду с торговлей наркотиками, оружием, людьми, терроризмом и экстремизмом, однако ее формальные признаки в национальном законодательстве до сих пор не определены. Только нормативное определение этого феномена может и должно служить концептом формирования всей системы противодействия. От него зависят набор правовых и организационных инструментов контроля над миграционными процессами и их регулирование. В отсутствие нормативного определения незаконной миграции нельзя судить о достаточности, недостаточности и адекватности существующих инструментов противодействия. Определенность в этом вопросе – политическая и правовая необходимость.

Остается открытым вопрос о рассогласованности законодательства, регулирующего миграционные процессы, – болезненной точке внимания в процессе создании действенного механизма миграционного контроля. Миграционное законодательство России остро нуждается в систематизации. Отсутствие четкой системы миграционного законодательства приводит к дублированию норм, их конкуренции в различных законодательных актах, пробельности в нормативном регулировании миграционных отношений; ощущается потребность в усовершенствовании юридической техники миграционного законодательства.

В настоящее время правовые основы определения легальности въезда, пребывания (проживания) на территории Российского государства, а также транзитного проезда указанных лиц заложены в нормативных правовых актах различной уровневой и отраслевой принадлежности: Федеральном законе от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (в ред. от 7 апреля 2020 г.) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 24 апреля 2020 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», Федеральном законе от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (в ред. от 1 мая 2019 г.) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», Федеральном законе от 19 февраля 1993 г. № 4528-I (в ред. от 26 июля 2019 г.) «О беженцах», Законе РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-I (в ред. от 27 декабря 2019 г.) «О Государственной границе Российской Федерации», Трудовом кодексе РФ, Налоговом кодексе РФ, Соглашении между Правительством РФ и Правительством Республики Армения о порядке пребывания граждан Российской Федерации на территории Республики Армения

и граждан Республики Армения на территории Российской Федерации от 11 июля 2014 г., Соглашении между РФ и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств – участников союзного государства от 24 января 2006 г. (в ред. от 3 марта 2015 г.). Свое развитие положения указанных законов и международных соглашений получают в подзаконных актах.

Решение проблемы систематизации и структурирования обширного и разрозненного нормативного материала, регулирующего различные аспекты миграционных отношений, возможно посредством принятия Миграционного кодекса РФ. Учитывая детерминированность миграционных деликтов и преступлений, это будет способствовать повышению качества и эффективности административно-правового и уголовно-правового обеспечения миграционного контроля, способствуя, таким образом, снижению криминологических показателей миграционной преступности.

Непринятие мер по консолидации миграционного законодательства ставит под сомнение реализацию Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, которая эффективность миграционной политики связывает с качеством правового регулирования, результативностью мер противодействия коррупции при осуществлении миграционного контроля (п. 12).

Пристатейный библиографический список

1. *Маркова О. А., Кошелев М. С., Суходолов Я. А.* Анализ миграционной преступности в Забайкальском крае, ее влияние на криминогенную обстановку в регионе // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 2.

2. *Собольников В. В.* Понятие миграционной преступности и проблемы ее определения // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 3.

3. *Лопашенко Н. А.* О шкале рисков криминогенности миграционных процессов // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6.

4. Постановление № 47-13 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О Глоссарии терминов и понятий, используемых государствами – участниками СНГ в пограничной сфере» (принято в г. Санкт-Петербурге 13 апреля 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Решение Совета глав государств СНГ «О Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии незаконной миграции» (принято в г. Астане 16 сентября 2004 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. *Юдина Т. Н., Бормотова Т. М.* Миграционная преступность в современном мегаполисе : управление рисками // Управление. 2019. № 4.

7. *Williams A. M., Baláž V.* Migration, Risk, and Uncertainty: Theoretical Perspectives // Population, Space and Place. 2012. Vol. 18 (2).

8. *Коваленко В. И., Шураева Л. М., Жуков П. С.* Влияние миграционных потоков на криминогенную обстановку на территории Российской Федерации : аналитический обзор (п. 1.2.2 ПНО МВД России на 2018 г., п. 1.1.2 плана НИР ФГКУ «ВНИИ МВД России» на 2018 г.). М., 2018 // Управление МВД России по Камчатскому краю : сайт. URL: https://41.мвд.рф/влияние-миграционных-потоков-на-криминог (дата обращения: 12.07.2020).

9. *Боришполец К. П.* Миграционные риски и решения // Миграционное право. 2007. № 3.

10. *Бучаков С. А.* Незаконная внешняя миграция в России : криминологическая обстановка и политика противодействия : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019.

11. *Урда М. Н.* Уголовно-правовое значение формальных и сущностных признаков незаконной миграции // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437.

12. Методика проведения мониторинга миграционной ситуации в субъектах РФ // Приволжский Миграционный Центр : сайт. URL: http://migrant-nnov.ru/images/documents/Monitoring.pdf (дата обращения: 12.07.2020).

13. *Петрова О.В.* Комплексная методика оценки количества незаконных трудовых мигрантов в России и методика оценки потерь бюджетов от нелегальной трудовой деятельности иммигрантов иностранного происхождения // Технико-технологические проблемы сервиса. 2019. № 3 (49).

14. *Алешковский И. А.* Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. 2014. № 2.

References

1. *Markova O. A., Koshelev M. S., Sukhodolov Ia. A.* Analysis of Migration Crime in the Trans-Baikal Territory, its Impact on the Criminogenic Situation in the Region. *All-Russian Criminological Journal*. 2018. No. 2.

2. *Sobolnikov V. V.* The Concept of Migration Crime and the Problems of its Definition. *Leningrad Legal Journal*. 2011. No. 3.

3. *Lopashenko N. A.* On the Scale of Risks of Criminality of Migration Processes. *Gaps in Russian Legislation*. 2017. No. 6.

4. Resolution No. 47-13 of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States "On Glossary of Terms and Concepts Used by the CIS Member States in the Border Area" (adopted in Saint Petersburg on 13 April 2018) (SPS "ConsultantPlus").

5. Decision of the Council of CIS Heads of State "On the Concept of Cooperation of the CIS Member States in Countering Illegal Migration" (adopted in Astana on 16 September 2004) (SPS "ConsultantPlus").

6. *Iudina T. N., Bormotova T. M.* Migration Crime in the Modern Metropolis: Risk Management. *Management*. 2019. No. 4.

7. *Williams A. M., Baláž V.* Migration, Risk, and Uncertainty: Theoretical Perspectives. *Population, Space and Place*. 2012. Vol. 18 (2).

8. *Kovalenko V. I., Shuraeva L. M., Zhukov P. S.* the Impact of Migration Flows on the Criminal Situation in the Russian Federation: An Analytical Review (Item 1.2.2 of the Plan of Scientific Support for the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation for 2018, Item 1.1.2 of the Plan of Research Practice of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2018). Moscow, 2018. URL: https://41.мвд.рф/влияние-миграционных-потоков-на-криминог (date of the application: 12.07.2020).

9. *Borishpolets K. P.* Migration Risks and Decisions. *Migration Law*. 2007. No. 3.

10. *Buchakov S. A.* Illegal External Migration in Russia: Criminological Situation and Counteraction Policy: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Omsk, 2019.

11. *Urda M. N.* Criminal-Legal Meaning of Formal and Essential Signs of Illegal Migration. *Bulletin of Tomsk State University*. 2018. No. 437.

12. Methodology for Monitoring the Migration Situation in the Subjects of the Russian Federation. URL: http://migrant-nnov.ru/images/documents/Monitoring.pdf (date of the application: 12.07.2020).

13. *Petrova O. V.* Complex Methodology for Assessing the Number of Illegal Labor Migrants in Russia and Methods for Assessing Budget Losses from Illegal Labor Activities of Foreign-Born Immigrants. *Technical and Technological Problems of Service*. 2019. No. 3 (49).

14. *Aleshkovskii I. A.* Illegal Migration as a Phenomenon of the Global World. *Age of Globalization*. 2014. No. 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-65-70

Примирение сторон в спорных правоотношениях на Руси было известно и применялось еще со времен «Русской Правды», однако на протяжении более чем шести веков ограничивалось лишь переговорами и мировым соглашением, заключаемым в суде. В европейских странах и странах англосаксонской системы права уже более века распространены различные виды примирительных процедур, которые доказали свою эффективность. К сожалению, в России только после вступления в силу Федерального закона № 451-ФЗ в октябре 2019 г. появилась возможность пользоваться целым арсеналом примирительных процедур в цивилистическом процессе. Помимо этого примирительные процедуры все активнее стали закрепляться нормами материальных отраслей права. В настоящее время фактически все процессуальные кодексы, многие законы материального права содержат в себе нормы, имеющие название «примирительные процедуры». В связи с этим возникла необходимость исследовать такую правовую материю, как «примирительные процедуры», и определить ее место в системе российского права. Исследование проводилось на основе метода сравнительного анализа научной доктрины. Ведущим подходом к анализу исследуемых правовых явлений послужил метод системного анализа и синтеза. Наряду с методом системного анализа использованы методы структурно-функционального, статистического анализа, а также общенаучные методы познания. Целью настоящей работы являются исторический анализ примирительных процедур в России, исследование правоотношений, возникающих между сторонами правового конфликта и имеющих цель урегулировать спор без вынесения судебного решения, определение места данных правоотношений в системе российского права. В рамках настоящего исследования сформулировано определение межотраслевого института примирительных процедур, определено его место в системе права, дана классификация примирительных процедур, показано различие таких процессуальных категорий, как «стадия» и «процедура». Материалы статьи могут быть использованы в научных исследованиях для дальнейшей теоретической разработки института примирительных процедур с целью повышения его эффективности в правоприменительной практике.

СВИРИН
Юрий Александрович

доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
академик РАЕН, Почетный адвокат России (г. Москва)

usvirin@mail.ru

**Институт примирительных процедур;
альтернативные процедуры;
судебные процедуры;
урегулирование спора;
разрешение спора**

Yury A. SVIRIN

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service,
All-Russian State University of Justice,
Academician of the Academy of Natural Sciences, Honorary Lawyer of Russia (Moscow)

usvirin@mail.ru

CURRENT ISSUES OF CONCILIATION IN RUSSIAN LAW

Reconciliation of the parties of disputable legal relations in Russia was known and applied since the times of Russian Truth. However for more than six centuries it was limited only to negotiations and the settlement agreement in court. In the European countries and countries of the Anglo-Saxon system of the law various conciliation procedures have been spread for more than a century which proved to be effective. Unfortunately, in Russia only after the entry into force of the Law No. 451-FZ in October 2019, it became possible to use the whole arsenal of conciliation procedures in civil procedure. In addition, conciliation procedures have

Institute of conciliation procedures; alternative procedures; judicial procedures; dispute settlement; dispute resolution

become increasingly entrenched in the norms of the material branches of law. Currently, virtually all procedural codes and many substantive laws contain rules called "conciliation procedures". In this connection, it has become necessary to study such legal material as "conciliation procedures" and determine its place in the Russian legal system. The study was conducted on the basis of a comparative analysis of Russian and foreign scientific doctrine. The leading approach to the analysis of the legal phenomena under study was the method of system analysis and synthesis. Along with the method of system analysis the methods of structural-functional, statistical analysis and also general scientific methods of cognition were used. The purpose of the present work is the historical analysis of conciliation procedures in Russia, research of legal relations arising between the parties to a legal conflict and having the purpose to settle a dispute without a court decision, definition of a place of the given legal relations in system of the Russian law. Within the limits of the present research the definition of interbranch institute of conciliation procedures is formulated, its place in the system of law is defined, classification of conciliation procedures is given, the distinction of such procedural categories as «stage» and "procedure" is shown. The materials of the article can be used in scientific research for further theoretical development of the institute of conciliation procedures in order to improve its effectiveness in law enforcement practice.

Как свидетельствуют исторические источники, примирительные процедуры были известны на Руси еще во времена «Русской Правды». И хотя в «Русской Правде» прямо не указывалось на возможность примирения сторон спора, в ст. 54 закреплялась возможность договориться с должником о возмещении ущерба. Но уже в Псковской судной грамоте (1467 г.) прямо было закреплено право на примирение сторон, где, в частности, предусматривалось два способа примирения: внесудебное примирение в форме прощения долга или части долга и судебное в форме мирового соглашения, при заключении которого возвращалась половина уплаченной госпошлины. Положения ст. 62 Псковской судной грамоты предусматривали право истца взять с ответчика меньше, чем может быть взыскано по решению суда, либо даже простить ответчика (даром отпустить).

Положения о примирении содержались и в поздних источниках права, таких как Судебник 1497 г., Судебник 1550 г.

В Соборном уложении 1649 г. впервые было установлено, что заключенное мировое соглашение не только прекращает спор, а следовательно, судебное производство по делу, но и вводит запрет на повторное обращение в суд тем же сторонам по тому же основанию иска.

Многие положения Соборного уложения затем вошли в Свод законов Российской империи 1832 г. и действовали вплоть до принятия в 1864 г. Устава гражданского судопроизводства.

Судебной реформой 1864 г. была изменена не только судебная система Российской империи, но и многие процессуальные положения. Так, в силу ст. 70 Устава гражданского судопроизводства на предварительном собеседовании с обеими сторонами мировой судья должен был предложить им прекратить дело миром и разъяснить сторонам способы такого прекращения. Меры для склонения спорящих сторон к примирению мировой судья обязан был принимать и во время производства по делу, т.е. на следующих стадиях процесса.

Толкование положений Устава гражданского судопроизводства дает основание утверждать, что только в случае, если в результате принятых мер стороны не желали окончить спор миром, судья мог приступить к постановлению вердикта. Таким образом, разрешение дела по существу с вынесением решения мировым судьей допускалось только в случае, когда стороны не желали закончить дело миром. Устав гражданского судопроизводства прямо предусматривал, что примирение сторон допускается во всяком положении дела.

Результатом примирения являлась «мировая сделка», которая могла совершаться следующими способами: а) путем удостоверения соответствующего документа у нотариуса или у мирового судьи; б) путем подачи мирового прошения; в) путем составления мирового протокола. Позднее императивная норма об обязательности нотариального или судебного заверения мировой сделки была изменена разъяснением Сената № 678 в 1875 г., в котором указывалось, что, поскольку нормативно не установлены последствия несоблюдения установленной законом формы мировой сделки, она может быть совершена также в простой письменной форме.

К сожалению, первый Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. не содержал в себе положений, посвященных примирению сторон. Но уже в Гражданском процессуальном кодексе 1964 г. указывалось о мировом соглашении как способе прекращения разбирательства по делу. Такое же правило было позднее реципировано и Гражданский процессуальный кодекс РФ 2002 г.

Таким образом, исторически гражданским процессуальным законодательством РСФСР, а затем и РФ была закреплена только одна примирительная процедура – мировое соглашение.

Постоянный рост дел, рассматриваемых судами, и малое количество заключаемых в суде мировых соглашений побудили законодателя искать иные пути снижения нагрузки на суд. Поэтому в 2010 г. был принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Сторонам было предоставлено право воспользоваться по своему желанию дополнительно такой примирительной процедурой, как медиация. Медиативное соглашение, в отличие от мирового соглашения, заключалось при помощи посредника – медиатора, который не являлся участником процесса и у которого не возникало правоотношений с судом.

Верховный Суд РФ в 2018 г. инициировал судебную реформу, направленную главным образом на снижение нагрузки на судей. В результате реформы был принят Федеральный закон № 451-ФЗ, которым гражданский процесс был дополнен такими видами судопроизводства, как упрощенное производство, производство по групповому иску, приказное производство, имеющими цель разгрузить судебную систему. Помимо этого нормативно был закреплен новый, ранее неизвестный институт процессуального права – институт примирительных процедур.

Несмотря на то что в законе такого института не существовало до 1 октября 2019 г., в доктрине примирительные процедуры широко обсуждались. Существующие различные точки зрения с принятием закона не утратили своей актуальности, и спорные вопросы так и не были разрешены.

Так, до настоящего времени в доктрине имеются разные точки зрения о том, как соотнести гражданский процесс и примирительные процедуры [1, с. 74]. Вопрос, являются ли примирительные процедуры частью гражданского процесса, остается открытым. В 2019 г. ГПК РФ был дополнен новой гл. 14.1, при буквальном толковании которой примирительные процедуры следовало считать частью гражданского процесса. Однако на самом деле неразрешенных вопросов стало больше. Остался неразрешенным вопрос о том, следует ли рассматривать примирительные процедуры в гражданском процессе как самостоятельную стадию процесса или они концептуально входят в каждую отдельную стадию процесса. Также спорным является вопрос о том, являются ли досудебные процедуры и примирительные процедуры синонимичными понятиями.

Как нам представляется, с учетом того, что примирительные процедуры могут быть использованы на любой стадии процесса, даже на стадии исполнения судебного акта, то действия сторон, совершаемые в рамках примирительных процедур, являются процессуальными действиями, совершаемыми внутри каждой стадии, и поэтому самостоятельной стадии не образуют. Безусловно, наибольшую эффективность примирительные процедуры будут иметь на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, поскольку разгрузят суд от лишней работы, будут способствовать процессуальной экономии времени, бюджетных расходов на судопроизводство и сделают более эффективным сам процесс восстановления нарушенного права или законного интереса одной из сторон. Е. А. Носырева совершенно справедливо отмечает, что в связи с комплексным характером задач, решаемых на стадии подготовки дела, она включает в себя как действия, направленные на организацию будущего процесса, так и действия, преследующие цель примирения сторон и не довести дело до судебного разбирательства [2, с. 86]. Это еще раз подтверждает пруденциальность тезиса о том, что примирительные процедуры не являются самостоятельной стадией процесса.

Весьма интересной представляется позиция отдельных авторов в доктрине Республики Беларусь. В частности, И. А. Бельская полагает, что примирительная процедура отвечает всем признакам, присущим самостоятельной стадии хозяйственного процесса, и включает в себя подстадии: подготовительную (назначение примирителя); основную (медиация); заключительную (утверждение соглашения о примирении) [3]. Однако при всем уважении к автору вряд ли с таким мнением можно согласиться. Каждая стадия в процессе имеет свое строго определенное место и располагается внутри процесса не хаотично, а в строго регламентированной последовательности, т.е. каждая стадия последовательно следует одна за другой по определенным правилам, установленным гражданской процессуальной формой. Примирительные процедуры могут иметь место на любой стадии процесса, их место в процессе законом точно не определено. Поэтому, как нам представляется, квинтэссенцией в данном случае является разграничение таких понятий, как стадия и процедура. Собственно говоря, не случайно и сам законодатель называет примирительные действия «процедурой», а не «стадией». Поэтому вполне логично предположить, что процесс состоит не только

из стадий, последовательно сменяющих друг друга, но и процедур, определяемых как совокупность процессуальных действий, имеющих единую цель и совершаемых на любой стадии процесса.

Глава 14.1 ГПК РФ именуется как «Примирительные процедуры. Мировое соглашение». Таким образом, при буквальном толковании названия данной главы складывается убеждение, что мировое соглашение не относится к примирительным процедурам. Вместе с тем ст. 153.3 ГПК РФ помимо переговоров, участия посредника (медиации) и судебного примирения постулирует, что могут быть использованы и другие примирительные процедуры, не противоречащие законодательству. В связи с этим можно сделать вывод о том, что мировое соглашение также является одной из примирительных процедур – совокупности действий, имеющих цель прекращения процесса и совершаемых на любой стадии процесса.

В настоящее время в качестве примирительных процедур в гражданском процессе следует рассматривать такие процедуры, как мировое соглашение, медиация, судебное примирение и иные процедуры, не запрещенные законом.

Вместе с тем к примирительным процедурам можно отнести и действия сторон правового конфликта, совершаемые ими до обращения в суд. Так, Ю. Ф. Беспалов к примирительным процедурам относит направление одной стороной другой стороне предложения о досудебном порядке урегулирования спора [4, с. 58]. Видимо, автор имеет в виду в данном случае претензионный порядок урегулирования спора. Претензионный порядок не является частью гражданского процесса, но он, безусловно, является примирительной процедурой.

Следует сказать, что зарубежная доктрина давно выработала несколько десятков различных видов примирительных процедур, таких как арбитраж (*arbitration*), переговоры (*negotiation*), посредничество (*mediation*), примирительное производство (*conciliation*), мини-суд (*mini-trial*), независимая экспертиза по установлению фактических обстоятельств дела (*neutral expert fact-finding*), участие омбудсмена (*ombudsman*), частная судебная система (*private court system*) и др. Некоторые из них являются судебными, а некоторые – нет.

Несудебные примирительные процедуры в доктрине именуются «альтернативными процедурами урегулирования спора». Впервые, как указывает В. И. Кузина, термин «альтернативные способы урегулирования спора» стал употребляться в праве США и означал неформальные, непубличные способы разрешения споров [5, с. 69]. Такие способы как бы стали альтернативой официальному правосудию.

Однако в данном случае возникает релевантный вопрос о том, можно ли поставить знак равенства между понятиями «примирительные процедуры» и «альтернативные процедуры разрешения спора». Представляется, что понятие «примирительные процедуры» более объемное и широкое, чем «альтернативные процедуры»; они близки, но не тождественны. Примирительные процедуры следует разделить на два вида: досудебные (альтернативные) и судебные. К досудебным (альтернативным) процедурам разрешения спора следует отнести досудебную медиацию, предъявление претензии, третейское разбирательство, переговоры. Также к досудебным примирительным процедурам следует отнести разрешение коллективного трудового спора в соответствии с положениями ст. 40 Трудового кодекса РФ.

К судебным процедурам соответственно относятся судебное примирение, судебная медиация, мировое соглашение. Причем если в процессе участвует судебный примиритель, процессуальные отношения осложнены новым субъектом, ранее не известным процессуальной науке, – судебным примирителем, который вступает в правоотношения как со сторонами процесса, так и с судом. Как справедливо указывает В. Гавриленко, судебный примиритель не считается участником судебного разбирательства [6]. Тем не менее мы сталкиваемся в данном случае пока с не изученными в доктрине отношениями между судебным примирителем и остальными субъектами процессуальных отношений.

Примирительные процедуры закреплены в настоящее время не только процессуальным законодательством (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ), но и нормами материального законодательства (ТК РФ, Закон «О несостоятельности (банкротстве)», ЖК РФ, ГК РФ, СК РФ и другие нормативные акты).

Например, досудебные примирительные процедуры предусмотрены:

– при спорах о сервитуте на землю или здания (ст. 274, 277 ГК РФ);

– при изменении или расторжении договора (ст. 452 ГК РФ);

– при заключении договоров в обязательном порядке (ст. 455 ГК РФ);

– при расторжении договора аренды (ст. 619 ГК РФ);

– при расторжении договора найма и выселении (ст. 687 ГК РФ, ст. 35, 91 ЖК РФ);

– при грузоперевозках (ст. 797 ГК РФ, ст. 124 Воздушного кодекса РФ, ст. 120 Устава железнодорожного транспорта);

– при изменении или расторжении соглашения об алиментах (ст. 101 СК РФ);

– при перевозках пассажиров (ст. 39 Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта, ст. 161 Кодекса внутреннего водного транспорта);

– при выплатах по ОСАГО (ст. 16.1 Закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»);

– на основании договора связи (ст. 55 Закона «О связи»);

– на основании Закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и др.

Все примирительные процедуры направлены на достижение единой цели – примирение сторон, выработку согласованной воли на урегулирование конфликта без вынесения судебного решения. Поэтому, как нам представляется, примирительные процедуры в настоящее время представляют собой межотраслевой институт права, имеющий своим предметом как процессуальные, так и материальные правоотношения, состоящий из процессуальных и материальных норм права, направленных на урегулирование спора. При этом следует подчеркнуть, что судебным решением спор разрешается, а не регулируется.

В зарубежных странах примирительные процедуры активно используются сторонами правового конфликта и способствуют освобождению судов от споров, которые могут быть урегулированы добровольно. В практике международного арбитража также примирительные процедуры имеют важное значение. Как отмечено в Решении Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза «О соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе», устоявшимся правилом в международном судопроизводстве является констатация судом исчерпания сторонами примирительных досудебных процедур урегулирования спора как основания для обращения в международный суд [7].

К сожалению, в РФ примирительные процедуры пока не получили широкого распространения и используются очень редко.

Если досудебные примирительные процедуры *ipso jure* (в силу закона) стороны обязаны использовать перед обращением в суд, то судебные примирительные процедуры *ipso facto* (в силу очевидного факта) неохотно используются сторонами, поскольку возможность их применения полностью зависит от воли сторон спора.

Закон возлагает на суд обязанность принять меры для примирения сторон в начатом процессе, а также содействовать им в урегулировании спора, с тем чтобы не доводить спор до вынесения решения. Но такая обязанность лежит только на суде. Стороны обладают только правом на урегулирование спора в начатом процессе, поскольку примирительные процедуры осуществляются на основе таких принципов, как добровольность, равноправие, сотрудничество, конфиденциальность.

Стороны пользуются равными правами на выбор той или иной примирительной процедуры, определяют условия ее проведения. Если в примирительных отношениях участвует посредник, стороны добровольно выбирают кандидатуру посредника (медиатора, судебного примирителя). По указанным вопросам сторонами может быть заключено отдельное соглашение.

Примирительная процедура в начатом процессе может быть проведена как по ходатайству сторон, так и по инициативе суда, но само примирение не является обязательным для сторон, так как здесь действует принцип добровольности.

Судебная практика показывает, что часто при применении примирительных процедур в судебном процессе одна из сторон действует недобросовестно, пытаясь затянуть рассмотрение дела. Поэтому было бы целесообразно в законе предусмотреть процессуальную ответственность такой стороны, которая применялась бы по усмотрению суда.

В ходе использования примирительной процедуры стороны должны стремиться достичь положительных результатов, к разрешению конфликта в целом или в его части. Таким образом, примирение возможно по части спорных требований. В случае, если стороны не достигли примирения, отказались от проведения примирительных процедур либо истек срок их проведения, суд возобновляет судебное разбирательство в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 169 ГПК РФ.

Возникает вопрос о том, какую цель преследуют стороны при выборе примирительных процедур. На когнитивном уровне понятно, что такие процедуры направлены на достижение положительного результата. Но что считать в таком случае положительным результатом судебных примирительных процедур? Результатами примирительных процедур следует считать: 1) мировое соглашение в отношении всех или части заявленных требований; 2) частичный или полный отказ от иска; 3) частичное или полное признание иска; 4) полный или частичный отказ от апелляционной, кассационной жалобы, надзорной жалобы (представления); 5) признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения. Таким образом, именно на одну из этих целей направлены судебные примирительные процедуры.

Признание обстоятельств, признание иска (отдельных требований), отказ от иска (отдельных требований) полностью или в части принимаются судом в порядке установленной судом гражданской процессуальной формы.

Признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, может быть осуществлено в форме одностороннего заявления о согласии с позицией другой стороны. Таким образом, признание обстоятельств всегда совершается в письменной форме в виде ходатайства (заявления), содержание которого должно быть за-

несено в протокол судебного заседания и подписано стороной сделавшей признание.

Подводя итог настоящего исследования, следует сделать следующие выводы:

1) институт примирительных процедур является межотраслевым институтом;

2) примирительные процедуры состоят из досудебных процедур, как правило, обязательных для сторон, и судебных, зависящих от воли сторон спора;

3) институт примирительных процедур не может рассматриваться как стадия процесса, в связи с чем следует различать такие процессуальные категории, как стадия и процедура;

4) при применении примирительных процедур спор регулируется сторонами (иногда при участии третьего лица), в то время как при вынесении решения спор разрешается.

Пристатейный библиографический список

1. *Здрок О. Н.* Место примирительных процедур в системе цивилистического процесса // Законодательство. 2019. № 5.

2. *Носырева Е. И.* Стадия подготовки дела к судебному разбирательству : комплексный и сравнительный анализ норм ГПК РФ и АПК РФ // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства : теория и практика : сборник научных статей. Краснодар : Юридический центр Пресс, 2004.

3. *Бельская И. А.* Посредничество (примирение) в хозяйственном процессе : актуальные проблемы и тенденции развития : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2012.

4. *Беспалов Ю. Ф., Беспалов А. Ю., Гордеюк Д. В., Касаткина А. Ю.* Примирительные процедуры в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве Российской Федерации : научно-практическое пособие. М. : Проспект, 2018.

5. *Кузина В. И.* Понятие, отличительные черты, преимущества и недостатки альтернативного разрешения споров // Мониторинг правоприменения. 2012. № 4.

6. *Гавриленко В.* Новые виды примирительных процедур : что именно изменится и как отразится на судебном процессе? // ГАРАНТ : сайт. URL: http://www.garant.ru/ia/opinion/author/gavrilenko/1294287/ (дата обращения: 17.05.2020).

7. Решение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 февраля 2017 г. // ГАРАНТ : сайт. URL: http://base.garant.ru/71618132/ (дата обращения: 17.05.2020).

References

1. *Zdrok O. N.* Place of the Reconciliation Procedures in the System of Civil Process. *Legislation*. 2019. No. 5.

2. *Nosyreva E. I.* Case Preparation Stage for the Trial: Complex and Comparative Analysis of the Norms of the RF Civil Procedure Code and the RF Arbitration Procedure Code. In Modern Doctrine of Civil, Arbitration Procedure and Enforcement Proceedings: Theory and Practice: Collection of Scientific Articles. Krasnodar: Iuridicheskii tsentr Press, 2004.

3. *Belskaia I. A.* Mediation (Reconciliation) in the Economic Process: Actual Problems and Development Tendencies: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Philosophical Sciences. Minsk, 2012.

4. *Bespalov Iu. F., Bespalov A. Iu., Gordeiuk D. V., Kasatkina A. Iu.* Reconcile Procedures in Civil, Criminal and Administrative Proceedings of the Russian Federation: Scientific and Practical Manual. Moscow: Prospekt, 2018.

5. *Kuzina V. I.* Concept, Distinguishing Features, Advantages and Disadvantages of the Alternative Dispute Resolution. *Law Enforcement Monitoring*. 2012. No. 4.

6. *Gavrilenko V.* New Types of Conciliation Procedures: What Exactly Will Change and How Will It Affect the Judicial Process. URL: http://www.garant.ru/ia/opinion/author/gavrilenko/1294287/ (date of the application: 17.05.2020).

7. Decision of the Grand Collegium of the Court of the Eurasian Economic Union of 21 February 2017. URL: http://base.garant.ru/71618132/ (date of the application: 17.05.2020).

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ НА ДОГОВОР ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ

НОВРУЗОВА Оксана Бахмановна

преподаватель кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета (г. Курск)

novruz8787@mail.ru

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-71-76

Настоящая статья посвящена вопросу применения цифровых технологий в электроэнергетике в части влияния на участников правоотношений, складывающихся при заключении договора энергоснабжения. Обозначенная тема привлекает к себе пристальное внимание ученых в силу того, что изменения касаются практических всех сфер общественной жизни, таких как экономическая, политическая, социальная и т.д., возникновение, формирование и развитие абсолютно новой «виртуальной реальности», что требует новых подходов к регулированию и усиленного контроля. В эпоху стремительного развития информационных технологий заключение сделок посредством сети Интернет является неотъемлемой частью функционирования электронного торгового оборота. Активное развитие исследуемого института дает возможность большинству субъектов предпринимательской деятельности извлекать более крупную прибыль при осуществлении своей экономической деятельности, используя интернет-пространство. Данный процесс становится особенно актуальным в условиях пандемии, охватившей мировое пространство: веб-бизнес стал единственным механизмом, способным поддержать товарооборот. Предметом настоящего исследования являются законодательство и доктрина, определяющие влияние цифровых технологий на отношения, складывающиеся при заключении договора снабжения электрической энергией. Цель статьи состоит в выявлении положительных и отрицательных сторон цифровизации электроэнергетики. В процессе работы над темой были использованы частнонаучные юридические методы, такие как специально-юридический, выражающий характер собственной нормативной организации познания государства и права; метод сравнительного правоведения, позволивший соотнести экономику и право РФ с экономикой и правом других стран в общих вопросах, а также в особенностях их организации. Помимо этого применялись методики и техники исследований, позволившие получить достоверный и единообразный эмпирический материал и его первичную обработку, примерами таковых можем назвать методики обобщения правоприменительной практики, процесс юридического описания действующего законодательства и т.д. Проведенное автором исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на ряд проблем, являющихся препятствием для виртуализации электроэнергетики в целом и договора энергоснабжения в частности, действия, производимые в рамках рассматриваемой цифровой трансформации, способны улучшить качество оказываемых услуг, точнее, проконтролировать объемы и сократить потери поставляемой энергии, что, несомненно, окажет положительное влияние на участников рассматриваемого правоотношения.

Энергоснабжение;
электронная сделка;
электронная подпись;
купля-продажа;
договор;
электроэнергетика;
цифровые права

Olga B. Novruzova

Lecturer, Department of Civil Law, South-Western State University (Kursk)

novruz8787@mail.ru

INFLUENCE OF ELECTRICITY DIGITALIZATION ON IMPLEMENTATION (PARTICIPANTS OF THE PARTY OR SUBJECTS) OF THE POWER SUPPLY AGREEMENT

Energy supply; electronic transaction; electronic signature; purchase and sale; contract; electric power industry; digital rights

This article is devoted to the issue of the use of digital technologies in the electric power industry in terms of the impact on the participants in legal relations arising upon the conclusion of an energy supply agreement. This topic attracts close attention of scientists due to the fact that the changes concern almost all spheres of public life, such as economic, political, social, etc., the emergence, formation and development of a completely new "virtual reality", which requires new approaches to regulation and enhanced control. In the era of rapid development of information technology, the conclusion of transactions through the Internet is an integral part of the functioning of electronic trade. The active development of the institute under study makes it possible for most business entities to extract larger profits when carrying out their economic activities using the Internet. This process becomes especially relevant in the context of a pandemic that has swept the global space: web business has become the only mechanism capable of supporting trade. The subject of this study is the legislation and doctrine that determine the impact of digital technology on the relationship that develops when concluding a contract for the supply of electric energy. The purpose of the article is to identify the positive and negative aspects of digitalization of the electric power industry. In the process of work on the topic, private scientific legal methods were used, such as especially legal, expressing the nature of their own regulatory organization of knowledge of the state and law. The method of comparative law, which allowed to correlate the economy and law of the Russian Federation with the economy and law of other countries in general issues, as well as in the features of their organization. In addition, research methods and techniques were applied that made it possible to obtain reliable and uniform empirical material and its initial processing. Examples of such methods are generalization of law enforcement practice, the process of legal description of the current legislation, etc. The study conducted by the author allows us to conclude that that, despite a number of problems that are an obstacle to the virtualization of the electric power industry in general and the energy supply agreement in particular, actions taken within the framework of the considered digital transformation can improve the quality of services, more precisely control the volume and reduce the loss of energy supply, which will undoubtedly have a positive impact on the participants considered legal.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» приобретает особое значение в свете новых задач, стоящих перед российской экономикой и правом, предусматривая и цифровизацию электроэнергетики, позволившей потребителям (в широком смысле) заключать договор энергоснабжения в электронном виде, контролировать уровень качества и объемы получения переданной энергии. В настоящее время активно ведутся поиски «оптимальных решений и разработки моделей правового регулирования общественных отношений, сопряженных с применением цифровых технологий в области финансов, публичного управления, создания искусственного интеллекта» [1, с. 86], всестороннее усовершенствование которых является гарантом надежной защиты баз данных, содержащих сведения о сделках, которые заключены в электронном виде. Представляется необходимым на государственном уровне уделить внимание защите информации от различных злоупотреблений и системных сбоев, скорейшему принятию указанных мер, что позволит обеспечить удобство и безопасность веб-сделок в целом.

Своевременность исследования подтверждается огромным интересом к информационно-коммуникативным разработкам. Мощный скачок в развитии цифровых технологий наглядно демонстрируется усилением внимания исследователей к научному прогрессу, возникновением новых общественных отношений, становление которых происходит в поле новой виртуальной действительности. Следует выделить основные цифровые технологии, внедрение которых уже оказало положительное влияние на работу энергетического комплекса. Во-первых, это централизованный мониторинг, осуществление которого производится за счет протоколов обмена данными (например, *Internet Small Computer System Interface*), что позволяет максимально быстро выявить проблемы и устранить их. Во-вторых, использование интер-

нета вещей (*IoT*) – технологии, способной собирать, анализировать и передавать информацию в режиме реального времени, тем самым повышающей коэффициент полезного действия электростанций. Примерами таких успешных внедрений являются «Интер РАО – Электрогенерация», Смоленская и Воронежская атомные электростанции. В-третьих, применение технологии *Smart Grid*, другими словами, умных сетей. Данная система предоставляет потребителю возможность контролировать расходы на электроэнергию прямо с мобильного устройства. Все это, безусловно, способствует развитию интернет-предпринимательства, делает его более доступным и прозрачным, предоставляя больше возможностей для создания и ведения бизнеса.

Появление современных средств связи существенно изменило формы и методы заключения гражданско-правовых сделок. Скорость и удобство – ключевые преимущества электронного документооборота [2]. В условиях рыночной экономики оперативность играет большую роль и влияет на результат совершаемых сделок, именно поэтому их заключение в электронной форме получило распространение в самых различных сферах гражданского оборота. В первую очередь речь идет о сделках купли-продажи.

Одним из видов договора купли-продажи является договор энергоснабжения, заключаемый между энергоснабжающей организацией и абонентом (потребителем). Сущность рассматриваемого контракта заключается в охвате всех взаимодействий, складывающихся при снабжении электрической и тепловой энергией субъектов правоотношений. Договор энергоснабжения имеет большое социальное значение, что предопределяет необходимость его исследования через призму цифровизации.

В соответствии с ч. 1 ст. 539 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, абонент обязуется оплачивать принятую энергию, также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность использования находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность применяемых им устройств и оборудования, связанных с потреблением энергии. Энергоснабжение тесно связано с производством, транспортировкой и использованием электрической энергии, которая поступает потребителям, наряду с газом, тепловой энергией и водой. Качество электроэнергии должно максимально отвечать требованиям государственных стандартов энергоснабжения. Неожиданные отключения, выход из строя или неправильная работа оборудования, перегрев оборудования, негативное влияние на зрение, связанное с неправильной яркостью, – примеры того, как качество электроэнергии может отрицательно влиять на жизнедеятельность потребителей.

В этом контексте представляется весьма убедительным наделение такого объекта права, как энергия, ключевыми функциями, которые играют огромную роль в экономической жизни общества и государства.

Снабжение электрической энергией покупателей (абонентов и потребителей) на оптовом и розничных рынках электроэнергии происходит на основе чрезвычайно сложной системы принципов и норм гражданского и специального законодательства (ГК РФ, Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», постановления Правительства РФ от 27 декабря 2010 г. № 1172 «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности», от 4 мая 2012 г. № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») и др.), а также договорных форм (конструкций), связанных с продажей, подачей, перераспределением и потреблением электроэнергии, энергоснабжением. Большое количество договорных форм, способствующих энергоснабжению, обусловлено, на наш взгляд, не только субъективным подходом законодателя, но и: 1) большим территориальным пространством Единой энергетической системы нашей страны (протяженностью электролиний, действием различных часовых поясов); 2) сложностью регулирования самого процесса энергоснабжения, требующего особого повышенного учета, контроля, соблюдения безопасности, надежности, непрерывности снабжения, качественного состояния электрических сетей, приборов учета, энергооборудования, поддержания постоянного напряжения в сети, своевременного перераспределения электроэнергии, устранения аварийных ситуаций, недопущения незаконного прекращения или приостановления подачи электроэнергии; 3) участием в энергоснабжении большого количества физических и юридических лиц; 4) единством (одновременностью) производства, передачи и потребления электрической энергии как особого объекта энергетических правоотношений и средства энергоснабжения.

Еще одной проблемой в обороте электрической энергии является сложная система ценообразования. Перекрестное субсидирование блокирует возможности создания конкурентной среды, в результате чего потребители вынуждены нести допол-

нительные расходы на передачу энергии, несмотря на прямое подключение к станции, производящей электроэнергию. Вследствие этого результатом становится все более частый отказ потребителя от централизованного снабжения электрической энергией. В рамках промышленных масштабов предприятия устанавливают маломощные генераторы, в жилых домах осуществляется использование ветряных и солнечных электростанций. Для крупных организаций, производящих электричество, данные обстоятельства повлекут снижение количества потребления энергии и, как следствие, уменьшение дохода.

Все это приводит к мысли о том, что решением вышеупомянутых проблем может стать внедрение цифровых технологий в сфере действия договора снабжения электрической энергией.

Первые шаги в этом направлении уже сделаны. В РФ существует несколько предприятий, успешно модернизировавших процесс энергогенерации. Рассмотрим положительные эффекты на примере АО «Башкирская электросетевая компания» (далее – АО «БЭСК»), которая использует «умные сети» *Smart Grid* с 2013 г. Данная сеть способна гарантировать получение достоверных данных о генерации и об объеме потребленной электрической энергии и, что немаловажно, быструю обработку инфоданных [3].

Обзор пресс-релизов АО «БЭСК» о финансовых и об операционных результатах с 2014 по 2019 г. показал:

– 2014 г.: выручка выросла на 6% по сравнению с 2013 г. за счет увеличения отпуска электроэнергии и индексации тарифов на 10% с 1 июля 2013 г.; объем потерь электроэнергии сократился в распределительных сетях с 8,12 до 8,06% благодаря исполнению программы энергосбережения и повышения энергоэффективности;

– 2015 г.: выручка выросла на 5% по сравнению с 2014 г. за счет увеличения отпуска электроэнергии и потребления мощности, а также наращивания объема услуг от прочей деятельности, в том числе увеличения объемов технологического присоединения потребителей; объем потерь электроэнергии снизился в распределительных сетях с 8,46 до 8,22%, вследствие технической политики компании, включающей в себя целый комплекс мероприятий, направленных на снижение коммерческих;

– 2016 г.: выручка выросла на 8% по сравнению с 2015 г. за счет услуги по передаче электроэнергии; объем потерь электроэнергии возрос в распределительных сетях с 8,22 до 8,23%, вследствие ввода в эксплуатацию в августе 2016 г. ПГУ-410, принадлежащей ООО «Ново-Салаватская ТЭЦ». Реализация целого комплекса мероприятий, направленных на снижение коммерческих потерь в электрических сетях ООО «Башкирэнерго», позволила сдержать общий объем потерь практически на уровне прошлого года;

– данные за 2017 г. не предоставлены;

– 2018 г.: выручка увеличилась на 8,3% как за счет прироста потребления электроэнергии и мощности, так и за счет индексации тарифов в июле 2018 г. Кроме того, на увеличение выручки оказало влияние заключение договора аренды опор воздушных линий электропередачи для размещения линий связи; объем потерь электроэнергии в распределительных сетях снизился с 8,36 до 8,23% вследствие проводимой предприятием технической политики компании;

– 2019 г.: выручка увеличилась на 8%. Наибольший вклад оказал рост тарифов на услуги по передаче электроэнергии в июле 2019 г. за счет увеличение объема инжиниринговых услуг, оказываемых сторонним потребителям; объем потерь электроэнергии в распределительных сетях значимо снизился с 8,23 до 7,68% вследствие проводимой предприятием технической политики, включающей в себя целый комплекс мероприятий, направленных на снижение коммерческих потерь в электрических сетях АО «БЭСК» [4].

Анализируя пресс-релизы АО «БЭСК», мы видим существенное сокращение объемов потерь электроэнергии, что, несомненно, оказывает положительное влияние на работу компании. Результатом улучшения становится уменьшение количества аварий, снижение затрат на ремонт и техобслуживание, что ведет к бесперебойному снабжению электрической энергией потребителя.

Примером внедрения интернета вещей (*IoT*) является АО «Концерн Росэнергоатом». Анализ результатов данного внедрения показал, что используемая технология позволяет в режиме онлайн не только отслеживать, объединять и передавать информацию в централизованные информационные системы, но и давать оперативные рекомендации по устранению неполадок операторам. Все это дало возможность повысить качество принимаемых решений, в 20 раз сократило затраченное на обходы время и существенно снизило бумажный документооборот. Экономический результат производимых модернизаций составил порядка 45 млн руб. [5].

Реализация подобных проектов в будущем выгодна не только энергетикам, но и потребителям. Автоматизация системы позволит управлять энергопотреблением и различными энергозатратными устройствами, что существенно снизит расходы на электроэнергию. Несомненным плюсом цифровизации договора энергоснабжения станет его прозрачность, которая позволит энергосбытовым организациям в короткие сроки выявлять незаконное потребление электрической энергии, так как при использовании умных сетей данные будут сниматься автоматически.

В то же время при всей значимости и позитивном опыте происходящий процесс цифровизации сталкивается с рядом проблем: недостаточное финансирование, отсутствие российских разработок в данной сфере, неуверенность в правовой защите и безопас-

ности, недостаток квалифицированных кадров и др. Большинство взаимодействий по договорам энергоснабжения в настоящее время начинаются в сети и впоследствии закрепляются уже на бумаге. Велика вероятность, что в будущем весь процесс перейдет в цифровое пространство, поэтому развитие процесса электронного заключения договоров, а также защита цифровых прав является одним из важнейших аспектов преобразования в пользу оптимизации гражданских правоотношений.

Нормы, направленные на защиту цифровых прав, появились в гражданском законодательстве РФ сравнительно недавно. Одним из элементов такой защиты является постановка и решение вопроса, связанного с легализацией сбора и обработки значительных массивов обезличенной информации. В частности, ст. 783.1 ГК РФ введена конструкция договора об оказании услуг по предоставлению информации, диспозитивная обязанность не совершать действия, результатом которых может стать доступ к информации третьих лиц.

Заслуживает внимания такой способ защиты, как обособленная модель смарт-контракта, которая предусматривает существование договора в традиционной письменной форме и призвана обеспечить открытость и безопасность договора. Эта идея подтверждается статистическими данными: за период с 2016 г. в США, Германии, Японии и России было разработано около полусотни энергопроектов по цифровизации, что указывает на высокую заинтересованность мировых компаний в переходе на смарт-контракты [6, с 47–55]. Чтобы смарт-контракт был эффективным инструментом, Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» введена норма об их использовании, суть которой заключается в предоставлении возможности сторонам исполнить обязательство по средствам электронно-информационных технологий. Иначе говоря, исполнение произведет сама информационно-коммуникационная система, у покупателя будут сняты средства, а у продавца списано цифровое право.

Электронное заключение договора энергоснабжения – неотъемлемая часть осуществления предпринимательской деятельности в современном мире, совершенствование правового регулирования виртуального пространства не только способно обезопасить стороны договора от хакерских взломов баз данных, киберпреступности, вирусных атак и др., но и позволит избежать задержек платежей по обязательствам, автоматизировать расчетные и оперативные функции путем внедрения блокчейн-технологий.

Как следует из предшествующего изложения, государству неизбежно придется пересматривать существующий уклад осуществления властных полномочий и адаптироваться под новые стремительно развивающиеся электронно-информационные тенденции.

Несмотря на существующие проблемы, применение цифровых технологий, безусловно, позитивное явление. Их внедрение приведет к существенному снижению затрат на электроэнергию, позволит повысить эффективность и качество энергоснабжения за счет оперативного получения и обработки данных. В конечном счете это позволит удовлетворить интересы потребителей, избежав повышения цен.

Таким образом, цифровизация электроэнергетики оказывает большое влияние на динамику договорных правоотношений участников договора энергоснабжения. Вместе с тем следует констатировать, что практическая реализация «оцифрования» связана со значительными трудностями, к числу которых следует отнести перекрестное субсидирование, негибкое регулирование цен на розничных рынках электроэнергии, отсутствие законодательного регулирования блокчейн-технологий. Разрешение выявленных в работе проблем видится в возможности равномерного распределения величины перекрестного субсидирования, что позволит создать добросовестную конкуренцию между промышленными предприятиями, обеспечив эффективное и прозрачное ценообразование. Законодательное закрепление блокчейн-технологий поспособствует снижению уровня экономических потерь путем оплаты потребителями электроэнергии в надлежащие сроки.

Пристатейный библиографический список

1. *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253).

2. *Климова А. И.* Электронные сделки в гражданском праве : плюсы и минусы // Юриспруденция в теории и на практике : вопросы совершенствования правовой грамотности. Уфа : Омега Сайнс, 2018.

3. *Игнатов С.* Цифровизация в электроэнергетике : на пути к новой реальности // Рынок Электротехники : сайт. URL: https://marketelectro.ru/content/cifrovizaciya-v-elektroenergetike-na-puti-k-novoy-realnosti (дата обращения: 19.04.2020).

4. Пресс-релиз. АО «БЭСК» финансовые и операционные результаты // АО «БЭСК» : сайт. URL: https://bashes.ru/pressroom/press-releases/ (дата обращения: 19.04.2020).

5. «Интернет вещей» (IoT) в России : Технология будущего, доступная уже сейчас // Invest in Russia : сайт. URL: https://ru.investinrussia.com/data/file/IoT-inRussia-research_rus.pdf (дата обращения: 21.04.2020).

6. Татаринова Е. П. Роль использования инновационных технологий в договорах купли-продажи // Вопросы российского и международного права. 2018. № 10А.

References

1. *Khabrieva T. Ia., Chernogor N. N.* Law in Digital Reality. *Journal of Russian Law*. 2018. No. 1 (253).

2. *Klimova A. I.* Electronic Transactions in Civil Law: Pros and Cons. In Jurisprudence in Theory and Practice: Issues of Improving Legal Literacy. Ufa: Omega Science, 2019.

3. *Ignatov S.* Digitalization in the Electric Power Industry: On the Way to a New Reality. URL: https://marketelectro.ru/content/cifrovizaciya-v-elektroenergetike-na-puti-k-novoy-realnosti (date of the application: 19.04.2020).

4. Press Release. JSC "BPGC" Financial and Operating Results. URL: https://bashes.ru/pressroom/press-releases/ (date of the application: 19.04.2020).

5. "Internet of Things" (IoT) in Russia: Technology of the Future, Available Now. URL: https://ru.investinrussia.com/data/file/IoT-inRussia-research_rus.pdf (date of the application: 19.04.2020).

6. Tatarinova E. P. The Role of Using Innovative Technologies in Sales Contracts // Issues of Russian and International Law. 2018. No. 10A.

ВЗЫСКАНИЕ НЕЗАКОННО ПОЛУЧЕННЫХ ДОХОДОВ: ОПЫТ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН*

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-77-83

Статья посвящена рассмотрению использования одного из актуальных направлений деятельности по преодолению коррупционных правонарушений в гражданском обороте – создания и совершенствования законодательства и правоприменения в области взыскания в гражданско-правовом порядке недоказанных доходов чиновников и иных лиц, в отношении которых осуществляется контроль за их доходами. Предметом исследования статьи является анализ совершенствования законодательства и правоприменительной практики, с тем чтобы выявить элементы механизма контроля за расходами лиц, замещающих должности, включенные в перечни, установленные нормативными правовыми актами РФ, которые требуют совершенствования. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики. В статье показано, что развитие и использование имеющихся механизмов взыскания незаконных доходов в данной сфере недостаточно. В связи с этим актуально и значимо исследование международного опыта. Поэтому в статье рассматриваются законодательные механизмы взыскания недоказанного богатства в зарубежных странах: Великобритании, Ирландии, Китае и др. Данное исследование актуально, поскольку эффективность исследуемого механизма обеспечивает достижение целей антикоррупционной политики государства. Методологическую основу исследования составили общенаучные (диалектический, системно-структурный, логический, анализ) и частнонаучные (формально-юридический, межотраслевой) методы познания. Автором сделаны выводы о необходимости учитывать при совершенствовании национального антикоррупционного законодательства основные направления совершенствования антикоррупционного законодательства зарубежных стран, поскольку они отражают общую тенденцию развития антикоррупционных правовых механизмов, в частности расширить круг объектов, подлежащих взысканию в доход государства. Полученные результаты и выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях, законотворческой и правоприменительной практике.

ИЛЮШИНА
Марина Николаевна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

alexi59@mail.ru

Коррупционные правонарушения; законодательство о контроле за расходами лиц, замещающих должности, включенные в перечни, установленные нормативными правовыми актами Российской Федерации; механизм правового регулирования; судебный порядок взыскания в доход Российской Федерации; антикоррупционное законодательство зарубежных стран; объекты взыскания в доход государства

RECOVERY OF ILLEGALLY OBTAINED INCOME: EXPERIENCE OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES**

Marina N. ILYUSHINA

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of the All-Russian State University of Justice (Moscow)

alexi59@mail.ru

The article is devoted to the use of one of the most relevant areas of activity to overcome corruption offenses in civil turnover – the creation and improvement oflegislation and law enforcement in the field of civil recovery of unproven income

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках реализации научного проекта № 19-011-00729А «Развитие антикоррупционного законодательства в сфере государственного управления»; статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

** The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-011-00729A "Development of Anti-Corruption Legislation in Public Administration".

Corruption offenses; legislation on control of expenses of persons who fill positions included in the lists established by normative legal acts of the Russian Federation; mechanism of legal regulation; judicial procedure for collection to the revenue of the Russian Federation; anti-corruption legislation of foreign countries; objects of collection to the revenue of the state

of officials and other persons in respect of which their income is monitored. The subject of the article is the analysis of improving legislation and law enforcement practice in order to identify elements of the mechanism for controlling expenses of persons who fill positions included in the lists established by regulatory legal acts of the Russian Federation that require improvement. The author concludes that it is necessary to improve legislation and law enforcement practice. The article shows that the development and use of existing mechanisms for collecting illegal income in this area is not enough. In this regard, the study of international experience is relevant and significant. Therefore, the article discusses the legal mechanisms for collecting unproven wealth in foreign countries: Great Britain, Ireland, China, etc. This research is relevant, since the effectiveness of the mechanism under study ensures the achievement of the goals of the state's anti-corruption policy. The methodological basis of the research is based on General scientific methods (dialectical, system-structural, logical, analysis) and private scientific (formal-legal, intersectoral) methods of cognition. The author draws conclusions about the need to take into account the main directions of improving the anti-corruption legislation of foreign countries when improving the national anti-corruption legislation, since they reflect the general trend in the development of anti-corruption legal mechanisms, in particular to expand the range of objects subject to collection to the state revenue. The obtained results and conclusions can be used in further research, legislative and law enforcement practice.

Механизм контроля за коррупционными правонарушениями государственных чиновников на основе анализа их имущественного положения установлен Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [1] (далее – Закон о контроле за расходами), иными нормативными правовыми актами РФ и нормативными актами Центрального банка РФ (ст. 8.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2] (далее – Закон о противодействии коррупции)).

При этом следует отметить, что реализация указанного контроля и процессуальное его воплощение возложены на Прокуратуру РФ. Как заявил генпрокурор России Игорь Краснов в ходе ежегодного доклада в Совете Федерации, суды в 2019 г. удовлетворили исковые заявления прокуроров о взыскании в пользу государства имущества на сумму более 20 млрд руб. В сравнении с 2018 г. произошел рост почти в 70 раз: в 2018 г. было изъято имущество на 311 млн руб. [3]. Например, в 2020 г. органы надзора выявили серьезные несоответствия между доходами и расходами экс-сенатора Рауфа Арашукова и его семьи. Арашуков с 2009 по 2018 г. отчитался о доходах в размере 15,6 млн руб., его отец официально заработал 65,9 млн руб., а имущества за тот же период было приобретено на 1,46 млрд руб. В этой связи Генпрокуратура подала иск о конфискации 75 объектов недвижимости, среди которых пять квартир, девять жилых домов, отель и ресторан, а также 14 автотранспортных средств и различных предметов роскоши [4].

Однако, как неоднократно указывалось в юридической литературе, установленный порядок взыскания и объектный состав взыскания в указанном порядке не удовлетворял пониманию незаконности доходов. В перечень взыскиваемых в гражданско-правовом порядке в доход государства видов имущества не попадали и не попадают денежные средства, антиквариат, валютные средства, драгоценности, произведения искусства [5, с. 3–7].

Кроме того, установленный законодательством механизм предполагал, что субъектами такого взыскания могут быть только лица, занимающие указанные должности, их супруги и несовершеннолетние дети. Таким образом, получалось, что в ряде случаев, если имущество приобреталось на незаконные доходы на имя не указанных в законе лиц, взысканию в доход государства оно не подлежало. Надо отметить, что проблема взыскания незаконных доходов решалась во многих странах. В 2017 г. правоохранительные органы Великобритании получили новый инструмент для борьбы с легализацией преступных доходов. С 30 сентября 2017 г вступил в силу Закон о криминальных финансах (*Criminal Finances Act*), утвержденный королевой 27 апреля 2017 г. В соответствии с принятым Законом британские власти имеют право направлять таким лицам запросы о неясном происхождении состояния (*unexplained wealth orders – UWO*), а отсутствие внятных объяснений по поводу возникновения доходов на сумму более

100 тыс. евро становится поводом для заморозки активов. Этот Закон позволяет Национальному агентству по борьбе с преступностью (*National Crime Agency – NCA*) при наличии ордера заморозить все имущество или подозрительные активы. Во время действия этого ордера владелец не может ни продать, ни передать кому-то или каким-либо другим способом избавиться от замороженной недвижимости. Если уполномоченные органы не получат от владельца подробного объяснения происхождение средств, потраченных на покупку этого объекта или активов, то имущество подлежит конфискации [6]. Но, как отмечается в приведенной публикации, при любом исходе дела владельцам «необоснованного богатства», как его называет новый Закон, не будет уголовного преследования, поскольку изъятие собственности, купленной на непонятные доходы, не делает их виновными. Это лишь гражданское производство в рамках дознания, а не уголовное преследование, где требуются значительно более веские доказательства [6]. Под действие Закона подпадают две группы лиц: политически значимые лица (*politically exposed persons – PEP*) из государств за пределами Европейской экономической зоны, а также лица, в отношении которых есть разумные основания полагать, что они вовлечены в серьезные преступления в Великобритании или за рубежом либо связаны с такими лицами. Приказ выдается, если есть разумные основания полагать, что известные (на момент обращения за приказом) источники законных (с точки зрения законодательства места получения) доходов недостаточны для приобретения имущества. Закон не ограничивает объем приказов о раскрытии только объяснениями и документами о характере права на имущество, обстоятельствах его приобретения, а также источниках средств. Прямо говорится, что приказ может содержать требования о раскрытии иной информации в связи с данным имуществом. В случае отказа создается презумпция того, что имущество приобретено на доходы от преступления [см. подробнее: 7].

Закон Великобритании вводит понятие «богатство необъяснимого происхождения» или «необъяснимый порядок обогащения» («*UWO*»), позволяющее правоохранительным органам требовать от лиц, подозреваемых во владении имуществом, полученным преступным путем, предоставления детальных пояснений в отношении источника происхождения такого имущества. Неудовлетворение требований *UWO* будет являться основанием для предположения, что имущество было получено преступным путем и подлежит взысканию [8]. Как следует из текста законодательного акта, его положения будут применяться к имуществу любого лица: гражданина, иностранца, государственного служащего. В случае, если лицу не удастся доказать, что движимое или недвижимое имущество приобретено на легальные доходы, данное имущество подлежит конфискации в судебном порядке. Закон позволяет изымать активы, которые хранятся на банковских счетах, другое ценное имущество, такое как драгоценные металлы и камни, часы, художественные произведения и т.д. В юридической литературе оценивают данное законодательное нововведение Великобритании как новый механизм борьбы с недоказанными доходами, основанный на нетрадиционных доказательствах, не предполагающих применения уголовно-процессуальных и уголовно-правовых механизмов [см. подробнее: 9, с. 102].

Надо отметить, что механизм изъятия богатств необъяснимого происхождения довольно непросто входит в законодательное поле государств. Как отмечается в юридической литературе, после нескольких лет обсуждения Конституционный суд Италии признал невозможность введения данного механизма, поскольку он противоречит Конституции Италии; ряд стран воспринял только отдельные его элементы (некоторые штаты Канады, Новая Зеландия, Южная Африка), и только Австралия, Колумбия и Ирландия ввели указанный механизм изъятия «богатств необъяснимого происхождения в полном объеме в свое законодательство» [9, с. 103]. В Ирландии указанный механизм обеспечивается путем создания многопрофильного агентства, единственная функция которого заключается в выявлении активов, полученных преступным путем, и в исполнении процедуры конфискации вне уголовного производства. Как отмечается в публикациях, законодателю стало ясно, что некоторые преступники остаются недосягаемыми для обычного уголовного преследования, поскольку напрямую не участвуют в совершении правонарушений и тщательно скрывают свои деяния. Для успешной борьбы с организованной преступностью необходимо принятие мер, направленных на лишение участников преступлений тех выгод, которые им приносит преступная деятельность [10].

В Китае порядок декларирования имущества начал законодательно регулироваться с 1987 г., и сейчас система контроля находится на стадии апробирования. Исследователи отмечают главный недостаток китайской модели контроля за доходами и расходами чиновников: отсутствует необходимая жесткость действия нормативных документов, регулирующих декларирование имущества. Хотя внедряются меры партийной дисциплины и дисциплины госслужащих по декларированию имущества, но отсутствуют законодательные акты, обладающие большей обязательной силой. Имеет место своего рода «недостаточное законодательное обеспечение», что приводит к низкой «себестоимости» нарушения дисциплины, но к большим доходам [11, с. 196].

Данные задачи и идеи актуальны и для российского правопорядка, поскольку многочисленные недоказанные богатства, полученные преступным путем, скрываются у лиц, которые не являются субъектами ответственности за коррупционные правонарушения, не относятся к кругу лиц, в отношении которых осуществляются контрольные мероприятия за крупными расходами. Следует отметить, что указанная правовая проблема послужила предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ и была оценена в его определении от 2 октября 2019 г. № 2652-О [12]. Как было установлено, заявительницей оспаривалась правомерность ряда законоположений, поскольку они, по ее мнению, позволяют суду, в частности, бесконтрольно и по собственному усмотрению обращать в доход РФ любое имущество (если оно приобретено на доходы, законность которых не подтверждена) любых лиц, прямо не перечисленных в законе и не являющихся супругом (супругой) и несовершеннолетними детьми лиц, за расходами которых осуществляется контроль. Иначе говоря, Конституционный Суд РФ рассматривал законность правоприменительной практики в отношении антикоррупционного законодательства, которая уже сложилась в судебной правоприменительной практике, поскольку судебные инстанции удовлетворили исковые требования заместителя Генерального прокурора РФ к В. Н. Захарченко и другим ответчикам об обращении в доход РФ находящегося у них имущества. При этом судом, в частности, было установлено, что спорное имущество было приобретено за счет доходов сына заявительницы – Д. В. Захарченко, за расходами которого осуществлялся контроль в соответствии с Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», законность получения которых не подтверждена [12]. Таким образом, можно утверждать, что сложившаяся и поддержанная Конституционным Судом РФ правоприменительная практика допускает возможность обращения взыскания недоказанных доходов с иных лиц, прямо не указанных в антикоррупционном законодательстве, но при условии доказанности обстоятельств, подтверждающих приобретение спорного имущества за счет доходов лица, за расходами которого осуществлялся контроль в соответствии с Федеральным законом «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», законность которых не подтверждена, а также на отсутствие доказательств приобретения заявительницей спорного имущества на собственные денежные средства, в том числе ввиду существенного расхождения между стоимостью имущества и ее подтвержденным доходом.

Вместе с тем понятно, что российское антикоррупционное законодательство должно быть уточнено в части регулятивных элементов созданного законодательного механизма взыскания недоказанных доходов лиц, в отношении которых осуществляется контроль за соответствием их расходов доходам. Надо отметить появление ряда законодательных инициатив, направленных на решение этих вопросов. На официальном сайте Минфина России было сообщено, что планируется осуществить ряд изменений, направленных на совершенствование законодательства в сфере противодействия коррупции. Это будут поправки в Бюджетный и Гражданский кодексы РФ, и они коснутся только государственных служащих федерального и регионального уровней, муниципальных служащих и других лиц, которые в соответствии с антикоррупционным законодательством обязаны декларировать как свое имущество, так и доходы близких родственников – супругов и несовершеннолетних детей. Соответственно, никакого нового механизма контроля за соответствием доходов и расходов в отношении всех граждан устанавливаться не будет.

Указанные поправки подготовлены Минюстом России в Закон о противодействии коррупции и ст. 235 части первой Гражданского кодекса РФ и направлены в Правительство РФ. Поправки в Гражданский кодекс РФ предусматривают, что в установленных случаях конфисковано может быть не только имущество, в отношении которого в соответствии с законодательством РФ о противодействии коррупции не представлены доказательства, подтверждающие приобретение имущества на законные доходы, но и денежные средства – в случае отсутствия доказательств законности их получения. В связи с этим требуются корреспондирующие изменения в Бюджетный кодекс РФ, которые разрабатывает Минфин России. Минфин готовит поправки в ст. 46 и 146 Бюджетного кодекса РФ в части уточнения перечня доходов бюджета Пенсионного фонда РФ. Речь идет о том, чтобы в ПФР перечислялись денежные средства, в отношении которых в соответствии с законодательством о противодействии коррупции не представлены доказательства, подтверждающие законность их получения [13].

По сути, по мнению Минфина России, эти изменения носят технический характер и необходимы для синхронизации норм с Гражданским кодексом РФ. В соответствии с установленным регламентом подготовки проектов федеральных законов на портале проектов нормативных правовых актов regulation.gov.ru размещено уведомление о том, что такие изменения в Бюджетный кодекс РФ будут разработаны [14]. Соответственно, в законопроекте планируется закрепить расширение объектного состава взыскиваемого имущества. Наряду с ранее предусмотренными объектами взыскания, в отношении приобретения которых не доказана законность их приобретения, вводится еще один самостоятельный вид имущества, подлежащего взысканию, – денежные средства. Справедливости ради надо отметить, что денежные средства

взыскивались и ранее, поскольку такая возможность прямо предоставлена суду в законе. Во-первых, в соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» прокурор имеет право требовать обращения взыскания не только всего имущества, но и его части (если доля незаконных доходов незначительна), а также денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества (части), в случае, если обращение взыскания на само имущество невозможно [см.: 15, с. 12–15]; во-вторых, в соответствии с п. 3 ст. 17 указанного Закона в случае, если доля доходов, законность которых не доказана, оказывается незначительной с учетом обстоятельств дела, обращению в доход РФ подлежит только часть имущества, в отношении которого лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) одну из должностей, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 2 упомянутого Закона, не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, или денежная сумма, эквивалентная стоимости этой части имущества. В этом направлении сложилась и судебная практика, поддержанная Конституционным Судом РФ. В частности, Суд в своем постановлении от 29 ноября 2016 г. № 26-П указал на допустимость обращения взыскания не только на само имущество, но и на денежные средства, полученные от его продажи [16].

Однако 29 июля 2020 г. по поводу внесенного законопроекта отрицательно высказался Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства и дал негативную оценку законопроекту, дающему возможность изымать в бюджет не подтвержденные документально доходы и имущество чиновников. Совет в заключении отметил, что в соответствии с п. 3 ст. 35 Конституции РФ «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Кроме того, в документе нет «четкого описания» процедуры обнаружения фактов поступления средств, которые можно направить в бюджет страны, а в качестве основания для проверки соответствующих сведений приведено наличие «достаточной информации». По мнению экспертов, это позволит применять норму выборочно. И, как далее отметил Председатель совета, глава Комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству Павел Крашенинников, документ, разработанный Минюстом России, «в таком виде» принимать нельзя [17]. Таким образом, очередная попытка законодательного расширения объектного состава взыскиваемого имущества за счет денежных средств, скорее всего, не будет успешной. Вместе с тем следует отметить, что это то направление, которым идет наиболее эффективное антикоррупционное законодательство ряда стран; оно предполагает более широкий круг объектов, которые подвергаются взысканию при проверке законности доходов чиновников и иных субъектов, указанных в соответствующих законодательных актах. Поэтому если нововведение в этой части будет снабжено непротиворечивым механизмом взыскания, вполне можно вернуться к указанному направлению совершенствования антикоррупционного законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6953.

2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

3. Прокуроры добились изъятия у чиновников имущества на 20 млрд рублей // RT на русском : сайт. URL: https://russian.rt.com/russia/news/755964-rossiya-chinovniki-imuschestvo (дата обращения: 25.04.2020).

4. Итоги дня: Краснову дадут возбудиться, у Арашукова отнимут миллиард, коррупционеры поделятся с пенсионерами // Первое Антикоррупционное СМИ : сайт. URL: https://pasmi.ru/archive/276865/ (дата обращения: 25.04.2020).

5. *Илюшина М. Н.* Гражданско-правовые элементы механизма контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // Гражданское право. 2019. № 6.

6. Суд Лондона дал старт охоте за деньгами и недвижимостью необъяснимо богатых россиян в Великобритании // NEWSru.com : сайт. URL: https://www.newsru.com/world/06feb2020/londongrad_uwo.html (дата обращения: 25.04.2020).

7. Криминальные хроники : как Лондон борется с незаконным богатством россиян // Яндекс : сайт. URL: https://yandex.ru/turbo/s/forbes.ru/finansy-i-investicii/360645-kriminalnye-hroniki-kak-london-boretsya-s-nezakonnym-bogatstvom-rossiyan (дата обращения: 25.04.2020).

8. Закон Великобритании «О финансовых преступлениях» 2017 года // Записки об Оффшорах : сайт. URL: https://offshore.su/blog/offshore_news/criminal-finances-act-2017.html (дата обращения: 25.04.2020).

9. *Абылайұлы А.* Анализ зарубежного законодательства : Закон Великобритании «О криминальных финансах» // Вестник института законодательства Республики Казахстан. 2018. № 1.

10. *Кассиди Ф.* Выявление доходов от преступной деятельности : опыт Ирландии // Studref : сайт. URL: https://studref.com/393210/pravo/vyyavlenie_dohodov_prestupnoy_deyatelnosti_opyt_irlandii/ (дата обращения: 25.04.2020).

11. *Бин Г.* Российское и китайское законодательство о декларировании имущества : сходство и различия // Lex Russica. 2016. № 5.

12. Определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2019 г. № 2652-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Захарченко Валентины Николаевны на нарушение ее конституционных прав положениями федеральных законов «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», «О противодействии коррупции» и «О государственной гражданской службе Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

13. *Башлыкова Н.* Держи фонд шире : неподтвержденные доходы отдадут пенсионерам // Известия : сайт. URL: https://iz.ru/1040672/natalia-bashlykova/derzhi-fond-shire-nepodtverzhdennye-dokhody-otdadut-pensioneram (дата обращения: 25.04.2020).

14. Законопроекты о конфискации средств, законность получения которых невозможно доказать, касаются только государственных служащих // Минфин России : сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37132-zakonoproekty_o_konfiskatsii_sredstv_zakonnost_polucheniya_kotorykh_nevozmozhno_dokazat_kasayutsya_tolko_gosudarstvennykh_sluzhashchikh (дата обращения: 25.04.2020).

15. *Малышева Л. А.* Совершенствование деятельности по контролю за расходами государственных служащих и иных лиц // Законность. 2019. № 3.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Совет при президенте РФ негативно отозвался о законопроекте по конфискации доходов чиновников // Журнал «Компания» : сайт. URL: https://ko.ru/news/sovet-pri-prezidente-rf-negativno-otozvalsya-o-zakonoproekte-po-konfiskatsii-dokhodov-chinovnikov/ (дата обращения: 25.04.2020).

References

1. Federal Law of 3 December 2012 No. 230-FZ "On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with Their Incomes". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2012. No. 50 (part 4). Art. 6953.

2. Federal Law of 25 December 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 52 (part 1). Art. 6228.

3. Prosecutors Secured the Confiscation of Property from Officials for 20 Billion Rubles. URL: https://russian.rt.com/russia/news/755964-rossiya-chinovniki-imuschestvo (date of the application: 25.04.2020).

4. Results of the Day: Krasnov Will Get Excited, Arashukov Will Be Deprived of a Billion, Corrupt Officials Will Share With Pensioners. URL: https://pasmi.ru/archive/276865/ (date of the application: 25.04.2020).

5. *Iliushina M. N.* Civil Law Elements of the Mechanism of Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons With Their Income. *Civil Law*. 2019. No. 6.

6. The London Court Launched the Hunt for Money and Real Estate of Inexplicably Wealthy Russians in the UK. URL: https://www.newsru.com/world/06feb2020/londongrad_uwo.html (date of the application: 25.04.2020).

7. Crime Chronicles: How London Fights the Illicit Wealth of Russians. URL: https://yandex.ru/turbo/s/forbes.ru/finansy-i-investicii/360645-kriminalnye-hroniki-kak-london-boretsya-s-nezakonnym-bogatstvom-rossiyan (date of the application: 25.04.2020).

8. UK Financial Crimes Act 2017. URL: https://offshore.su/blog/offshore_news/criminal-finances-act-2017.html (date of the application: 25.04.2020).

9. *Abylaiuly A.* Analysis of Foreign Legislation: The UK Law "On Criminal Finance". *Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*. 2018. No. 1.

10. *Cassidy F.* Identifying the Proceeds of Crime: The Experience of Ireland. URL: https://studref.com/393210/pravo/vyyavlenie_dohodov_prestupnoy_deyatelnosti_opyt_irlandii/ (date of the application: 25.04.2020).

11. *Bean G.* Russian and Chinese Legislation on Property Declaration: Similarities and Differences. *Lex Russica*. 2016. No. 5.

12. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2 October 2019 No. 2652-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Valentina Nikolaevna Zakharchenko on Violation of Her Constitutional Rights by the Provisions of the Federal Laws 'On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with Their Incomes', 'On Combating Corruption' and 'On the State Civil Service of the Russian Federation'" (SPS "ConsultantPlus").

13. *Bashlykova N.* Keep the Fund Wider: Unconfirmed Income Will Be Given to Pensioners. URL: https://iz.ru/1040672/natalia-bashlykova/derzhi-fond-shire-nepodtverzhdennye-dokhody-otdadut-pensioneram (date of the application: 25.04.2020).

14. Bills on Confiscation of Funds, the Legality of the Receipt of Which Cannot Be Proved, Concern Only Civil Servants. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37132-zakonoproekty_o_konfiskatsii_sredstv_zakonnost_polucheniya_kotorykh_nevozmozhno_dokazat_kasayutsya_tolko_gosudarsthavenny (date of the application: 25.04.2020).

15. *Malysheva L. A.* Improving Activities to Control the Costs of Civil Servants and Other Persons. *Legality*. 2019. No. 3.

16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29 November 2016 No. 26-P "On the Case of Checking the Constitutionality of Subparagraph 8 of Paragraph 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 17 of the Federal Law 'On Control over the Compliance of Expenses of Persons Holding Public Office and Other Persons with Their Incomes' in Connection with the Request of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan" (SPS "ConsultantPlus").

17. The Council Under the President of the Russian Federation Has Negatively Responded to the Bill on Confiscation of Officials' Income. URL: https://ko.ru/news/sovet-pri-prezidente-rf-negativno-otozvalsya-o-zakonoproekte-po-konfiskatsii-dokhodov-chinovnikov/ (date of the application: 25.04.2020).

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ» И «ЮРИДИЧЕСКАЯ УСЛУГА»: ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ

БАРАННИКОВ Максим Сергеевич

помощник заместителя Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ (г. Москва)

msbarannikov@gmail.com

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-84-90

Статья 2 Конституции РФ презюмирует, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства, и гарантией исполнения данной обязанности служит ст. 48 Конституции РФ, гарантирующая каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Однако в правовой доктрине неоднозначно решаются вопросы в том числе и с точки зрения организационно-структурного аспекта оказания юридической помощи, в частности субъектного состава и договорного опосредования этой деятельности, что в свою очередь вызывает определенные трудности правоприменительной практики, связанные с квалификацией той или иной деятельности в сфере практической юриспруденции в качестве юридической помощи как способа реализации и защиты других конституционных прав и свобод человека и гражданина. Этим обусловлена актуальность исследований в области взаимосвязи оказания юридической помощи и юридических услуг. Целью настоящей статьи явилось рассмотрение соотношения юридической помощи и юридической услуги на уровне понятийного аппарата; предметом исследования выступили существующие в правовой науке взгляды, представления и мнения по вопросам юридической помощи и юридических услуг. Теоретико-методологическую основу работы составили труды ученых-правоведов в области цивилистики и конституционного права, развивающие идеи юридической помощи, в том числе и как конституционного права, не подлежащего ограничению, и юридических услуг как предмета гражданско-правового договора, с учетом реализации принципа свободы договора. Междисциплинарный характер анализируемых вопросов обусловил применение общенаучных методов эмпирического и теоретического исследования: логического, системного и функционального. При проведении исследования, учитывая существующие функциональные, структурные и организационные связи системы права, были также применены формально-юридический и межотраслевой методы правовых исследований. По результатам проведенного исследования на основе изучения функций и принципов оказания юридической помощи и юридических услуг сделан вывод о том, что понятия «юридическая помощь» и «юридическая услуга» соотносятся как общее и частное соответственно, а также представлена авторская дефиниция юридической услуги.

Юридическая помощь; юридическая услуга; конституционное право на квалифицированную юридическую помощь

Maxim S. BARANNIKOV

Assistant to the Deputy Chairman, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

msbarannikov@gmail.com

CORRELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF "LEGAL AID" AND "LEGAL SERVICE": GENERAL AND SPECIFIC

Article 2 of the Constitution of the Russian Federation presumes that the recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms is the duty of the state, and Article 48 of the Constitution of the Russian Federation, which guarantees everyone the right to receive qualified legal assistance. However, the legal doctrine ambiguously resolves issues, including from the point of view of the organizational and structural aspect of the provision of legal assistance, in particular, the subject composition and contractual mediation of this

Legal aid; legal service; constitutional right to qualified legal aid

activity, which, in turn, causes certain difficulties in law enforcement practice associated with the qualifications of one or another activities in the field of practical jurisprudence as legal assistance as a way to implement and protect other constitutional rights and freedoms of man and citizen. This determines the relevance of research in the field of the relationship between the provision of legal aid and legal services. The purpose of this article was to consider the ratio of legal assistance and legal services at the level of the conceptual apparatus, the subject of the study was the views, ideas and opinions on legal assistance and legal services existing in legal science. The theoretical and methodological basis of the work was formed by the works of legal scholars in the field of civil law and constitutional law, developing the ideas of legal assistance, including as a constitutional law not subject to restriction, and legal services as a subject of a civil law contract, taking into account the implementation of the principle of freedom of contract. The interdisciplinary nature of the analyzed issues led to the use of general scientific methods of empirical and theoretical research: logical, systemic and functional. When conducting the research, taking into account the existing functional, structural and organizational ties of the legal system, formal legal and intersectoral methods of legal research were also applied. Based on the results of the study, based on the study of the functions and principles of providing legal assistance and legal services, it was concluded that the concepts of "legal assistance" and "legal service" are related as general and specific, respectively, and the author's definition of legal services is also presented.

Вопрос определения и соотношения таких категорий, как «юридическая помощь» и «юридическая услуга», является базовым для целей понимания юридической услуги как объекта гражданских прав.

На современном этапе развития права юридическую помощь можно выделить в качестве одного из важных правовых средств, неотъемлемого элемента механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина [1, с. 3]. В юридической литературе высказывается обоснованное мнение, что в настоящее время право каждого на получение юридической помощи можно рассматривать как достояние всего цивилизованного человечества [2, с. 4].

Согласно ст. 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [3] обеспечение граждан бесплатной юридической помощью выступает в качестве цели государственной политики в целях реализации гарантий права на получение бесплатной юридической помощи.

Государственная программа «Юстиция», утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 312 [4], содержит целый ряд показателей (индикаторов), связанным с оказанием гражданам юридической помощи.

Хотя легальной дефиниции правовой помощи на уровне национального законодательства нет, но можно отметить, что Модельным законом «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» [5], принятым постановлением № 49-7 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, юридическая помощь определяется как квалифицированная профессиональная помощь, оказываемая адвокатами в целях защиты прав, свобод и интересов доверителей, включая правовое консультирование и представительство доверителей в судах, государственных органах, иных организациях и перед физическими лицами, с использованием всех не запрещенных законом средств и способов.

Данное определение не может быть применимо ко всем отношениям, связанным с оказанием юридической помощи, в связи с ограничением по субъектному составу.

Исследование понятия правовой помощи целесообразно начать с понимания термина «помощь», под которым понимается:

– содействие кому-нибудь в чем-нибудь, участие в чем-нибудь, приносящее облегчение [6, с. 497];

– содействие, поддержка [7, с. 917];

– содействие кому-либо или чему-либо; действия или средства, облегчающие, упрощающие что-либо [8];

– участие в каком-либо деле, представляющем по различным причинам затруднение для одного лица (группы, коллектива), другого человека (группы лиц, организации) с целью облегчить совершение чего-либо [9, с. 13].

При этом понятие помощи личности «не определяется… явным образом, а только предполагается» [10, с. 11]. Понятие помощи используется в различных

сферах общественной жизни и исследуется в различных научных областях. В частности, под социальной помощью в теории государства и права предлагается понимать систему мер в виде содействия, поддержки и услуг, оказываемых отдельным группам населения социальной службой для преодоления или смягчения жизненных трудностей, поддержание их социального статуса и полноценной жизни, адаптации в обществе [11, с. 20].

Как социальное явление помощь личности исследуется как форма социального содействия и разновидность человеческой деятельности.

Термин «юридическая помощь» в правовой доктрине также понимается по-разному:

– помощь при исполнении юристом своих профессиональных обязанностей, основной целью которого является необходимое содействие в предупреждении нарушения прав, свобод и законных интересов субъектов права, устранении или уменьшении неблагоприятных последствий такого нарушения и в восстановлении надлежащего положения субъекта права [1, с. 8];

– вид профессиональной юридической деятельности как часть сложившейся системы осуществления правовых работ и услуг [12, с. 10–12];

– система мероприятий, направленных на обеспечение и защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц, реализуемых специально созданными на то органами – адвокатурой, нотариатом и др., осуществляющими свою деятельность в целях достижения максимальной правовой защищенности граждан и юридических лиц [13, с. 6–7];

– особый вид процессуальной деятельности [14, с. 13–14];

– реализуемое правовыми средствами адресное профессиональное и организованное содействие реализации правовых возможностей субъектам права в целях преобразования проблемной правовой ситуации и максимально благоприятного удовлетворения его индивидуальных интересов [15, с. 8; 16, с. 8] и др.

Толкования понятия «юридическая помощь» различаются, в частности по таким классифицирующим признакам, как цели и содержание юридической помощи как деятельности в сфере юриспруденции, что обусловливает различные классификационные подходы, в частности юридическая помощь рассматривается как: защита прав; осуществление прав; обеспечение прав; услуга [9, с. 18–27].

В юридической литературе представлены и иные классификации юридической помощи. В частности, предлагается по признаку сферы осуществления юридической деятельности выделять такую помощь в области спорной юрисдикции (при рассмотрении разнообразными юрисдикционными органами споров по поводу субъективных прав) и в сфере бесспорной юрисдикции (при отсутствии спора о праве) [17, с. 41–42].

По экономическому критерию юридическая помощь подразделяется на возмездную и безвозмездную, а по критерию цели оказания – на специализированную (собственно юридическую) и косвенную (обусловлена компетенцией органов государственной власти, местного самоуправления, их должностных лиц и обязанностями по рассмотрению обращений граждан), по критерию основания возникновения обязанности совершения активных действий по оказанию предлагается выделить публичную, частную и частно-публичную [18, с. 47–49].

Принципиально иную классификацию также можно увидеть в исследованиях ученых. В частности, по критерию уровня эффективной достаточности предлагается выделять первичную (разовую) и повторную (дополнительную) юридическую помощь; по критерию характера обстоятельств, вызывающих потребность в оказании помощи, – экстренную (чрезвычайную) и плановую (ординарную); по субъектам (адресатам) оказания и др. [19, с. 54–84]

Необходимо отметить, что под юридической услугой для целей настоящей статьи автором предлагается понимать возмездную деятельность, направленную на совершение исполнителем юридических актов и (или) юридических поступков, не приводящую к созданию материальных ценностей и (или) изменению объекта оказания услуг, с присущим личностно-доверительным характером и вытекающей из него конфиденциальностью отношений сторон, а также характеризующуюся наличием у заказчика правового интереса, подлежащего удовлетворению в процессе и (или) в результате оказания услуги через возникновение (изменение, прекращение) у заказчика определенных субъективных прав.

Вопрос соотношения понятий помощи и услуги уже неоднократно выступал предметом правовых исследований.

В частности, А. В. Тихомиров применительно к медицинской помощи и медицинской услуги утверждал, что помощь – категория профессионально-нравственная, представляющая собой профессиональные действия во благо обратившегося за помощью, а услуга – экономико-правовая категория, подчиняющаяся правилам рынка, конъюнктура которого предопределяет ее изменяемость. Отношения оказывающего и получающего помощь остаются вне экономических отношений [20, с. 34].

В. Ю. Панченко, не соглашаясь с данной позицией, утверждает, что отличие помощи от услуги в экономико-правовом смысле заключается в том, что услуги предполагают возмездность, помощь же может оказываться на безвозмездных началах [9, с. 57].

Ученый отмечает, что и оказание помощи, и оказание услуг должно осуществляется профессионально и с соблюдением нравственных норм, а большинство выявленных характерных черт услуг присущи и большинству видов помощи. Речь можно вести о таких чертах услуги, как невидимый характер производимого продукта; неуловимость; неосязаемость или нематериальный характер; неотделимость от источника; неразрывность производства и потребления и др. [9, с. 55–57].

Кроме того, зачастую понятие помощи определяется через понятие услуги. Применительно к юридической помощи и юридической услуге, в частности, Р. Г. Мельниченко утверждает, что под правом на получение юридической помощи следует понимать закрепленное в Конституции РФ в соответствии с международно-правовыми стандартами право каждого на получение услуг юридического характера [21, с. 15], а Е. Г. Тарло предлагает определить право на юридическую помощь как обеспеченное государством субъективное право на получение профессиональных услуг [22, с. 23].

В юридической литературе предлагается выделить следующие существенные признаки, характеризующие понятие «помощь»:

– наличие негативных факторов, влияющих на один или несколько существенных элементов жизнедеятельности человека, группы лиц, общности людей, способных вызвать наступление значимых вредных последствий;

– активная профессиональная деятельность соответствующего специалиста, направленная на распознавание ситуации, определение средств, направленных на предотвращение вредных последствий, и их применение;

– сотрудничество потерпевшего, направленное на сообщение важной для оказания помощи информации;

– наличие определенной формы согласия (соглашения) на оказание помощи;

– физическая, материальная, моральная и иная жертвенность при оказании помощи [1, с. 18].

Признаки помощи личности предлагается определить следующим образом:

– наличие как минимум двух субъектов;

– профессиональный характер и организованность;

– проблемная жизненная ситуация как объект помогающего воздействия;

– назначение помощи как средства удовлетворения интересов в проблемной жизненной ситуации, необходимость помощи для нуждающегося и приоритет его интересов при оказании помощи;

– особая цель и направленность на результат;

– адресность [9, с. 20].

Юридическая помощь личности в полной мере соответствует предлагаемым признакам помощи личности как социального явления.

Исходя из предлагаемых признаков помощи с точки зрения правовой квалификации данного явления предлагается применительно к юридической помощи исключить в первую очередь такой признак, как жертвенность при оказании помощи. Иные признаки в целом соответствуют понятию юридической помощи.

Применительно к юридической услуге к данным признакам дополняется лишь признак возмездности. Опять-таки применительно к медицинским услугам и медицинской помощи в юридической литературе выделено несколько уровней правовой регламентации: конституционный, административно-правовой и гражданско-правовой [23, с. 4].

В науке конституционного права аспект юридической помощи исследован достаточно детально. Статья 2 Конституции РФ презюмирует, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства, и гарантией исполнения данной обязанности служит ст. 48 Конституции РФ, гарантирующая каждому право на получение квалифицированной юридической помощи.

В. К. Ботнев, в свою очередь, представляет концепцию юридической природы и содержания субъективного конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи как многоаспектного права, выступающего:

– в качестве самостоятельного и комплексного конституционного права, не подлежащего ограничению;

– в аспекте обеспечительной конституционной гарантии и способа реализации и защиты других конституционных прав и свобод человека и гражданина;

– в аспекте интегрального производного от конституционного права на информацию, конституционного права на государственную защиту прав и свобод и конституционного права на охрану государством достоинства личности;

– механизмом опосредования отношений и связей между обществом, государством и гражданином, который реализуется в наиболее важных сферах общественной жизни, обеспечивая предоставление определенных благ [2, с. 12].

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» в России действуют государственная и негосударственная системы бесплатной юридической помощи. Участниками государственной системы в соответствии со ст. 15 данного Закона по общему правилу являются: федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения; органы исполнительной власти субъектов РФ и подведомственные им учреждения; органы управления государственных внебюджетных фондов; государственные юридические

бюро. Глава 2 указанного Закона устанавливает полномочия Президента РФ, Правительства РФ, федерального органа исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления РФ в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью.

Как известно, внешние отношения, отношения в связи с реализацией полномочий органов исполнительной власти вовне представляют собой предмет административного права (по признаку направления воздействия). Принимая во внимание виды управленческих отношений по субъектному составу, в первую очередь вертикальные отношения, а также отношения по признаку государственно-территориального устройства, можно с уверенностью говорить о наличии административно-правового уровня правовой регламентации юридической помощи в РФ.

В отношении негосударственной системы бесплатной юридической помощи ст. 22 Закона закрепляет, что она формируется на добровольных началах, а ее участниками выступают юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и др.) и негосударственные центры бесплатной юридической помощи.

Субъектами юридической помощи также являются: коммерческие организации различных организационно-правовых форм, индивидуальные предприниматели (частнопрактикующие юристы); некоммерческие организации, а также адвокаты, нотариусы, патентные поверенные. Причем адвокаты и нотариусы могут выступать участниками как государственной, так и негосударственной системы бесплатной юридической помощи.

Однако такие участники систем оказания юридической помощи, как адвокаты и нотариусы, могут оказывать юридическую помощь как на возмездной, так и на безвозмездной основе, а правовое регулирование оказания возмездной юридической помощи, т.е. возмездного оказания юридических услуг, а также получателей таких услуг как потребителей с точки зрения законодательства о защите прав потребителей, представляет собой гражданско-правовой аспект правовой регламентации юридической помощи.

Конечно, необходимо отметить, что в правовой доктрине проблема определения круга субъектов оказания юридической помощи решается неоднозначно с точки зрения организационно-структурного аспекта [24, с. 239]; в частности, можно увидеть утверждение, что субъектами юридической помощи выступают в том числе издательства юридической литературы, организации, распространяющие юридические базы данных, правовые программы в средствах массовой информации [2, с. 15], суд, прокуратура, уполномоченный по правам человека [1, с. 44], но данный вопрос выходит за рамки настоящего исследования.

Заслуживают внимания также положения ст. 5 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», закрепляющие основные принципы оказания бесплатной юридической помощи:

– обеспечение реализации и защиты прав, свобод и законных интересов граждан;

– социальная справедливость и социальная ориентированность;

– доступность;

– контроль за соблюдением лицами, оказывающими помощь, норм профессиональной этики и требований к качеству помощи;

– установление требований к профессиональной квалификации лиц, оказывающих помощь;

– свобода выбора системы оказания помощи;

– объективность, беспристрастность при оказании помощи;

– равенство доступа к получению помощи;

– обеспечение конфиденциальности при оказании помощи.

Очевидно, что данные принципы оказания характерны для юридической помощи в целом, вне зависимости от ее вида, т.е., возможно, в различной степени, с различными приоритетами, но распространяются как на бесплатную, так и на возмездную юридическую помощь.

Наконец, следует отметить, что юридическая помощь может выполнять регулятивную, охранительную и защитную функции [1, с. 27].

Регулятивная функция выражается в том, что государство создает необходимые условия, направленные на надлежащее регулирование общественных отношений в данной сфере, тем самым гарантируя право граждан на юридическую помощь, и в этом случае целесообразно говорить о конституционно-правовом и административно-правовом аспектах правовой регламентации.

Охранительная функция заключается в том, что субъекты, оказывающие такую помощь, предупреждают о негативных воздействиях на права, свободы и законные интересы обратившегося лица. Эта функция реализуется в рамках всех видов правовой регламентации.

Защитная функция, в свою очередь, заключающаяся в том, что посредством юридической помощи осуществляется надлежащая защита прав, свобод и законных интересов, также реализуется в рамках всех видов правовой регламентации.

Таким образом, по своим функциям юридическая услуга также является более узким понятием в соотношении с понятием юридической помощи.

Еще один вопрос, на который необходимо обратить внимание, – формы оказания юридической помощи. В юридической литературе выделяются сле-

дующие формы: юридическое информирование, юридическое консультирование, составление юридических документов, юридическое представительство [1, с. 13–135]; обучающая юридическая помощь [9, с. 136]; интервьюирование [25, с. 38]. Все указанные формы характерны для юридической помощи вне зависимости от ее возмездности.

Таким образом, исследование уровней правовой регламентации, признаков, функций и форм оказания юридической помощи позволяет присоединиться к выводу, ранее уже высказывавшемуся в юридической литературе, о том, что понятия «помощь» и «услуга» не являются тождественными.

Понятия «юридическая помощь» и «юридическая услуга» соотносятся как общее и частное соответственно, юридическая услуга представляет собой возмездную юридическую помощь, в связи с чем представляется также необоснованным довод о том, что помощь является содержанием услуги [26, с. 39–44].

Пристатейный библиографический список

1. *Кашковский В. С.* Юридическая помощь как правовая категория и социально-правовое явление : вопросы теории и практики : дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

2. *Ботнев В. К.* Квалифицированная юридическая помощь как конституционно-правовая гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина : автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2013.

3. СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

4. СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. 2). Ст. 2158.

5. Единый реестр правовых актов и других документов СНГ : сайт. URL: http://cis.minsk.by (дата обращения: 19.02.2020).

6. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 15-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1984.

7. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000.

8. Викисловарь : сайт. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/помощь (дата обращения: 19.02.2020).

9. *Панченко В. Ю.* Юридическая помощь личности (общетеоретический аспект) : дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.

10. *Агапов Е. П.* Социальная помощь в контексте культуры : автореф. дис. … докт. филос. наук. Ростов н/Д, 2001.

11. Основы социальной работы : учебник / под. ред. П. Д. Павленка. М. : Инфра-М, 2001.

12. *Жалинский А. Э.* Основы профессиональной деятельности юриста. Смоленск : Изд-во Смол. ун-та, 1995.

13. *Качалов В. И., Качалова О. В., Егорова Е. В.* Оказание юридической помощи населению в Российской Федерации. М. : МГИУ, 2007.

14. *Миняйленко Н. Н.* Право на юридическую помощь и механизм его обеспечения в современной России (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2000.

15. *Мухудинова Н. Р.* Обеспечение конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном процессе : автореф. дис. …канд. юрид. наук. Ижевск, 2005.

16. *Ларин Е. Г.* Обеспечение участников уголовного судопроизводства квалифицированной юридической помощью при производстве следственных действий : автореф. дис. …канд. юрид. наук. Омск, 2008.

17. *Кучерена А. Г.* Адвокатура. М. : Юристъ, 2004.

18. *Любовенко Е. С.* Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи и механизм его гарантирования : российский и зарубежный опыт : дис. … канд. юрид. наук. М., 2008.

19. *Таланов Д. В.* Правовая помощь как объект общетеоретического анализа : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.

20. *Тихомиров А. В.* Организационные начала публичного регулирования рынка медицинских услуг. М. : Статут, 2001.

21. *Мельниченко Р. Г.* Конституционное право на юридическую помощь : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.

22. *Тарло Е. Г.* Роль адвокатуры в системе обеспечения конституционного права на юридическую помощь : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001.

23. *Первова Л. Т.* Гражданско-правовые проблемы регулирования медицинского обслуживания граждан в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.

24. Юридическая помощь (вопросы общей теории) : монография. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2011.

25. Оказание юридической помощи населению : учебное пособие. М. : РПА Минюста России, 2013.

26. *Пономарев Н. С.* К вопросу о соотношении понятий «медицинская помощь» и «медицинские услуги», их юридическое значение для защиты прав и законных интересов граждан // Медицинское право. 2019. № 3.

References

1. *Kashkovskii V. S.* Legal Aid as a Legal Category and Socio-Legal Phenomenon: Issues of Theory and Practice: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Tambov, 2009.

2. *Botnev V. K.* Qualified Legal Assistance as a Constitutional and Legal Guarantee of Protection of Human and Civil Rights and Freedoms: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2013.

3. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 48. Art. 6725.

4. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 18 (part 2). Art. 2158.

5. Unified Register of Legal Acts and Other Documents of the CIS. URL: http://cis.minsk.by (date of the application: 19.02.2020).

6. *Ozhegov S. I.; Shvedova N. Iu. (ed.).* Dictionary of the Russian Language. 15th ed. Moscow: Russkii iazyk, 1984.

7. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg: Norint, 2000.

8. Wiktionary. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/помощь (date of the application: 19.02.2020).

9. *Panchenko V. Iu.* Legal Assistance to the Individual (General Theoretical Aspect): Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Krasnoyarsk, 2004.

10. *Agapov E. P.* Social Assistance in the Context of Culture: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Rostov-on-Don, 2001.

11. *Pavlenko P. D. (ed.).* Fundamentals of Social Work: Textbook. Moscow: Infra-M, 2001.

12. *Zhalinskii A. E.* Fundamentals of Professional Activity of a Lawyer. Smolensk: Publishing House of Smolensk University, 1995.

13. *Kachalov V. I., Kachalova O. V., Egorova E. V.* Rendering Legal Assistance to the Population in the Russian Federation. Moscow, 2007.

14. *Miniailenko N. N.* The Right to Legal Aid and the Mechanism of its Provision in Modern Russia (Theoretical and Legal Aspect): Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2000.

15. *Mukhudinova N. R.* Ensuring the Constitutional Right of Everyone to Receive Qualified Legal Assistance in Russian Criminal Proceedings: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Izhevsk, 2005.

16. *Larin E. G.* Providing Participants in Criminal Proceedings with Qualified Legal Assistance in the Production of Investigative Actions: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Omsk, 2008.

17. *Kucherena A. G.* Bar. Moscow: Iurist, 2004.

18. *Lyubovenko E. S.* The Constitutional Right to Receive Qualified Legal Assistance and the Mechanism for Guaranteeing It: Russian and Foreign Experience: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2008.

19. *Talanov D. V.* Legal Aid as an Object of General Theoretical Analysis: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Nizhny Novgorod, 2011.

20. *Tikhomirov A. V.* Organizational Principles of Public Regulation of the Medical Services Market. Moscow: Statut, 2001.

21. *Melnichenko R. G.* Constitutional Right to Legal Aid: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Volgograd, 2001.

22. *Tarlo E. G.* The Role of the Bar in the System of Ensuring the Constitutional Right to Legal Aid: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2001.

23. *Pervova L. T.* Civil-Legal Problems of Regulation of Medical Care of Citizens in the Russian Federation: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2006.

24. Legal Aid (General Theory Issues): Monograph. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 2011.

25. Rendering Legal Aid to the Population: Textbook. Moscow: RLA of the Ministry of Justice of Russia, 2013.

26. *Ponomarev N. S.* On the Relationship Between the Concepts of "Medical Care" and "Medical Services", Their Legal Significance for the Protection of the Rights and Legitimate Interests of Citizens. *Medical Law*. 2019. No. 3.

О НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

ЧУМАКОВА Ольга Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Chumakova-ov@yandex.ru

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-91-96

Тема проведенного исследования весьма актуальна. В нашей стране наблюдаются огромное число граждан с низким уровнем доходов и высокий уровень правового нигилизма. Государственная политика, направленная на повышение уровня правосознания граждан, пока не дала своих результатов. Государство в лице Министерства юстиции РФ, являющегося уполномоченным органом исполнительной власти, предпринимает усилия по развитию государственной системы бесплатной юридической помощи. Однако, как показывает практика, действующая в настоящее время государственная система не позволяет гражданам РФ получать бесплатную юридическую помощь в объемах и качестве, предусмотренных действующим законодательством. Предметом исследования выступают нормы Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» и законодательства субъектов РФ о бесплатной юридической помощи. Целью работы является формулирование новых подходов к систематизации участников государственной системы оказания бесплатной юридической помощи, роли этих участников в оказании бесплатной юридической помощи гражданам и их правовом просвещении, а также повышению уровня правосознания населения. Методологическую основу работы составил сравнительно-правовой метод исследования. К результатам относится выделение новых подходов для включения субъектов, оказывающих бесплатную помощь населению, в государственную систему оказания бесплатной юридической помощи. Автор предлагает принципиально новый подход к формированию государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи. Результаты исследования могут использоваться для совершенствования федерального и регионального законодательства, регулирующего оказание бесплатной юридической помощи.

Бесплатная юридическая помощь; Закон о бесплатной юридической помощи; защита прав и законных интересов граждан при оказании бесплатной юридической помощи; государственная система бесплатной юридической помощи; негосударственная система бесплатной юридической помощи; бюджетное финансирование; адвокаты; государственное юридическое бюро; нотариусы

Olga V. CHUMAKOVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, All-Russian State University of Justice (Moscow)

Chumakova-ov@yandex.ru

ON THE NEED FOR REFORMING THE STATE SYSTEM OF FREE LEGAL ASSISTANCE

The topic of the research is very relevant. Our country has a huge number of low-income citizens and a high level of legal nihilism. The state policy aimed at raising the level of legal awareness of citizens has not yet produced results. The state, represented by the Ministry of justice of the Russian Federation, which is an authorized executive body, is making efforts to develop the state system of free legal aid. However, as practice shows, the current state system does not allow citizens of the Russian Federation to receive free legal assistance in the amount and quality provided for by current legislation. The subject of the research is the norms of the Federal Law of 21 November 2011 No. 324-FZ "On Free Legal Aid in the Russian Federation" and the legislation of the subjects of the Russian Federation on free legal aid. The aim of this work is the formulation of new approaches to systematization of the participants of the state system of free legal aid, the role of these

Free legal assistance; Free Legal Aid Act; protection of the rights and legitimate interests of citizens in the provision of free legal aid; state system of free legal aid; non-state system of free legal aid;

budget financing; lawyers; state legal office; notaries

actors in providing free legal assistance to citizens and their legal education and improve the legal awareness of the population. The methodological basis of the work is the comparative legal method of research. The new results obtained include the identification of new approaches for including entities that provide free assistance to the population in the state system of providing free legal assistance. The author offers a fundamentally new approach to the formation of state and non-state systems of free legal aid. The research results can be used to improve Federal and regional legislation regulating the provision of free legal aid.

Статья 48 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину возможность получить квалифицированную юридическую помощь. Часть граждан нашей страны, относящаяся к социально незащищенным слоям населения, могут ее получать на безвозмездной основе.

Представляется логичным, что бесплатная юридическая помощь представлена в нашей стране как государственной, так и негосударственной системой. Мы считаем, что оказание бесплатной юридической помощи исключительно на государственной основе было бы не слишком продуктивным. Привлечение различных социально ориентированных некоммерческих организаций к оказанию бесплатной юридической помощи делает ее более достижимой для конкретных потребителей и является обоснованным. Подобное видение организации правозащитной деятельности, как справедливо отмечает А. А. Кирилловых, присутствует в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее – Закон о бесплатной юридической помощи), где наряду с государственной системой в рамках решения задач правовой помощи представлена и негосударственная система в виде юридических клиник и негосударственных центров правовой помощи [1, с. 2–10].

В любой системе наличествуют определенные объекты, осуществляющие взаимодействие между собой для достижения конкретной цели. По мнению А. С. Остапенко, Е. В. Артемьева, Е. А. Бевзюк, система бесплатной юридической помощи представляет собой совокупность взаимодействующих между собой в целях предоставления бесплатной юридической помощи элементов [2].

Элементами системы бесплатной юридической помощи являются ее участники, т.е. те лица, которые принимают непосредственное участие в процессе оказания помощи такого рода. Субъектами, оказывающими бесплатную юридическую помощь, являются государственные органы и организации, в силу прямого указания ст. 15–19 гл. 3 Закона о бесплатной юридической помощи, и субъекты, наделенные правом участвовать в государственной системе оказания бесплатной юридической помощи в определенном порядке. Эти субъекты подразделяются на две подгруппы: юридические лица, включенные только в государственную систему бесплатной юридической помощи, и юридические лица, наделяемые правом участия в государственной системе бесплатной юридической помощи.

Законом о бесплатной юридической помощи определен состав основных участников государственной системы бесплатной юридической помощи.

В настоящее время в государственную систему входят: федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения; органы исполнительной власти субъектов РФ и подведомственные им учреждения; органы управления государственных внебюджетных фондов; государственные юридические бюро, а также адвокаты и нотариусы, которые могут наделяться правом участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи [3]. В Законе о бесплатной юридической помощи не раскрывается понятие бесплатной юридической помощи, оказываемой государственными внебюджетными фондами. Исходя из текста Закона представляется, что речь идет о трех фондах: пенсионном, социального страхования и медицинского страхования, сотрудники которых и до принятия Закона о бесплатной юридической помощи давали консультации клиентам в пределах вопросов своего ведения на безвозмездной основе. Очевидно, что Закон этой нормой всего лишь формализовал эти отношения, не увеличив объем оказываемой помощи. Подобная ситуация наблюдается и в нотариате. По мнению большинства авторов, «в данном случае участие нотариуса в государственной системе бесплатной юридической помощи определяется как его обязанность по разъяснению (как правило, это устные консультации клиентов) порядка и последствий совершения конкретных юридических (нотариальных) действий, за которым обратился клиент в нотариальную контору» [4]. Никаких новых обязанностей Законом о бесплатной юридической помощи нотариусам добавлено не было. Фактически в Законе о бесплатной юридической помощи обязанности нотариусов еще раз законодательно закреплены, добавилось только указание на то, что нотариат может

войти в государственную систему оказания бесплатной юридической помощи. В ст. 19 упомянутого Закона, которой нотариусы были включены в государственную систему оказания бесплатной юридической помощи, говорится, что бесплатную юридическую помощь нотариусы оказывают гражданам, обратившимся за совершением нотариальных действий и по вопросам совершения этих действий.

Включение нотариусов в государственную систему оказания бесплатной юридической помощи, предусмотренное Законом о бесплатной юридической помощи, нецелесообразно, поскольку юридическая помощь, оказываемая нотариусами, согласно ст. 19 этого Закона, осуществляется лишь путем консультирования по вопросам совершения нотариальных действий и не выходит за рамки их полномочий, установленных законодательством о нотариате.

Г. С. Шереметова в своем исследовании отмечает, что к одной системе оказания бесплатной юридической помощи относятся государственные юридические бюро, адвокатура, нотариат, центры бесплатной юридической помощи, т.е. те субъекты, для которых оказание юридической помощи является основным видом деятельности, а к другой группе субъектов относятся федеральные и региональные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения, органы управления государственных внебюджетных фондов и юридические клиники, обосновывая это тем, что основные функции этих субъектов совмещены с оказанием бесплатной юридической помощи [5, с. 80–92].

Сами по себе органы публичной власти, по сути, бесплатную юридическую помощь гражданам в основе своей не оказывают. Их задача в данной сфере правоотношений – организовать получение гражданами такой помощи, указав всех возможных провайдеров ее оказания. При этом, по данным Министерства юстиции РФ, более 32 млн граждан могут претендовать на получение юридической помощи от государства на безвозмездной основе [6].

По результатам исследования деятельности уполномоченного органа в РФ (Министерства юстиции РФ), территориальных органов Минюста России, уполномоченных органов в субъектах РФ автор пришел к выводу о необходимости улучшения функционирования обеих систем оказания бесплатной юридической помощи. Справедливым будет отметить, что и органы, ответственные за функционирование систем, отмечают проблемы в правоприменительной практике, что подтверждается мониторингом, проводимым территориальными органами Минюста России [7].

Эффективное взаимодействие органов исполнительной власти по вопросам оказания гражданам бесплатной юридической помощи, всестороннее обеспечение работы других участников государственной и негосударственной систем оказания гражданам такой помощи могут быть осуществлены лишь в условиях продуктивной координации соответствующей деятельности. Это во многом позволит должным образом организовать необходимые информационные каналы прямой и обратной связи в единой системе оказания гражданам бесплатной юридической помощи, устранить значительное число свойственных ей недостатков. Правительственная комиссия по вопросам реализации Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (2013–2015 гг.) не в полной мере решала подобные задачи по причине как недостаточного уровня ее руководства, так и невключения в состав Комиссии ряда заинтересованных участников государственной и негосударственной систем оказания бесплатной юридической помощи, установления обязательности выполнения решений Комиссии лишь для представленных в ней органов исполнительной власти. Следует воссоздать эту Комиссию под руководством заместителя Председателя Правительства РФ, включив дополнительно в ее состав не только представителей необходимых федеральных органов исполнительной власти, но и других участников систем оказания бесплатной юридической помощи гражданам – органы исполнительной власти субъектов РФ, органы управления государственных внебюджетных фондов, государственные юридические бюро, негосударственные центры бесплатной юридической помощи, ректорский корпус вузов, имеющих юридические клиники, распространив на всех обязательность выполнения решений Комиссии.

Координацию работы государственной и негосударственной систем оказания гражданам бесплатной юридической помощи следует осуществлять в каждом субъекте РФ под председательством одного из заместителей руководителя его высшего исполнительного органа в форме, установленной самим субъектом. В соответствующую деятельность должны быть включены в обязательном порядке руководитель уполномоченного в субъекте РФ органа в области оказания бесплатной юридической помощи, представители других заинтересованных органов исполнительной власти субъекта РФ, иные участники систем оказания бесплатной юридической помощи гражданам, а также должностное лицо территориального органа Минюста России в этом субъекте РФ.

Основной задачей федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ в системе оказания гражданам бесплатной юридической помощи является всестороннее и полное обеспечение деятельности других субъектов этой системы. Однако имеющее место нарушение системных принципов организации каналов прямой и обратной связи обусловливает, что на практике Пра-

вительство РФ, осуществляя полномочия, определенные ст. 10 Закона о бесплатной юридической помощи, взаимодействует в основном лишь с Министерством юстиции РФ как федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области оказания бесплатной юридической помощи. Минюст России, как правило, не в состоянии помимо своих собственных функций исполнять функции, свойственные другим федеральным органам исполнительной власти, но их осуществление крайне важно для организации оптимальной работы участников системы бесплатной юридической помощи. Это главная причина отсутствия всестороннего и полного обеспечения деятельности по оказанию гражданам такой помощи, предоставления многими участниками соответствующих государственной и негосударственной подсистем услуг, не имеющих надлежащего качества.

С учетом того, что федеральные органы и организации не оказывают гражданам бесплатную юридическую помощь самостоятельно, это делает невозможным непосредственное финансирование их деятельности из федерального бюджета. Поэтому в федеральном бюджете можно заложить только общую приблизительную цифру расходов, необходимых на оказание всей юридической помощи, как возмещаемой из бюджета на назначаемых адвокатов в уголовном процессе и иные нужды, так и бесплатной, для того, чтобы определить приблизительный объем государственных гарантий данного вида помощи.

В бюджете субъекта федерации фиксируются денежные средства, предназначенные для возмещения расходов органов и организаций, оказывающих бесплатную юридическую помощь. Формироваться доходная часть бюджета субъекта может из собственных доходов или субсидий из федерального бюджета.

С учетом сложной экономической ситуации в нашей стране, следует отдавать себе отчет в том, что количество граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, в ближайшие годы не будет уменьшаться, а скорее увеличится. Правительству РФ нужно держать открытым перечень своих полномочий в данной сфере общественных отношений. Это позволит ему оперативно, без изменения и дополнения Закона о бесплатной юридической помощи, реагировать и учитывать все происходящие в этой сфере изменения.

Выявленные проблемы, связанные как с излишней отчетностью, так и с оплатой труда, компенсацией расходов адвокатов, являющихся участниками государственной системы бесплатной юридической помощи, при оказании такой помощи приводят к тому, что члены адвокатского сообщества отказываются участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи. Необходимо сократить количество документов в отчетности адвокатов о проделанной работе по оказанию бесплатной юридической помощи и исключить из отчетов показатели, которые не влияют на оценку оказанной бесплатной юридической помощи. Это позволит адвокатам и адвокатским палатам субъектов РФ оптимизировать порядок представления отчетности об оказании бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы, а Минюсту России – более эффективно обеспечивать мониторинг деятельности по оказанию гражданам бесплатной юридической помощи.

Для улучшения взаимодействия и функционирования государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи следует отказаться от четкого закрепления между ними участников оказания такой помощи, предусмотренного Законом о бесплатной юридической помощи. К государственной системе надо относить всех участников оказания юридической помощи гражданам, деятельность которых будет оплачиваться за счет бюджетных средств. Помимо органов исполнительной власти, органов управления государственных внебюджетных фондов и государственных юридических бюро в государственную систему по их желанию в установленном законодательством порядке смогут быть включены не только адвокаты, но и юридические клиники вузов, социально ориентированные НКО, руководители консультационных групп которых подтвердили свою квалификацию. При этом на многофункциональные центры (МФЦ) целесообразно возложить обязанность по выдаче сертификатов на оплату вторичной бесплатной юридической помощи, которые дадут гражданам возможность обращаться к тем участникам государственной системы, которых они сами выберут. Сертификат должен являться основанием для получения денежных средств участниками системы, оказавшими юридическую помощь.

Для улучшения взаимодействия и функционирования государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи следует перераспределить участников этих систем в зависимости от того планируется ли для оплаты их деятельности по оказанию бесплатной юридической помощи использование бюджетных средств. Граждане должны иметь возможность выбора провайдера бесплатной юридической помощи. Деятельность, направленная на повышение юридической грамотности населения, поможет снизить количество ошибок, совершаемых при заключении различных договоров, довести до сведения участников гражданско-правовых отношений новеллы законодательства, в чем заинтересовано как государство, так и частный бизнес [8, с. 40–44].

Государственную систему бесплатной юридической помощи предлагается представить:

1) государственными юридическими бюро, действующими на базе многофункциональных центров

(МФЦ) и оказывающими первичную правовую помощь, дающими правовые консультации (устные и письменные) и правовые заключения. Кроме того, на них следует возложить обязанность по выдаче направлений на вторичную правовую помощь к адвокатам, юридические клиники или СО НКО, входящих в государственную систему (сами государственные юридические бюро смогут оказывать вторичную правовую помощь, не связанную с представительством в судах или иным представительством);

2) адвокатами, вошедшими в государственную систему. Адвокаты могут оказывать первичную и вторичную юридическую помощь, правовые консультации (устные и письменные), правовые заключения и представительство в суде;

3) федеральными органами исполнительной власти и подведомственными им учреждениями (ответы на обращения граждан и правовое регулирование на федеральном уровне);

4) органами исполнительной власти субъектов РФ и подведомственными им учреждениями (ответы на обращения граждан и правовое регулирование на региональном уровне);

5) органами управления государственных внебюджетных фондов (ответы на обращения граждан);

6) юридическими клиниками вузов, вошедшими в государственную систему юридической помощи и подтвердившими квалификацию руководителей консультационных групп. Ими могут оказываться первичная и вторичная юридическая помощь, правовые консультации (устные и письменные), правовые заключения и представительство в суде;

7) социально ориентированными НКО, вошедшими в государственную систему юридической помощи и подтвердившими квалификацию консультантов. Ими могут оказываться первичная и вторичная юридическая помощь, правовые консультации (устные и письменные), правовые заключения и представительство в суде.

В негосударственную систему бесплатной юридической помощи предлагается включить: юридические клиники вузов и негосударственные центры бесплатной юридической помощи, не изъявившие желание войти в государственную систему бесплатной юридической помощи или не сумевшие подтвердить квалификацию руководителей консультативных групп.

Пристатейный библиографический список

1. *Кирилловых А. А.* Участники системы бесплатной юридической помощи : правовые аспекты организации деятельности // Право и экономика. 2012. № 7.

2. *Остапенко А. С., Артемьев Е. В., Бевзюк Е. А.* Комментарий к Федеральному закону от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федераций» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21.11.2011 года № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Ю. А. Дмитриева // СПС «КонсультантПлюс».

5. *Шереметова Г. С.* Право на бесплатную юридическую помощь в гражданском процессе. М. : Статут, 2015.

6. Мониторинг в сфере оказания бесплатной юридической помощи за 2018 год // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: https://minjust.ru/besplatnaya-yuridicheskaya-pomoshch/monitoring-v-sfere-okazaniya-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoshc-10 (дата обращения: 29.05.2020).

7. Мониторинг в сфере оказания бесплатной юридической помощи за 1 полугодие 2019 года // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: https://minjust.ru/besplatnaya-yuridicheskaya-pomoshch/monitoring-v-sfere-okazaniya-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoshc-11 (дата обращения: 29.05.2020).

8. *Восканян Р. О.* Финансирование государственных инновационных программ из внебюджетных источников // Научные исследования и разработки. Экономика. 2017. Т. 5. № 4.

References

1. *Kirillov A. A.* Participants of the System of Free Legal Aid: Legal Aspects of the Organization of Activities. *Law and Economics*. 2012. No. 7.

2. *Ostapenko A. S., Artemiev E. V., Bevziuk E. A.* Commentary on the Federal Law of 21 November 2011 No. 324-FZ "On Free Legal Aid in the Russian Federation" (Itemized) (SPS "ConsultantPlus").

3. Federal Law of 21 November 2011 No. 324-FZ (as amended on 26 July 2019) "On Free Legal Aid in the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").

4. *Dmitriev Iu. A. (ed.).* Scientific and Practical Commentary to the Federal Law of 21 November 2011 No. 324-FZ "On Free Legal Aid in the Russian Federation" (Itemized) (SPS "ConsultantPlus").

5. *Sheremetova G. S.* The Right to Free Legal Aid in Civil Proceedings. Moscow: Statut, 2015.

6. Monitoring in the Field of Free Legal Aid for 2018. URL: https://minjust.ru/besplatnaya-yuridicheskaya-pomoshch/monitoring-v-sfere-okazaniya-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoshc-10 (date of the application: 29.05.2020).

7. Monitoring of the Provision of Free Legal Aid for the First Half of 2019 of the Ministry of Justice of Russia. URL: https://minjust.ru/besplatnaya-yuridicheskaya-pomoshch/monitoring-v-sfere-okazaniya-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoshc-11 (date of the application: 29.05.2020).

8. *Voskanian R. O.* Financing of State Innovation Programs from Extra-Budgetary Sources. *Research and Development. Economy*. 2017. Vol. 5. No. 4.

КОНКУРС НАУЧНЫХ ВИДЕОФИЛЬМОВ И ПРЕЗЕНТАЦИЙ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ: ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-97-101

В статье авторами рассматриваются проблемы поиска и выбора современных эффективных средств активизации познавательной деятельности студентов вузов. В качестве предмета исследования анализируется такая форма внеурочной деятельности, как конкурсы научных видеофильмов и презентаций. Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью достижения качественно нового уровня образования современных студентов-юристов, что требует системного увеличения эффективности использования информационных технологий как преподавателями, так и обучающимися. Проведение конкурсов научных видеофильмов и презентаций по правовой проблематике, на взгляд авторов, представляется одним из инновационных педагогических средств, которое может способствовать решению этой задачи. Методологическую основу работы составили аналитический, сравнительный методы, а также метод педагогического проектирования. Целью настоящей статьи является обоснование педагогических условий самореализации обучающихся при участии в научных конкурсах видеофильмов и презентаций. Новизна работы обусловливается выявлением многофункциональной целевой функции таких научных конкурсов для активизации познавательной деятельности и самореализации обучающихся в условиях современного образовательного процесса. В результате исследования выявлено, что создание самостоятельного обучающего видеоконтента и авторских презентаций студентами позволяет одновременно решать несколько педагогических задач: усилить обучающий эффект, сформировать устойчивую мотивацию, расширить общий и профессиональный кругозор, активизировать самостоятельную учебную и познавательную деятельность. Организация научных конкурсов видеофильмов и презентаций также позволяет сформировать индивидуальную образовательную траекторию каждого студента, способствует развитию у него готовности к творческой деятельности, развитию творческой культуры личности, в том числе и профессиональных компетенций. В итоге авторами делается вывод, что применение таких новых образовательных технологий в целом оказывает положительное воздействие на развитие интеллектуальных способностей студентов, побуждает к сотрудничеству и открытому, партнерскому общению в образовательном процессе.

ДИМИТРОВА
Елена Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент, заведующая кафедрой
государственно-правовых
дисциплин Сочинского филиала
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Сочи)

dimitr-elena@yandex.ru

ЛАДАУСКАС
Сергей Викторович

кандидат философских наук,
научный сотрудник отдела научных
исследований Сочинского филиала
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Сочи)

kol_ins@rambler.ru

**Научный конкурс;
видеофильм;
презентация;
педагогические новации;
подготовка юристов**

COMPETITION OF SCIENTIFIC VIDEOS AND PRESENTATIONS AS A MEANS OF ACTIVATING THE COGNITIVE ACTIVITY OF UNIVERSITY STUDENTS: EXPERIENCE OF CARRYING OUT

Elena A. DIMITROVA
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Head of the
Department of State and Legal
Disciplines, Sochi Branch
of All-Russian State University
of Justice (Sochi)

dimitr-elena@yandex.ru

Sergey V. LADAUSKAS
Candidate of Philosophical Sciences, Researcher, Department of Scientific Research, Sochi Branch of All-Russian State University of Justice (Sochi)
kol_ins@rambler.ru

Scientific competition; video; presentation; pedagogical innovations; training of lawyers

In the article, the authors consider the problems of searching and choosing modern effective means of enhancing the cognitive activity of university students. As a subject of research, such a form of extracurricular activities as contests of scientific videos and presentations is analyzed. The relevance of this work is due to the need to achieve a qualitatively new level of education for modern law students, which requires a systematic increase in the efficiency of using information technologies, both by teachers and students. The competition of scientific videos and presentations on legal issues, in the opinion of the authors, seems to be one of the innovative pedagogical tools that can help solve this problem. The methodological basis of the work was composed of analytical, comparative methods, as well as the method of pedagogical design. The purpose of this article is to justify the pedagogical conditions for the self-realization of students with the participation in films and presentations in scientific competitions. The novelty of the work is determined by the identification of the multifunctional objective function of such scientific competitions for the activation of cognitive activity and self-realization of students in the modern educational process. As a result of the study, it was revealed that the creation of independent educational video content and copyright presentations by students allows us to simultaneously solve several pedagogical problems: to strengthen the educational effect, form a sustainable motivation, expand the general and professional horizons, and activate independent educational and cognitive activities. The organization of scientific competitions of videos and presentations also allows you to create an individual educational trajectory for each student, contributes to the development of his readiness for creative activity, the development of a creative personality culture, including professional competencies. As a result, the authors conclude that the use of such new educational technologies as a whole has a positive impact on the development of students' intellectual abilities, encourages cooperation and open, partnership communication in the educational process.

В условиях ускоряющейся информатизации всех сфер жизни общества постоянно возрастают требования к дальнейшей модернизации основных подходов к организации образовательной деятельности, расширению и поиску принципиально новых обучающих стратегий и технологий. С каждым годом все более широкое внедрение получают электронное обучение, дистанционное образование, расширяется применение в процессе обучения информационно-телекоммуникационных технологий с использованием разнообразных аудиовизуальных средств. При этом качественно видоизменяется и усложняется роль преподавателя в образовательном процессе, например, в части создания оптимальных условий для актуализации в учебном процессе самостоятельной познавательной и поисковой деятельности обучающегося. Кроме выполнения своих базовых педагогических функций преподаватель должен теперь выступать и в качестве мотиватора, организатора, координатора познавательной деятельности обучаемых.

Новые задачи вузовского образования состоят в том, чтобы стимулировать студента к самостоятельному получению знаний, формировать у него способности к анализу полученных знаний, применяя их с пользой для своего профессионального становления. Это можно обосновывать в том числе тем, что федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по направлению подготовки «Юриспруденция» содержат общекультурные компетенции, направленные на подготовку будущих профессиональных юристов, одной из которых является «способность к самоорганизации и самообразованию» [1].

Положительные результаты любой деятельности во многом определяет наличие мотива достижений – стремления добиться успехов и улучшить свои успехи в ней. Проблема мотивации обучения остро стоит с момента формирования педагогики как науки [2]. Для студентов высших учебных заведений, изучающих юридические дисциплины, вопрос мотивации не менее важен, чем у иных категорий обучающихся. Пассивность студентов в процессе обучения, безусловно, не может дать хороших результатов в успеваемости. Именно поэтому в настоящее время перед вузами и отдельно взятыми преподавателями стоит проблема активизации всей учебно-воспитательной деятельности с целью подготовки высококвалифицированных специалистов [3].

Значительная развитость современной молодежи и требовательность к форме подачи информации возлагают на преподавателей дополнительные обязанности по использованию соответствующих форм обучения. К таковым, безусловно, относятся интерактивные формы проведения занятий, которые могут существенным образом повысить мотивацию на посещение и продуктивную работу, что, в свою очередь, способствует успешному формированию знаний, умений и навыков [4, с. 16]. При их использовании решаются две педагогические задачи: активизация учащихся и интенсификация их познавательной деятельности, т.е. усвоение большего объема содержания за наименьшее время. От традиционного объяснительно-иллюстративного метода активные методы обучения отличаются следующими характеристиками: обучение происходит в условиях, имитирующих профессиональную деятельность; направлено на решение проблемных ситуаций; в обучении реализуются возможности совместного группового усвоения знаний, умений и навыков в коллективной деятельности; максимально активизируется мыслительная деятельность студентов, которая становится сопоставимой с активностью педагога.

Вместе с тем повышению мотивации может и должна способствовать и внеурочная деятельность. К весьма эффективной форме внеурочной деятельности студентов вузов относится проведение творческих и научных конкурсов по изучаемым дисциплинам. При этом наибольшая эффективность, по мнению авторов, может быть достигнута при объединении творчества и науки. Именно при их единстве в значительной степени проявляются основные стратегические линии развития личностной активности обучающихся (физический, социальный и познавательный виды активности) [5]. Как отмечает С. Л. Емельянцев, конкурсы – это форма организации педагогического процесса, стимулирующая активность личности и способствующая актуализации творческих возможностей и познавательной деятельности учащихся, реализации их способностей и интересов [6].

В числе подобных форм – конкурс научных видеофильмов и презентаций «Государственно-правовой креатив», который был проведен Сочинским филиалом Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста) по государственно-правовым дисциплинам в октябре 2019 – марте 2020 гг.

Конкурс проводился в целях:

– повышения уровня правового сознания обучающихся;

– углубления знаний и закрепления умений и навыков, полученных при изучении государственно-правовых дисциплин;

– повышения мотивации к занятиям научно-исследовательской и учебной деятельностью;

– выявления обучающихся, способных к выполнению неординарных задач и обладающих способностями к исследовательской деятельности;

– развития творческих способностей и аналитических навыков обучающихся.

Идея конкурса заключалась в том, что студентам по дисциплинам государственно-правового профиля были предложены направления, по которым они могли креативно подготовить видеоролики и (или) презентации. Такая разработка авторских материалов, наряду с исследовательским поиском, позволяет, на взгляд организаторов: использовать перспективные возможности различных информационных технологий и аудиовизуальных средств, важные для современного образовательного процесса; усилить посредством разнообразия процесса передачи информации динамику восприятия научного материала, что связано с концентрацией внимания, интереса к изучаемому предмету; задействовать использование интерактивной графики, анимации, видеофрагментов, аудио-эффектов, голосового сопровождения; усилить эмоциональное восприятие информация; визуализировать явления и процессы, которые невозможно продемонстрировать иным способом; представить полученные результаты самостоятельного научного исследования альтернативными средствами и т.д.

Обязательным условием конкурса было использование в работах элементов построения научной работы: содержание должно отражать и по новому раскрывать особенности правовых знаний (рассказ об ученом, раскрытие и обоснование юридических теорий, рассмотрение проблем применения закона, типичных ошибок и заблуждений правоприменения и т.д.).

Определенным новшеством, по сравнению с рядом подобных конкурсов, стало абсолютное отсутствие ограничения студентов в теме подготавливаемых работ. Им были заданы лишь направления, которыми явились учебные дисциплины (конституционное, административное, финансовое право и др.). Это было обусловлено тем, что студентам для определения темы работы пришлось заняться поисковой деятельностью – с помощью научного руководителя проанализировать изученный материал, решить, какие направления для них наиболее интересны, изучить дополнительную литературу, определиться с направлением исследования, и только потом с конкретной темой. Подобного рода деятельность всегда связана с самостоятельным определением способов решения проблемы, преодолением трудностей, «тупиков», внесением правок в ранее принятые решения и др. [5]. Таким образом, уже на этапе выбора темы обучающиеся значительным образом активизируют свою познавательную деятельность, расширяя знания.

На проводимый Сочинским филиалом ВГУЮ (РПА Минюста России) конкурс в 2020 г. поступило 27 работ (из которых восемь – видеофильмы, 19 – презентации) из 10 вузов России.

Оценка работ проводилась по следующим критериям:

1) соответствие представленной в конкурсных работах информации действующему законодательству;

2) логичность (четкость структуры), целостность (завершенность), полнота раскрытия темы (вопроса);

3) креативность (оригинальность);

4) качество выполнения, сложность (трудоемкость).

При этом среди наиболее распространенных недостатков работ следует обозначить:

– использование устаревшего законодательства;

– отсутствие научности в изложении материала;

– нарушение последовательности изложения информации;

– некорректные (юридически неверные) формулировки;

– загромождение текстом (в презентациях).

Анализ работы студентов Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России) показал, что при подготовке презентаций, а особенно видеофильмов, они достаточно глубоко изучили материал. Причем разработка материала шло по нескольким направлениям, поскольку выбор темы работы не всегда изначально был осмыслен. Это позволило студентам углубить знания не только по теме представленной на конкурс работы, но и по ряду других, от которых им пришлось отказаться.

Стоит отметить, что в процессе подготовки работ обучающиеся допускали значительное число ошибок. Эти недочеты были обусловлены недостаточно глубокой проработкой темы, заблуждениями относительно отдельных юридических фактов и терминов, использованием устаревшего законодательства и т.д. В данном случае очень важными являются грамотное научное руководство и текущее рецензирование подготовленного материала. При этом для преподавателя не должно быть на первом месте простое исправление ошибок. Наиболее эффективным является обозначение эпизода (слайда), в котором допущена ошибка и направление обучающихся к материалу, на основе которого они могут обнаружить и исправить допущенные недочеты.

Безусловно, подобного рода ошибки являются следствием неопытности в подготовке работ. Их наличие при правильном отношении научных руководителей с течением времени и в процессе увеличения фактов подготовки может быть сведено к минимуму. Гораздо белее существенным является наличие значительного количества положительных моментов, которые в полной мере присутствуют в работах.

Обучающиеся весьма творчески подошли к выбору тем и формата представления конкурсных проектов. Все представленные работы являлись яркими, наполненными содержанием, отражающими глубокое осмысление студентами рассматриваемой темы. Поскольку со стороны организаторов не было ограничения тем в государственно-правовой тематике, конкурс получился очень разносторонним. Студенты не только выбирали актуальные темы и традиционную проблематику, связанную с государственно-правовой специализацией подготовки будущих юристов, – многие конкурсанты привлекали информационные материалы, которые в рамках университетских курсов зачастую не используются преподавателями. Например, представлялись видеопроекты, моделирующие ситуации различных правонарушений, и зрителям было необходимо найти ошибки в служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов при их фиксации.

Дополнительными факторами для организаторов научного конкурса являлось то, что материалы, созданные студентами в рамках подобных творческих мероприятий, могут быть в последующем использованы для сопровождения учебного процесса, для организации самостоятельной работы, для построения индивидуальной траектории профессионального роста будущих специалистов.

Создание студентами самостоятельных видео и презентаций, посвященных правовой проблематике, может быть хорошей альтернативой преподавательским хроникальным видео, широко используемым в настоящее время при подготовке будущих юристов в российских юридических вузах, когда запись видео идет в учебной аудитории во время постановочных и обычных лекций. Такие учебные видеосюжеты и презентации могут способствовать более эффективному запоминанию изучаемой информации, увеличивая вероятность воспроизведения данного содержания в будущем.

Еще одним весьма действенным, мотивирующим фактором для привлечения студентов к созданию авторского видео и мультимедийного контента по правовой проблематике является возможность его дальнейшего использования: в собственных личных блогах (посвященных предполагаемым областям будущей юридической практики); постах в социальных сетях; профилях на различных юридических сайтах; размещении на открытых форумах юридических консультаций; загрузке роликов на *YouTube*, *Instagram*; подкастинги; сторителлинг и т.д.

По сути, системная самостоятельная проектная работа в этом ключе может стать для любого студента серьезным базисом по построению профессионального бренда будущего юриста, самопрезентации своих возможностей и компетенций как для профессиональной среды, так и для широкой общественности. Начав с образовательных видеофильмов, скрайбинга (технология визуализации информации при помощи

различных графических символов и рисунков, причем обязательно простых и ясно доносящих суть), студент может расширить арсенал своего авторского контента за счет презентационных роликов, видеоотчетов с различных профессиональных мероприятий, видеотрансляций знаковых событий для профессионального юридического сообщества и т.д.

Исследование особенностей воздействия таких инновационных педагогических средств представляется актуальным направлением дальнейшего научно-педагогического поиска. Использование этой формы активизации познавательной деятельности студентов вузов способствует повышению уровня мотивации обучающихся; созданию благоприятной среды обучения; повышению качества обучения за счет использования обучающимися аудио-, видеоканалов восприятия информации. В то же время стоит отметить, что для более эффективного использования такой видеопродукции и презентаций в учебных целях необходимо соответствующее методическое обеспечение.

Тем не менее можно констатировать, что создание самостоятельного обучающего видеоконтента и авторских презентаций студентами позволяет одновременно решать несколько педагогических задач: усилить обучающий эффект, сформировать устойчивую мотивацию, расширить общий и профессиональный кругозор, активизировать самостоятельную учебную и познавательную деятельность. Организация научных конкурсов видеофильмов и презентаций позволяет формировать индивидуальную образовательную траекторию каждого студента, способствовать развитию у него готовности к самостоятельной деятельности, творческой культуры личности, в том числе и профессиональных компетенций.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ Минобрнауки России от 1 декабря 2016 г. № 1511 // Российская газета : сайт. URL: https://rg.ru/2017/01/09/minobr-prikaz1511-site-dok.html (дата обращения: 01.05.2020).

2. Конкурсная деятельность как средство формирования мотивации // Детско-юношеский центр «Пилигрим» : сайт. URL: http://dod-piligrim.ru/wp-content/uploads/Statya-dlya-sajta.pdf (дата обращения: 01.05.2020).

3. *Овчаренков Э. А.* Соревнование как способ активизации познавательной деятельности студентов вузов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (ч. 1).

4. *Димитрова Е. А.* Юридическая эстафета как интерактивная форма проведения занятий в вузе // Евразийский союз ученых. 2019. № 6 (63).

5. *Савва Л. И., Савва В. А.* Приемы активизации студентов вуза на лекциях, практических и лабораторных занятиях // Научные публикации – Издательство СибАК : сайт. URL: https://sibac.info/conf/pedagog/xi/25893 (дата обращения: 01.05.2020).

6. *Емельянцев С. Л.* Конкурсы достижений как средство самореализации старшеклассников : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1999.

References

1. Order of the Ministry of Education and Science of Russia of 1 December 2016 No. 1511. URL: https://rg.ru/2017/01/09/minobr-prikaz1511-site-dok.html (date of the application: 01.05.2020).

2. Competitive Activity as a Means of Motivation Formation. URL: http://dod-piligrim.ru/wp-content/uploads/Statya-dlya-sajta.pdf (date of the application: 01.05.2020).

3. *Ovcharenkov E. A.* Competition as a Way to Activate the Cognitive Activity of University Students. *Modern Problems of Science and Education*. 2015. No. 1 (part 1).

4. *Dimitrova E. A.* Legal Relay Race as an Interactive Form of Conducting Classes at a University. *Eurasian Union of Scientists*. 2019. No. 6 (63).

5. *Savva L. I., Savva V. A.* Methods of Activization of University Students at Lectures, Practical and Laboratory Classes. URL: https://sibac.info/conf/pedagog/xi/25893 (date of the application: 01.05.2020).

6. *Emeliantsev S. L.* Competitions of Achievements as a Means of Self-Realization of High School Students: Thesis for a Candidate Degree in Pedagogical Sciences. St. Petersburg, 1999.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОРЯДКА СБОРА И ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ

БАРЧУКОВ
Вадим Каримович
соискатель Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва)
barchukov-vk@mail.ru

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-102-106

Сбор и обработка информации в системе правоохранительных органов имеют организационные основы и осуществляются по следующим направлениям: оказание государственных услуг гражданам как в цифровом пространстве, так и в ходе личного приема; проведение следственных и иных процессуальных действий, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий. Цель статьи – обоснование необходимости создания Единой системы информационного обеспечения и искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов. Методологическую основу работы составили общие и частные методы научного познания реальной и объективной действительности: диалектический, логико-юридический, статистический, системного анализа, конкретный социолого-профессиональный методы исследования. Автором были сделаны следующие выводы: категоризация информации: в зависимости от носителя информации; от систематизации и учета в базах данных; органом, который будет обеспечивать сбор и обработку информации, должен стать ГИАЦ МВД России с его сетью территориальных подразделений в регионах; искусственный интеллект на основе технологии нейронных сетей должен выступать на такой платформе средством обеспечения дифференцированного доступа различных категорий сотрудников правоохранительных органов к информационным ресурсам. Результатом исследования стала разработка подходов к созданию единой цифровой платформы, на базе которой будут размещены различные информационные сервисы и базы данных, доступ к которым будет предоставляться удаленно, с использованием облачных технологий.

Цифровая информация;
правоохранительные органы;
сбор;
обработка;
хранение

Vadim K. BARCHUKOV
Applicant, Higher School of State Audit, Lomonosov Moscow State University (Moscow)
barchukov-vk@mail.ru

ORGANIZATION OF THE PROCEDURE FOR COLLECTING AND PROCESSING INFORMATION BY LAW ENFORCEMENT AGENCIES

The collection and processing of information in the system of law enforcement agencies has an organizational basis, and is carried out in the following areas: providing public services to citizens, both in the digital space and in the course of personal reception; conducting investigative and other procedural actions, as well as conducting operational search activities. The purpose of the article: Justification of the need to create a Unified system of information support and artificial intelligence in the activities of law enforcement agencies. Methods: General and particular methods of scientific knowledge of real and objective reality: dialectical, logical-legal, statistical, system analysis, specific socio-professional research methods. Conclusions: Categorize information: depending on the media; from the systematization and accounting databases; authority to provide collection and processing of information should become the MIAC Ministry of Internal Affairs of Russia with its network of territorial divisions in

Digital information;
law enforcement agencies;
collection;
processing;
storage

regions; an artificial intelligence based on neural network technology should be on the platform by means of providing differentiated access to various categories of employees of law enforcement bodies to information resources. Result: Development of approaches to creating a single digital Board-a form based on which various information services and databases will be placed, access to which will be provided remotely, using cloud technologies.

В каждом правоохранительном органе существует свой подход к организации порядка сбора, обработки и хранения информации правоохранительными органами [1, с. 56], а единые универсальные модели отсутствуют.

Как верно отмечают О. А. Зайцев, П. С. Пастухов, в настоящее время центральным объектом при перестройке правоотношений в цифровую эпоху является цифровая информация. Именно цифровая информация является не только «сообщением, данными» между людьми, но и «орудием, средством» развития общественных отношений, бизнеса, осуществления правоприменительной и правоохранительной деятельности [2, с. 760].

Получение цифровой информации правоохранительными органами происходит по разным направлениям. Одним из направлений является перевод информации, находящейся на бумажных носителях, в электронный формат. Так, например, формировались и в настоящее время продолжают активно накапливать информацию базы данных и автоматизированных информационные поисковые системы Госавтоинспекции МВД России (приказ МВД России от 3 декабря 2007 г. № 1144 (в ред. от 27 января 2014 г.) «О системе информационного обеспечения подразделений Госавтоинспекции»). Такой способ получения информации характерен для порядка получения гражданами различных цифровых услуг, которые требуют перевода бумажной информации на электронные носители.

Однако более актуальным в настоящее время является получение информации в цифровой среде. Современные информационные системы, с учетом использования технологий биометрии (работа подразделений по вопросам миграции МВД России по сбору, анализу и обработке информации при выдаче паспортов, удостоверяющих личность за пределами РФ (приказ МВД России от 16 ноября 2017 г. № 864 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации»)), позволяют формировать цифровой профиль личности. Особенность цифрового профиля состоит в том, что он формируется с рождения и в течение всей жизни, когда гражданин на различных цифровых порталах «Госуслуги» или «Мои документы» г. Москвы пользуется сервисами, предоставляет информацию, которая в дальнейшем может быть доступна правоохранительным органам и стать основой тех или иных автоматизированных информационных поисковых систем (далее – АИПС).

Еще одним каналом получения информации правоохранительными органами и способом формирования системы информационного обеспечения правоохранительных органов является получение информации в ходе производства по уголовным делам и материалам проверок сообщений о преступлениях, при проведении следственных и иных процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий. Часть указанной информации концентрируется в материалах проверки по сообщению о преступлении, материалах уголовных дел и дел оперативного учета. Так, например, по резонансному «делу Ивана Голунова» информация о его перемещениях и реальном месте жительства была получена в сервисе «Яндекс.Такси» [3]. Особенность собирания указанной информации в том, что ее получение требует специального разрешения (например, решения суда), а сама информация не направляется в специализированные информационные системы и не концентрируется в специально созданных базах данных, а аккумулируется в рамках конкретных уголовных дел.

Однако есть и другая категория информации, собранной в рамках уголовного или административного судопроизводства, которая подлежит объединению в рамках конкретных баз данных, являющихся составным элементов автоматизированных информационных систем. Так, например, лица, привлеченные к уголовной ответственности, подлежат обязательному дактилоскопированию с применением системы АДИС ПАПИЛОН [4, с. 7]. После обработки информации Центральный сервер АДИС ПАПИЛОН выдает рекомендательный список лиц, чьи зарегистрированные отпечатки следов рук совпадают с объектом поиска, указанная информация, как отмечают исследователи, повышает возможности правоохранительных органов по раскрытию преступлений «по горячим следам».

Информация также делится на категории: в зависимости от носителя информации (цифровая и на бумажных носителях), в зависимости от того, подлежит ли систематизации и учету в базах данных (информация, подлежащая включению в учеты, и информация конкретно-прикладного характера). Сбор и обработка организуются тремя способами: вручную (материалы уголовных дел и дел оперативного учета), посредством автоматизированных информационных систем и комплексов (например, в органах прокуратуры – АИК «НАДЗОР», АИС «Архивное дело ОП» и др. [5, с. 392], в органах внутренних дел – АИС «Криминал-И», АИПС «Антиквариат» [5, с. 392], Автоматизированная информационно-управляющая система Госавтоинспекции [6, с. 10] и др.), вручную с дальнейшим переводом в электронную форму (АИПС «Оружие», АИПС «Автопоиск» и др.).

При этом ключевая проблема в указанных направлениях и способах сбора и обработки информации состоит в том, что отсутствует единый центр, который бы обеспечивал координацию работы всех правоохранительных органов, исключал бы дублирование информации. Подобная система не исключает случаев, когда, например, два органа, уполномоченные осуществлять оперативно-розыскную деятельность, могут завести дело оперативной разработки на одного и того же лица и не знать об этом. При этом, например, в рамках системы органов внутренних дел существует Главный информационно-аналитический центр МВД России (далее – ГИАЦ МВД России), который аккумулирует информацию по делам оперативного учета [7], и подобная ситуация в рамках системы МВД России исключена. В связи с этим создание Единой системы информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов требует в обязательном порядке появление и органа, который будет обеспечивать сбор и обработку информации. С учетом накопленного опыта такой работы, а также уже проводимой в настоящее время деятельности по сбору, обработке и хранению информации, поступающей по уголовным делам от МВД России, ФСБ России и СК России, органов прокуратуры и судов, представляется, что таким органом мог бы стать ГИАЦ МВД России с его сетью территориальных подразделений в регионах. Такое решение не потребует существенных финансовых затрат, которые, как правило, сопровождают создание новых органов государственной власти. Потребуется лишь увеличение штатной численности ГИАЦ МВД России и региональных ИЦ в объеме пропорциональному количеству правоохранительных органов, включенных в единую систему взаимодействия.

Особое внимание стоит уделить особенностям организации хранения и обеспечения доступа к информации, находящейся в системе информационного обеспечения.

Так, в системе МВД России задачи по обработке, хранению и предоставлению доступа к данным системы информационного обеспечения выполняет Единая информационная система централизованной обработки данных (далее – ЕИС ЦОД). Данная система используется как цифровая платформа, которая аккумулирует в себе различные информационные сервисы и предоставляет доступ к ним, используя облачные технологии. В данной системе приведена архитектура основных автоматизированных информационных систем в соответствие современным требованиям к доступности и надежности информационных ресурсов. На указанной платформе консолидированы разнородные данные, содержащиеся в различных системах МВД России, что обеспечивает возможность универсального доступа к ним для использования в правоохранительной деятельности [4, с. 7]. Кроме того, в рамках данной системы предусмотрена замена различного вида архаично устроенных каталогов и картотек МВД России на единую форму организации сведений, которую можно многократно использовать для обработки и хранения различного рода информации. Однако в настоящее время в полной мере указанная система не функционирует, существуют еще сложности в построении архитектуры технических устройств и организации удаленного доступа. Как отмечают опрошенные нами сотрудники, в настоящее время ЕИОС ЦОД характеризуется универсальностью, но низкой степенью надежности и невозможностью получить доступ с любого стационарного компьютера подразделения внутренних дел, с персонального рабочего места.

Однако проблемы внедрения и отладки информационных систем были и будут всегда, после выработки технологических решений, позволяющих надежно обеспечивать функционирование системы, будут решены задачи по автоматизации практических функций ведомственных сервисов; по хранению и обработке данных, а также по их комплексному анализу и разграничению доступа сотрудников к ресурсам указанной системы.

Ключевая причина, по которой здесь анализируется именно организация обработки, хранения и обеспечения доступа к данным в системы МВД России, состоит в том, что система органов внутренних дел является одной из самых громоздких и масштабных по своему представительству как на федеральном, там и на региональном уровне. В каждой административно-территориальной единице нашей страны существует хотя бы одно подразделение органа внутренних дел либо должностное лицо этих органов (участковый уполномоченный полиции), которые должны обеспечить равный доступ граждан к информационным ресурсам, а также сами сотрудники должны эффективно решать задачи, стоя-

щие перед ними, независимо от места нахождения и времени суток. Это обусловливает сложную структуру данного правоохранительного органа, а также достаточно разветвленную архитектуру системы информационного обеспечения – крупнейшей системы на сегодня в РФ.

Более того, многие правоохранительные органы только начали свою цифровую трансформацию и еще не имеют достаточного опыта организации большого объема информационных ресурсов в рамках единой цифровой платформы. Так, например, Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры была принята только в 2017 г., Следственный комитет РФ и Росгвардия – достаточно «молодые» правоохранительные органы, созданные во втором десятилетии XXI в., ФСБ России, ФТС России и другие службы не имеют такой масштабной системы структурных подразделений, как МВД России. Кроме того, впервые Концепция развития информационного обеспечения органов внутренних дел была разработана и утверждена утратившим в настоящее время силу приказом МВД России от 12 мая 1993 г. № 229 «О мерах по реализации Концепции развития информационного обеспечения органов внутренних дел», в связи с чем опыт организации системы информационного обеспечения МВД России представляет наибольший интерес.

Аналогичную систему, которая существует в настоящее время в рамках органов внутренних дел, и подобную организацию хранения и предоставления информации, на наш взгляд, необходимо создать в рамках Единой системы информационного обеспечения и искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов. При этом роль искусственного интеллекта в такой системе особо важна. Именно на основе технологии нейронных сетей, которые являются составляющей искусственного интеллекта, может быть обеспечен дифференцированный доступ сотрудников правоохранительных органов к информационным ресурсам. Так, на основе сформированных предварительных данных о степени относительной важности различных функций и подсистем, используя метод анализа иерархий (важность допустимо определять в зависимости от уровня ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также уровня должностного лица), нейронные сети будут сами определять, на сколько возможно предоставить доступ конкретному должностному лицу к тем или иным массивам информации, а также уведомлять контролирующие органы о попытке несанкционированного доступа.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Информация, которая является предметом информационного обеспечения, делится на следующие категории: в зависимости от носителя информации (цифровая и на бумажных носителях), в зависимости от того, подлежит ли систематизации и учету в базах данных (информация, подлежащая включению в учеты, и информация конкретно-прикладного характера). Сбор и обработка организуются тремя способами: вручную, посредством автоматизированных информационных систем и комплексов, вручную с дальнейшим переводом в электронную форму.

2. Создание Единой системы информационного обеспечения требует в обязательном порядке появления органа, который будет обеспечивать сбор и обработку информации. Таким органом должен стать ГИАЦ МВД России с его сетью территориальных подразделений в регионах.

3. Организация Единой системы информационного обеспечения и искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов требует создания единой цифровой платформы, на базе которой разместятся различные информационные сервисы и базы данных, доступ к которым может осуществляться удаленно, используя облачные технологии. При этом искусственный интеллект на основе технологии нейронных сетей должен выступать на такой платформе средством обеспечения дифференцированного доступа различных категорий сотрудников правоохранительных органов к информационным ресурсам.

Пристатейный библиографический список

1. *Любавин Н. С., Премузов А. Н.* Понятие и содержание информационно-аналитической деятельности в правоохранительных органах Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 11.

2. *Зайцев О. А., Пастухов П. С.* Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46.

3. «Яндекс.Такси» объяснил, почему передает силовикам историю поездок пассажиров // Коммерсантъ : сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4275469 (дата обращения: 22.05.2020).

4. *Матросова Л. Д., Тангиев В. Р.* Единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России как основа информационного взаимодействия правоохранительных органов // Информационные технологии в деятельности правоохранительных органов : проблемы использования и пути повыше-

ния эффективности : сборник научных статей / редкол. : Л. Д. Матросова и др. Орел : Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, 2016.

5. *Гурулев Д. В.* Правовые и организационные основы использования прокурорами информационных технологий при осуществлении основных видов деятельности прокуратуры // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 8 (124).

6. *Линьков В. В., Исаев М. М.* Автоматизированные информационные системы сбора, обработки и хранения информации о дорожно-транспортных происшествиях // Информационные технологии в деятельности правоохранительных органов : проблемы использования и пути повышения эффективности : сборник научных статей / редкол. : Л. Д. Матросова и др. Орел : Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, 2016.

7. О дополнении положения, определяющего предмет и цели деятельности ФКУ «ГИАЦ МВД России» // МВД России : сайт. URL: https://мвд.рф/news/item/19173083 (дата обращения: 21.05.2020).

References

1. *Liubavin N. S., Premuzov A. N.* The Concept and Content of Information and Analytical Activities in Law Enforcement Agencies of the Russian Federation. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2011. No. 11.

2. *Zaitsev O. A., Pastukhov P. S.* Formation of a New Strategy for Investigating Crimes in the Era of Digital Transformation // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2019. Iss. 46.

3. Yandex.Taxi Explained Why It Transfers the History of Passengers' Trips to the Security Forces. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4275469 (date of the application: 21.05.2020).

4. *Matrosova L. D., Tangiev V. R.* Uniform System It Is Information-Analytical Maintenance of Activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a Basis for Information Interaction of Law Enforcement Agencies. In *Matrosov L. D. et al. (eds.).* Information Technologies in Law Enforcement: Problems of Usage and Ways of Increasing Effectiveness: Collection of Scientific Articles. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukianov, 2016.

5. *Gurulev D. V.* Legal and Organizational Bases of Using Information Technologies by Prosecutors in the Implementation of the Main Activities of the Prosecutor's Office // Bulletin of TSU. 2013. Iss. 8 (124).

6. *Linkov V. V., Isaev M. M.* Automated Information Systems for Collecting, Processing and Storing Information About Road Accidents. In *Matrosov L. D. et al. (eds.).* Information Technologies in Law Enforcement: Problems of Usage and Ways of Increasing Effectiveness: Collection of Scientific Articles. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Named After V. V. Lukianov, 2016.

7. On the Addition of the Provision Defining the Subject and Purpose of the Activity of the Federal Governmental Institution "Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia". URL: https://мвд.рф/news/item/19173083 (date of the application: 21.05.2020).

О СПЕЦИАЛЬНЫХ ДОГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ И ИХ МЕСТЕ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ

ГОРБАЧЕВ
Сергей Александрович
аспирант Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)
sagorbachev@live.ru

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-107-114

Статья посвящена рассмотрению договоров, содержащихся в гл. 27 Гражданского кодекса РФ, определению их сущности, а также определению их места в системе гражданско-правовых договоров. Целью исследования является определение понятия «специальная договорная конструкция», а также места договоров, содержащихся в гл. 27 Гражданского кодекса РФ, в системе гражданско-правовых договоров. Предметом исследования в настоящей работе является нормативное регулирование публичного договора, договора присоединения, предварительного, рамочного и опционного договоров, договора с исполнением по требованию (абонентского договора), договора в пользу третьего лица, а также трудов ведущих российских ученых и материалов судебной практики по указанным договорам. Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, диалектический, логический, системно-структурный) и частнонаучные (формально-юридический) методы научного познания. В статье сделан вывод о том, что все договоры, содержащиеся в гл. 27 Гражданского кодекса РФ (за исключением предварительного договора), не имеют самостоятельного содержания и не могут быть встроены в существующую систему гражданско-правовых договоров. По своей природе рассматриваемые конструкции являются договорными условиями. В связи с этим актуально и значимо рассматривать договоры, содержащиеся в гл. 27 Гражданского кодекса РФ, как «договорные условия». Проведен юридико-технический анализ способов регламентации договоров в гл. 27 Гражданского кодекса РФ, в ходе которого был сделан вывод об отсутствии самостоятельного содержания рассматриваемых договоров. Также сделан вывод о том, что в российском гражданском праве отсутствует сложившаяся система специальных договорных конструкций, поскольку к специальным договорным конструкциям можно отнести исключительно предварительный договор, а создание системы на основе одного элемента невозможно.

Система;
договор;
система гражданско-правовых договоров;
специальные договорные конструкции;
договорные модели;
условия договора;
публичный договор;
договор присоединения;
предварительный договор;
рамочный договор;
опционный договор;
договор с исполнением по требованию (абонентский договор);
договор в пользу третьего лица

Sergei A. GORBACHEV
Postgraduate Student, All-Russian State University of Justice (Moscow)
sagorbachev@live.ru

ON SPECIAL CONTRACTUAL STRUCTURES AND THEIR POSITION IN THE SYSTEM OF CIVIL LAW CONTRACTS

The article is devoted to the consideration of contracts contained in Chapter 27 of the Russian Civil Code, determining their essence, as well as determining their place in the system of civil law contracts. The purpose of the research is to define the concept of "special contractual construction", as well as the place of contracts contained in Chapter 27 of the Russian Civil Code in the system of civil contracts. The subject of research in this paper is the regulation of a public contract, an accession contract, a preliminary contract, framework and option contract, a contract with performance on demand (subscription contract), a contract in favor of a third party, as well as the works of leading Russian scholars and materials of judicial practice on these contracts. The methodological basis of the research was general scientific methods (analysis, dialectical, logical,

System;
contract;
system of civil contracts;
special contractual structures;
contractual models;
contract terms;
public contract;
accession contract;
preliminary contract;
framework contract;

option contract; contract with performance on demand (subscription contract); contract in favor of a third party

system-structural) and privately scientific (formal-legal) methods of scientific cognition. The research concludes that all contracts contained in Chapter 27 of the Russian Civil Code (except for the preliminary treaty) are not independently maintained and cannot be integrated into the existing system of civil contracts. By their essence, the structures under consideration are contractual conditions. In this regard, it is relevant and meaningful to consider the treaties contained in Chapter 27 of the Russian Civil Code as "contractual terms". The research conducted a legal and technical analysis of the ways of regulating contracts in Chapter 27 of the Russian Civil Code, which concluded that there was no independent content of the treaties under consideration. Russian civil law does not have an established system of special contractual structures, since only a preliminary contract can be attributed to special contractual structures, and the creation of a system based on one element is impossible.

На сегодняшний день в доктрине сложились четкие и устоявшиеся подходы к классификации гражданского-правовых договоров, тем не менее, несмотря на то, что гражданское право представляет собой достаточно стабильную отрасль, разработка которой не останавливается и продолжается достаточно длительный период человеческой истории, но в то же время гражданское право – это живой организм, который дополняется новыми элементами, в том числе и в части договорного регулирования.

Проблемам исследования системы гражданско-правовых договоров посвящали работы многие авторитетные современные российские ученые: В. В. Витрянский, М. И. Брагинский [1], Ю. В. Романец [2], Е. Б. Козлова [3] и др. При этом, несмотря на значительный вклад в систематизацию договорных конструкций, указанные работы не в полной мере учитывают изменения, внесенные в рамках реформы гражданского законодательства.

С помощью «системы» можно охарактеризовать любые явления или объекты. «Система» относится к числу общенаучных категорий. Определить объект как систему – значит выделить то отношение, в котором он выступает как система. В прикладном аспекте «целостность» и «системность» рассматриваются как тождественные свойства явлений [4, с. 166].

Согласно Большой российской энциклопедии *систе́ма* (греч. *σύστημα*, позднелатинское *systēma*, букв. – состав, от *συνίστημι* – составлять, ставить вместе; лат. букв. перевод – *compositio*) – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство [5].

Таким образом, признаками, характеризующими систему как таковую, являются:

– наличие нескольких элементов. Система не может состоять из одного элемента, при этом также необходимо учитывать, что и двух элементов в системе не всегда достаточно. Полагаем, что для характеристики системы необходимо три или более элемента;

– целостная связь элементов между собой. Элементы системы должны находиться во взаимодействии (взаимоотношении) друг с другом (образовывать некую иерархию) и, как результат, должны образовывать четкую структуру системы.

Традиционно в доктрине гражданского права «договор» рассматривается в следующих аспектах:

– договор – соглашение;

– договор – сделка;

– договор – юридический факт;

– договор – правоотношение;

– договор – документ.

Исходя же из смысла п. 1 ст. 420 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) договор – это соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей [6].

Таким образом, система *гражданско-правовых договоров* представляет собой совокупность договоров, разделенных на основе единого критерия, позволяющего выявить сходства или различия в правовом регулировании таких соглашений.

В настоящее время в науке гражданского права сложилось два подхода к формированию системы гражданско-правовых договоров:

1) система, основания на делении всех договоров по принципу дихотомии;

2) система, основанная на делении всех договоров по принципу направленности результата.

Дихотоми́я (греч. *διχοτομία* – сечение на два) – метод классификации делением объема понятия (класса, множества) на два соподчиненных его вида по схеме «противоречивой противоположности» [7]. При таком делении каждая его единица исключает другую.

Следовательно, деление договоров, основанное на указанном принципе, является практически бесконечным и одни и те же договоры могут входить в различные группы.

Не углубляясь в особенности систематизации договоров по принципу дихотомии, отметим, что доктрина выработала множество оснований деления договоров

(самостоятельные и несамостоятельные, двусторонние и односторонние, главные и дополнительные, возмездные и безвозмездные, обоснованные и абстрактные, реальные и консенсуальные и др.).

При этом необходимо обратить внимание, что по вопросу классификации договоров на имущественные и организационные в доктрине сложилось два подхода:

1) имущественные и организационные договоры отличаются по направленности, т.е. имущественные договоры направлены лишь на передачу имущества, а организационные определяют процесс передачи имущества, а также определяют порядок взаимоотношений между участниками [8, с. 142];

2) имущественные и организационные договоры отличаются по цели и предмету. Целью имущественных договоров является получение имущества (имущественного блага), целью организационных – создание предпосылок для деятельности (в том числе совместной) лиц [9, с. 229].

Указанные подходы, а также классификация договоров по принципу дихотомии на организационные и имущественные не способны в полной мере раскрыть сущность других договоров, поскольку такое правило также может быть применено, например, при делении договоров на оказание услуг и организационные или на выполнение работ и организационные.

Что касается построения системы договоров по принципу дихотомии, то необходимо обратить внимание на следующе: в доктрине встречаются случаи, когда в зависимости от юридической направленности договоров выделяют основные и предварительные договоры [10, с. 226] или договоры в пользу их участников и договоры в пользу третьего лица [11, с. 597]. При построении системы гражданско-правовых договоров на подобных основаниях всем гражданско-правовым договорам (основным) будут противопоставлены предварительные или в пользу третьего лица. Следовательно, такая классификация не представляет научной ценности. Указное правило также возможно применить при попытке классификации гражданско-правовых договоров на собственно «договорные конструкции» и «специальные договорные конструкции».

Относительно определения организационного договора так и не было выработано доктринального единства. Одни ученые считают, что организационный договор – это взаимное соглашение двух или более сторон, направленное на упорядочивание взаимоотношений и создание предпосылок, необходимых для вступления его участников в другие общественные отношения имущественного характера [12, с. 54]. Другие под организационным понимают договор, по которому стороны обязуются заключить между собой в определенный срок основной договор (несколько основных договоров), некоторые условия которого содержатся в организационном договоре, и (или) совершить действия, способствующие заключению между теми же сторонами основного договора (нескольких основных договоров) [13, с. 12].

По мнению профессора М. Н. Илюшиной, организационному договору присущи следующие черты: во-первых, такие договоры являются промежуточным звеном между ситуацией, когда субъекты вообще не связаны никакими обязательственными отношениями, и ситуацией, когда их отношения уже носят завершенный по своему содержанию характер; во-вторых, их функции очень разнообразны (от организации заключения в будущем отдельно взятого договора (предварительный договор – ст. 429 ГК РФ)) до формирования длительных экономических связей контрагентов, рассчитанных на совершение в будущем неопределенного числа самых разнообразных по своей правовой природе сделок (рамочные соглашения) [14, с. 38].

Смысл классификации договоров состоит в том, чтобы на основе правильно выбранных критериев (нормообразующих признаков) разделить договоры на группы, объединяющие обязательства со сходной регламентацией и разделяющие обязательства с различным регулированием [2, с. 43].

Относительно классификации договоров по направленности результата в доктрине сложилось несколько подходов. Существует подход, когда для выражения сущности (правовой цели) договора и дифференциации договоров употребляют понятие «кауза договора» [15]. Тем не менее за основу принято деление договоров, направленных на: передачу имущества; выполнение работ; оказание услуг; учреждение различных образований [1, с. 398–403].

В науке гражданского права выделяют организационные договоры, т.е. договоры, опосредующие организационные отношения сторон. Организационные отношения проходят через имущественные, личные неимущественные и корпоративные правоотношения, которые и составляют предмет гражданского права, при этом на сегодняшний день необходимости их отдельной (самостоятельной) фиксации не возникает.

Таким образом, предлагаем под *организационным договором* понимать договор, опосредующий гражданско-правовые отношения, направленный на закрепление взаимоотношений сторон для их дальнейшего развития (взаимодействия).

Также в доктрине выделяются и другие виды договоров, которые с абсолютной уверенностью невозможно включить ни в одну из договорных систем. Так, например, к таким договорам относят договор в пользу третьего лица или договор присоединения [16, с. 18], а также полагаем, что к ним можно отнести предпринимательские договоры и организационные договоры.

Таким образом, классификация гражданско-правых договоров не всегда преследует цель определения места тех или иных договоров в общей системе гражданско-правовых договоров, а лишь указывает на наличие в них тех или иных признаков, способных выделить договоры в отдельную группу.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что законодателем также проведена систематизация договоров. В основе системы, заложенной в структуре договоров, содержащихся в части второй ГК РФ, в качестве классифицирующего критерия избран предмет договора, т.е. поименованные договоры помещены в часть вторую Кодекса. При этом отдельные договоры содержатся в других частях ГК РФ.

Вместе с тем статьи, регулирующие отдельные договоры, содержатся в части первой ГК РФ (публичный договор, договор присоединения, предварительный договор, рамочный договор, опционный договор, договор с исполнением по требованию (абонентский договор), договор в пользу третьего лица).

В юридической доктрине не сложилось единого взгляда относительно объединяющего названия указанных договоров. Некоторые именуют такие договоры «типовыми договорными конструкциями» [17, с. 98]. Также встречается мнение о том, что такие договоры – это «гражданско-правовые средства» [18, с. 9]. Также рассматриваемые договоры называют «общие договоры» [19]. Тем не менее традиционно такие договоры в доктрине называют «специальные договорные конструкции» [см., например: 20, с. 26].

Однако единого подхода к тому, какие именно договоры относятся к специальным договорным конструкциям, в науке не сложилось. Так, некоторые ученые относят к специальным договорным конструкциям также государственный контракт [21], договоры на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ [22, с. 7], смарт-контракты [23, с. 51], договоры в сфере государственно-частного партнерства [24, с. 35].

Следовательно, законодатель, помещая отдельные договоры в часть первую ГК РФ, преследовал определенную цель, но какую?

Часть первая ГК РФ включает в себя нормы, содержащие базовые положения гражданского законодательства. Законодатель, помещая такие договоры, как предварительный, рамочный, абонентский и др., в подразд. 2 «Общие положения о договоре» разд. III «Общая часть обязательственного права» ГК РФ, говорит о том, что содержащиеся там нормы являются общими по отношению к нормам, регулирующим отдельные виды (типы) гражданско-правовых договоров.

На первый взгляд рассматриваемые договоры объединяет то, что они могут быть применены практически к любым типам (видам) других договоров. Кроме того, прослеживается их организационная природа.

Как уже было отмечено ранее, нет единого подхода к тому, что такое специальные договорные конструкции и какие договоры к ним можно отнести.

В. В. Витрянский характеризует специальные договорные конструкции следующим образом: «они подлежат применению (в том числе путем их использования сторонами договора при оформлении договорных отношений) практически к любым типам (видам) договорных обязательств, которые обладают необходимым набором признаков, характерных для каждой специальной договорной конструкции» [25, с. 34].

Ю. В. Романец считает, что специальные договорные конструкции потому и специальные, что критериями формирования системы договоров являются любые значимые для права признаки общественных отношений. При этом некоторые критерии служат основой для классификации договоров по принципу дихотомии (деления надвое), при которой одну группу обязательств характеризует наличие этого критерия, а другую – его отсутствие [2, с. 56].

О. С. Юренкова предлагает под специальными договорными конструкциями понимать гражданско-правовую форму выражения нормативной схемы регулирования, созданную в результате мысленного абстрактного обобщения однородных признаков, находящихся с нею в отношении соответствия конкретных договоров, и содержащую универсальное определение законодательной модели таких договоров, специальные требования к их субъектному составу и содержанию, а также к юридическим процедурам их заключения и (или) исполнения, расторжения [26, с. 11].

Понятие специальной договорной конструкции перекликается с известным понятием юридической конструкции. В юридической науке «юридическую конструкцию» отождествляют с логической дедукцией, с теоретическими положениями, со способом регулирования общественных отношений и средством юридической техники [27, с. 19–23]. Также под юридической конструкцией понимают правовые явления, имеющие определенную структуру, строение, характеризующиеся признаком конструкционности [28, с. 28]. С. С. Алексеев под юридической конструкцией понимает модельное построение прав, обязанностей, ответственности, их типовые схемы, в которые облекается юридический материал [29, с. 108].

Конструкция (от лат. *construere* – складывать, строить):

– расположение частей;

– расположение слов в речи, свойственное какому-нибудь языку;

– устройство какого-либо предмета, составление целого из отдельных частей [30].

В науке не сформировалось четких правил употребления категорий «юридическая конструкция»,

«юридическая модель», «договорная конструкция» и «договорная модель». Исходя из анализа работы М. И. Брагинского и В. В. Витрянского можно сделать вывод, что договорная модель представляет собой договор, содержащийся в части второй ГК РФ, т.е. отдельный тип (вид) договора [1].

Следовательно, *договорная конструкция* – это модель соглашения, отвечающая необходимому набору определенных элементов (описывающая внутреннее устройство отношений сторон), т.е. любой тип (вид) гражданско-правового договора, поскольку договор сам по себе обладает определенной структурой и наличием элементов.

Что отличает специальную договорную конструкцию от договорной конструкции?

Законодатель поименовал конструкции и выделил для них специальное регулирование, т.е. указал на необходимые элементы, которые должны содержать такие конструкции. Так, например, если стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу, то такой договор будет признан договором в пользу третьего лица.

Основываясь на выводе, что договорная конструкция – это любой гражданско-правовой договор, необходимо обратить внимание на то, что для признания юридической конструкции договором она должна отвечать всем необходимым условиям о договоре (закреплять волеизъявление двух или более лиц; должна быть направлена на достижение определенного результата; предметом должно быть возникновение, изменение и прекращение гражданских правоотношений (содержание); должна быть облечена в определенную форму) и иметь квалифицирующие признаки.

Проведя юридико-технический анализ «договоров», содержащихся в гл. 27 ГК РФ, отметим следующее: при закреплении характеристики (свойств) публичного, рамочного, абонентского договоров и договоров присоединения и в пользу третьего лица законодателем используется словосочетание «Х признается договор…», где Х – указанные договоры.

В то же время при характеристике договоров, содержащихся в части второй ГК РФ, законодатель избрал иной способ изложения – дается именно определение договора. Схема, применяемая законодателем в части второй ГК РФ, используется и при изложении понятий предварительного и опционного договора, что выделяет их из указанной группы.

Кроме того, договоры, содержащиеся в гл. 27 ГК РФ, могут быть применены практически к любым типам (видам) договоров (например, предварительный договор купли-продажи). При этом такой договор, исходя из положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», не будет считаться смешанным.

Такой вывод высшей судебной инстанции обусловлен устоявшейся точкой зрения о том, что специальные договорные конструкции могут существовать в отрыве от других договоров. Основываясь на вышеуказанном выводе о договорной конструкции, отметим, что не все договоры из гл. 27 ГК РФ можно отнести к договорным конструкциям и, следовательно, нельзя говорить об их «специальности».

Из всех «договоров», указанных в гл. 27 ГК РФ, к договорам в понимании ст. 420 ГК РФ можно отнести только предварительный договор, который имеет вполне определенную цель (содержание) – заключить в будущем договор на условиях, предусмотренных предварительным. Таким образом, предварительный договор является самостоятельным договором в том смысле, что в него могут быть включены квалифицирующие признаки того договора, на заключение которого он направлен, в то время как, например, для договора розничной купли-продажи условие о публичности будет включено именно в него.

Опционный договор, несмотря на схожесть изложения в ГК РФ с предварительным договором, также является неким особым условием в договоре. Например, стороны заключают договор, но исполнение такого договора откладывается до момента востребования одной из сторон.

Открытым остается вопрос о природе оставшихся «договоров» – публичного, рамочного, абонентского, а также договоров присоединения в пользу третьего лица. Такие «договоры» не являются договорными конструкциями, поскольку могут быть самостоятельными, они всегда сочетаются с определенным типом (видом) договора. Они не имеют самостоятельного содержания. Поэтому предлагаем указанные «договоры» вместе с примерными условиями договора (статья 427 ГК РФ) именовать «*договорные условия*».

Само по себе указание в части первой ГК РФ о том, что, например, договор в пользу третьего лица – это договор, не влияет на его природу, поскольку самостоятельного содержания он не имеет. Законодатель лишь описывает особенности субъектного состава, порядка заключения, исполнения, изменения и расторжения таких «договоров», а также иные свойства. Данный факт подтверждается также и тем, что специальные договорные условия содержатся в гл. 27 «Понятие и условия договора» ГК РФ. Для законодательного фиксации природы договорных условий целесообразно трансформировать ст. 426, 428, 429.1, 429.3, 429.4 и 430 ГК РФ, изменив в их наименовании слово «договор» на «договоры».

Таким образом, к особенным договорным конструкциям может быть отнесен лишь предварительный договор, а специальных договорных конструкций российским гражданским законодательством и правом не выработано.

В существующей системе предварительный договор может быть отнесен к организационным договорам, поскольку имеет своей целью упорядочение отношений сторон в будущем, т.е. их регламентацию. Все замечания к встраиванию предварительного договора, направленного на передачу имущества, в систему гражданско-правовых договоров по направленности результата могут быть сняты на том основании, что сам предварительный договор передачу имущества не влечет (так же как выполнения работ и оказания услуг), а влечет лишь возможность в будущем такой передачи, что еще раз подчеркивает его организационный характер.

Пристатейный библиографический список

1. *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М. : Статут, 2001. Кн. 1.

2. *Романец Ю. В.* Система договоров в гражданском праве России : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма ; Инфра-М, 2013.

3. *Козлова Е. Б.* Система договоров, направленных на создание объектов недвижимости. М. : Контракт, 2013.

4. *Полещук И. А.* Системный подход и понятие системы // Наука, техника и образование. 2015. № 10 (16).

5. Большая российская энциклопедия : сайт. URL: https://bigenc.ru/philosophy/text/3666383 (дата обращения: 15.05.2020).

6. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410.

7. Большая российская энциклопедия : сайт. URL: https://bigenc.ru/philosophy/text/1960890 (дата обращения: 15.05.2020).

8. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. В. Витрянский, В. С. Ем, Н. В. Козлова и др. ; отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011. Т. 2 : Обязательственное право.

9. Коммерческое право : учебник для академического бакалавриата / Е. А. Абросимова, А. Т. Амиров, В. А. Белов [и др.] ; под общ. ред. Б. И. Пугинского, В. А. Белова, Е. А. Абросимовой. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017.

10. *Чаусская О. А.* Гражданское право : учебник для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования. М. : Дашков и К, 2007.

11. *Байбак В. В., Егоров Н. Д., Елисеев И. В.* Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. Ю. К. Толстого. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. Т. 1.

12. *Васева Н. В.* Имущественные и организационные гражданско-правовые договоры // Гражданско-правовой договор и его функции : межвузовский сборник научных трудов. Свердловск : УрГУ, 1980.

13. *Подузова Е. Б.* Организационный договор в современном гражданском праве и законодательстве // Гражданское право. 2013. № 3.

14. *Илюшина М. Н.* Проблемы применения организационной природы предварительного договора к отчуждательным сделкам с долями в ООО // Законы России : опыт, анализ, практика. 2011. № 5.

15. *Кашанин А. В*. Кауза гражданско-правового договора как выражение его сущности // Журнал российского права. 2001. № 4.

16. *Синайский В. И.* Русское гражданское право. Киев : Типо-литография «Прогресс», 1918.

17. *Витрянский В. В.* Некоторые итоги кодификации правовых норм о гражданско-правовом договоре // Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2008.

18. *Белов В. А., Дудченко К. В.* «Договоры о договорах» (предварительный и рамочный договоры, опцион на заключение договора) // Законодательство. 2016. № 2.

19. *Сулейменов М. К.* Специальные договорные конструкции (общие договоры) и их место в системе права // Zakon.kz : сайт. URL: https://www.zakon.kz/4970665-spetsialnye-dogovornye-konstruktsii.html (дата обращения: 15.05.2020).

20. *Витрянский В. В.* Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.

21. *Цатурян Е. А.* Государственный контракт в гражданском праве России : проблемы теории и практики : монография. М. : Статут, 2020.

22. *Серова О. А.* Правовое регулирование выполнения научно-исследовательских работ : основные тенденции изменений // Гражданское право. 2020. № 1.

23. *Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В.* Правовая конструкция смарт-контракта : юридическая природа и сфера применения // Lex Russica. 2019. № 8.

24. *Еремин В. В.* О некоторых недостатках правового регулирования государственно-частного партнерства на федеральном и региональном уровнях // Юрист. 2019. № 2.

25. *Витрянский В. В.* Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.

26. *Юренкова О. С.* Специальные договорные конструкции о предоставлении субъективного права требования заключения и исполнения гражданско-правовых договоров в будущем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

27. *Панько К. К.* Юридические конструкции как категории внутренней формы (структуры) уголовного права // Право и политика. 2005. № 3.

28. *Чевычелов В. В.* К вопросу о понятии юридической конструкции // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 11.

29. *Алексеев С. С.* Право : азбука – теория – философия : Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999.

30. Академик : сайт. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/20778/ (дата обращения 15.05.2020).

References

1. *Braginskii M. I., Vitrianskii V. V.* Contract Law. General Provisions. 3rd ed. Moscow: Statut, 2001. Book 1.

2. *Romanets Iu. V.* The System of Contracts in Civil Law of Russia: Monograph. 2nd ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2013.

3. *Kozlova E. B.* The System of Contracts Aimed at the Creation of Real Estate Objects. Moscow: Kontrakt, 2013.

4. *Poleshchuk I. A.* Systems Approach and the Concept of Systems. *Science, Technology and Education*. 2015. No. 10 (16).

5. URL: https://bigenc.ru/philosophy/text/3666383 (date of the application: 15.05.2020).

6. Civil Code of the Russian Federation, Part One of 30 November 1994 No. 51-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301; Part Two from 26 January 1996 № 14-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 5. Art. 410.

7. URL: https://bigenc.ru/philosophy/text/1960890 (date of the application: 15.05.2020).

8. *Vitrianskii V. V., Em V. S., Kozlova N. V. et al.; Sukhanov E. A. (ed.).* Russian Civil Law: Textbook. In 2 vols. 2nd ed. Moscow: Statut, 2011. Vol. 2: Law of Obligations.

9. *Abrosimova E. A., Amirov A. T., Belov V. A. et al.; Puginskii B. I., Belov V. A., Abrosimova E. A. (eds.).* Commercial Law: Textbook for Academic Bachelor's Degree. 5th ed. Moscow: Iurait, 2017.

10. *Chausskaia O. A.* Civil Law: Textbook for Students of Educational Institutions of Secondary Vocational Education. Moscow: Dashkov i K, 2007.

11. *Baibak V. V., Egorov N. D., Eliseev I. V.; Tolstoi Iu. K. (ed.).* Civil Law: Textbook. In 3 vols. 7th ed. Moscow: Prospekt, 2009. Vol. 1.

12. *Vaseva N. V.* Property and Organizational Civil Law Contracts. In Civil Law Contract and its Functions: Inter-university Collection of Scientific Papers. Sverdlovsk: Ural State University, 1980.

13. *Poduzova E. B.* Organizational Agreement in Modern Civil Law and Legislation. *Civil Law*. 2013. No. 3.

14. *Iliushina M. N.* Problems of Applying the Organizational Nature of a Preliminary Agreement to Alienation Transactions with Shares in LLC. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2011. No. 5.

15. *Kashanin A. V.* Causa of a Civil Law Contract as an Expression of its Essence. *Journal of Russian Law*. 2001. No. 4.

16. *Sinaiskii V. I.* Russian Civil Law. Kiev: Typo-Lithograph "Progress", 1918.

17. *Vitrianskii V. V.* Some Results of the Codification of Legal Norms on a Civil Law Contract. In *Medvedev D. A. (ed.).* Codification of Russian Private Law. Moscow: Statut, 2008.

18. *Belov V. A., Dudchenko K. V.* "Agreements on Agreements" (Preliminary and Framework Agreements, Option to Conclude an Agreement). *Legislation*. 2016. No. 2.

19. *Suleimenov M. K.* Special Contractual Structures (General Contracts) and Their Place in the Legal System. URL: https://www.zakon.kz/4970665-spetsialnye-dogovornye-konstruktsii.html (date of the application: 15.05.2020).

20. *Vitrianskii V. V.* The System of Civil Law Contracts in the Context of Reforming Civil Legislation. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2012. No. 1.

21. *Tsaturian E. A.* State Contract in Civil Law of Russia: Problems of Theory and Practice: Monograph. Moscow: Statut, 2020.

22. *Serova O. A.* Legal Regulation of Scientific Research Works: Main Trends of Changes. *Civil Law*. 2020. No. 1.

23. *Grin O. S., Grin E. S., Soloviev A. V.* Legal Structure of a Smart Contract: Legal Nature and Scope. *Lex Russica*. 2019. No. 8.

24. *Eremin V. V.* On Some Shortcomings of Legal Regulation of Public-Private Partnership at the Federal and Regional Levels. *Lawyer*. 2019. No. 2.

25. *Vitrianskii V. V.* The System of Civil Law Contracts in the Context of Reforming Civil Legislation. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 1.

26. *Iurenkova O. S.* Special Contractual Structures on the Provision of Subjective Right to Demand the Conclusion and Execution of Civil Law Contracts in the Future: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2014.

27. *Panko K. K.* Legal Constructions as a Category of the Internal Form (Structure) of Criminal Law. *Law and Politics*. 2005. No. 3.

28. *Chevychelov V. V.* On the Concept of Legal Structure. *State Power and Local Government*. 2005. No. 11.

29. *Alekseev S. S.* Law: ABC – Theory – Philosophy: The Experience of Comprehensive Research. Moscow: Statut, 1999.

30. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/20778/ (date of the application: 15.05.2020).

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ОПЫТ РОССИИ И КИТАЯ (ОБ ИТОГАХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)*

https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-3-115-121

21 мая 2020 г. в рамках реализации научного проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-00729А «Развитие антикоррупционного законодательства в сфере государственного управления» во Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России) в онлайн-формате состоялась Российско-китайская конференция «Реализация государственной политики в сфере противодействия коррупции: опыт России и Китая». Цель проведения мероприятия – развитие международного научного взаимодействия и сотрудничества, обмен опытом и информацией между ведущими учеными и практическими специалистами России и Китая по вопросам реализации государственной политики данных стран в сфере противодействия коррупции. С основными докладами на конференции выступили Бай Лантао, доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права юридического института при Восточно-Китайском педагогическом университете; Се Цзе, доктор юридических наук, доцент Школы правоведения Когуань при Шанхайском университете Цзяотун, постдокторант; Чжан Шаоцянь, доктор юридических наук, профессор Школы правоведения Когуань при Шанхайском университете Цзяотун, директор Исследовательского института уголовного права; Марина Николаевна Илюшина, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права, главный научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор; Егор Викторович Трофимов, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент; Елена Владимировна Фоменко, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент. В ходе конференции обсуждались такие актуальные вопросы, как судебное толкование уголовного закона по практике противодействия коррупции в Китае; применение в ходе реализации государственной антикоррупционной политики России гражданско-правовых механизмов контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам; приоритетные направления реализации российской уголовной политики в сфере противодействия коррупционным преступлениям и основные направления профилактики коррупции; роль Закона о коррупции за рубежом (Foreign Corrupt Practices Act – FCPA) в мировом антикоррупционном процессе. Докладчикам с обеих сторон в завершении конференции были заданы многочисленные вопросы, на которые они аргументировано ответили.

ИВАНОВА
Марина Александровна

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

ivanova2012marina@yandex.ru

ИЛЮШИНА
Марина Николаевна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

alexi59@mail.ru

КОЗЛОВА
Елена Борисовна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

kozlova@urexpert.ru

ФОМЕНКО
Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

89266006361@mail.ru

Коррупция; государственная антикоррупционная политика; противодействие коррупции; мировой антикоррупционный процесс; коррупционные правонарушения; контроль за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках реализации научного проекта № 19-011-00729А «Развитие антикоррупционного законодательства в сфере государственного управления».

Marina A. IVANOVA
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (Moscow)
ivanova2012marina@yandex.ru

Marina N. ILYUSHINA
Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law, All-Russian State University of Justice (Moscow)
alexi59@mail.ru

Elena B. KOZLOVA
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Civil and Business Law, All-Russian State University of Justice (Moscow)
kozlova@urexpert.ru

Elena V. FOMENKO
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (Moscow)
89266006361@mail.ru

Corruption; state anti-corruption policy; anti-corruption; global anti-corruption process; corruption offenses; control over the compliance of the expenses of persons holding public office and other persons with their income

IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION: EXPERIENCE OF RUSSIA AND CHINA (ON THE RESULTS OF THE RUSSIAN-CHINESE CONFERENCE)*

On 21 May 2020, within the framework of the Russian Foundation for Basic Research project No. 19-011-00729A "Development of Anti-Corruption Legislation in the Field of Public Administration", the Russian-Chinese conference was held online at All-Russian State University of Justice "Implementation of State Policy in the Field of Combating Corruption: The Experience of Russia and China". The purpose of the event is to develop international scientific interaction and cooperation, exchange experience and information between leading scientists and practical specialists of Russia and China on the implementation of the state policy of these countries in the field of combating corruption. Keynote speakers at the conference were Bai Lantao – Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Institute of Law at the East China Normal University; Xie Jie – Doctor of Law, Associate Professor at the Koguan School of Law at Shanghai Jiaotong University, Postdoctoral Fellow; Zhang Shaoqian – Doctor of Law, Professor at the Koguan School of Law at Shanghai Jiaotong University, Director of the Criminal Law Research Institute; Marina Nikolaevna Ilyushina – Head of the Department of Civil and Business Law, Chief Researcher at the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor; Egor Viktorovich Trofimov – Deputy Director for Scientific Work of the St. Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor; Elena Vladimirovna Fomenko – Leading Researcher at the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. During the conference, such topical issues were discussed as: judicial interpretation of the criminal law on the practice of combating corruption in China; the application, in the course of the implementation of the state anti-corruption policy of Russia, of civil-law mechanisms of control over the compliance of the expenses of persons holding public office and other persons with their income; priority directions of the implementation of Russian criminal policy in the field of combating corruption crimes and the main directions of corruption prevention; the role of the Foreign Corrupt Practices Act (FCPA) in the global anti-corruption process. At the end of the conference, speakers from both sides were asked numerous questions, to which they answered reasonably.

21 мая 2020 г. во Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России) состоялась Российско-китайская онлайн-конференция «Реализация государственной политики в сфере противодействия коррупции: опыт России и Китая».

Коррупция в современном мире представляет собой реальную угрозу стабильному развитию общества и национальной безопасности любого государства. Глобальные вызовы современности обусловливают тот факт, что противодействие коррупции является важнейшей задачей всего мирового сообщества, а борьба с коррупцией требует от государства принятия мер долгосрочного и системного характера.

За последние несколько лет в России проведена масштабная работа, связанная с принятием целой системы законодательных актов в сфере противодей-

* The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-011-00729A "Development of Anti-Corruption Legislation in Public Administration".

ствия коррупции. Так, были приняты федеральные законы от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» и другие нормативные правовые акты.

По истечении времени, прошедшего с момента принятия этих антикоррупционных законов, стало очевидно, что государственная политика по противодействию коррупции в России не в полной мере является эффективной, что подтверждается в результате анализа официальной статистики по делам коррупционной направленности [1].

Отсюда напрашивается вывод, что действующий механизм реализации государственной политики в сфере противодействия коррупции и правовые средства противодействия коррупции нуждаются в совершенствовании.

В современных условиях государственная антикоррупционная политика нуждается в разработке и реализации разносторонних и последовательных мер устранения и нейтрализации причин и условий, порождающих коррупцию в различных сферах жизни.

Антикоррупционная политика в России реализуется с учетом международно-правовых стандартов и опыта антикоррупционной деятельности зарубежных стран. Например, Российская Федерация активно ведет работу над выполнением рекомендаций Группы государств против коррупции (ГРЕКО), полноправным членом которой Россия является с 2007 г.

Также Российская Федерация ратифицировала ряд международных актов в сфере противодействия коррупции: Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., Конвенцию ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., Конвенцию по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г.

Опыт отдельных государств в сфере противодействия коррупции представляет как научный, так и практический интерес для мирового сообщества. Показательны в этом отношении эмпирика и практика Китайской Народной Республики, где борьба с коррупцией является неотъемлемой частью политической истории и культуры еще с древних времен. Методы и масштабы антикоррупционной политики Китая являются налаженным механизмом, который выступает абсолютным примером в деле противодействия коррупции.

Прошедшая российско-китайская конференция была посвящена исследованию опыта реализации антикоррупционной политики в РФ и Китае. С докладами по самым актуальным и значимым проблемам реализации антикоррупционной политики выступили ведущие российские ученые, которые уже зарекомендовали себя в научном сообществе как специалисты в обсуждаемой на мероприятии тематике [2; 3], а также их коллеги из Китайской Народной Республики.

Открывая мероприятие, с приветственным словом к участникам и гостям конференции выступили *Борис Викторович Яцеленко*, проректор по научной работе ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, и *Лю Сяохун*, ректор Шанхайского университета политики и права, доктор юридических наук, профессор.

Затем по вопросам регламента конференции и с вступительным словом выступили модераторы конференции с российской и китайской сторон – соответственно *Елена Борисовна Козлова*, директор Центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент, и *Чэн Цзиньхуа*, доктор юридических наук Йельского университета (США), профессор, заместитель декана Школы правоведения Когуань при Шанхайском университете Цзяотун.

Первым среди основных выступлений конференции был заслушан доклад *Бай Лантао*, доктора юридических наук, доцента кафедры уголовного права юридического института при Восточно-Китайском педагогическом университете, на тему «*Проблемы квалификации преступлений коррупционной направленности*».

В своем выступлении исследователь отметил, что в Китае преступления коррупционной направленности включают в себя присвоение и взяточничество, представляющее особую сложность при квалификации. Докладчиком были раскрыты научные теории «неподкупности» и «справедливости» («беспристрастности»), различные подходы к квалификации преступлений, связанных с взяточничеством, и научные подходы к вопросу защиты законных прав участников данного преступления в случаях, когда вознаграждение за исполнение профессиональных обязанностей получено государственным служащим после соответствующего их исполнения без факта совершения несправедливых служебных действий и без прямого умысла взяткополучения.

В докладе также было указано на то, что российское уголовное право оказало большое влияние на становление китайского уголовного права и криминологии.

Далее участники конференции заслушали доклад представителя российских ученых *Елены Владимировны Фоменко*, ведущего научного сотрудника цен-

тра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидата юридических наук, доцента, на тему «*Государственная политика России*», посвященный актуальной проблеме реализации государственной политики России в сфере противодействия коррупционным преступлениям и основным направлениям профилактики коррупции в контексте имплементации норм международных конвенций и иных антикоррупционных международных правовых актов. Докладчиком было отмечено, что за последние несколько лет сформированная в РФ система антикоррупционного законодательства является актуальной, эффективной, восприимчивой к новым вызовам и требованиям международной правовой среды, российское антикоррупционное законодательство развивается с учетом предложений и рекомендаций международного сообщества. Так, в период с 2013 по 2019 г. был принят ряд поправок в законодательство РФ, отвечающих рекомендациям Рабочей группы ОЭСР.

В своем выступлении Е. В. Фоменко отметила необходимость укрепления механизма взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов с общественными объединениями и гражданами по вопросам противодействия коррупции. Она подчеркнула, что в своих более ранних исследованиях [4; 5] всегда указывала на то, что в современном обществе важными составляющими управления антикоррупционной политикой являются усиление контроля за решением вопросов, содержащихся в обращениях граждан и юридических лиц, поступающих как непосредственно в правоохранительные, так и в иные государственные органы, а также активизация работы прокуратуры, направленная на изъятие имущества, законность приобретения которого государственными служащими и иными субъектами коррупционных правонарушений не доказана.

Необходимо учитывать региональную специфику распределения детерминантов коррупционных правонарушений. Так, в каждом регионе России помимо общих детерминантов преступности имеется свой набор криминогенных факторов, характеризующих коррупционную преступность. Однозначно назвать количество таких факторов и степень их влияния на преступность сложно, а подчас и практически невозможно. И здесь было бы как нельзя кстати в качестве независимого учитывать мнение населения, которое следует собирать с привлечением сил гражданского общества.

Кроме того, Елена Фоменко в своем выступлении к действенным рычагам повышения эффективности профилактики коррупции отнесла осуществление правового мониторинга, которым занимаются не только уполномоченные органы публичной власти, но и общественные институты, а также акцентировала внимание на том, что без формирования полноценного института общественного контроля и участия представителей гражданского общества в антикоррупционных механизмах едва ли можно результативно противодействовать коррупции.

Кроме того, эффективность противодействия коррупции, по мнению докладчика, напрямую зависит от политической воли государства, направленной в том числе на принятие и реализацию международного опыта в этой сфере.

Дискуссия была продолжена выступлением *Се Цзе*, доктора юридических наук, доцента Школы правоведения Когуань при Шанхайском университете Цзяотун, постдокторанта, который представил доклад на тему «*Судебное толкование уголовного закона по практике противодействия коррупции в дискурсе верховенства права в Китае: модели, опыт и перспективы*».

Докладчиком было отмечено, что в Китае в настоящее время разработано очень много интерпретаций, толкований антикоррупционного законодательства, страна вступила в серьезный, насыщенный этап работы в данном направлении, способствующий объединению теории и практики в рассматриваемой сфере.

В ходе выступления были раскрыты этапы развития и современная ситуация, сложившаяся в стране с судебной интерпретацией преступлений коррупционной направленности, затронуты вопросы перспективного направления стандартов судебной квалификации для применения основных законов к новым видам уголовных дел: взяточничество в виде транзакций, дарения акций или управления финансами, подкуп среди заинтересованных сторон.

Докладчиком было отмечено, что частое изменение уголовного закона в сфере коррупционных преступлений в связи с выработкой судебных интерпретаций является политическим ответом на негативный общественный настрой в отношении коррупционных проявлений. Демаркационная точка между уголовным законодательством и судебным толкованием сформировалась во времена экономического кризиса, так как именно в это время усиливается негативное общественное отношение к коррупции.

В докладе были обозначены различные элементы толкования уголовного законодательства в части коррупционных преступлений, в частности раскрыты количественные и качественные стандарты, применяемые при квалификации соответствующих правонарушений, а также взаимосвязь данных преступлений с уровнем экономического развития страны.

Следующий выступающий продолжила освещение проблем, связанных с повышением эффективности законодательных мер борьбы с коррупционными правонарушениями. Заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор *Марина Николаевна Илюшина* выступила с докладом

на тему «*Применение в государственной антикоррупционной политике гражданско-правовых механизмов контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам*». Докладчик отметила, что одной из форм противодействия коррупции в РФ является осуществление контроля за расходами лиц, замещающих должности, включенные в перечни, установленные нормативными правовыми актами РФ или нормативными актами Центрального банка РФ, а также за расходами их супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, в случаях и в порядке, которые установлены Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Необходимо правовое и организационное осмысление создания и постоянного совершенствования межотраслевого правового механизма изъятия неоправданных и необоснованных доходов, обнаруженных на этапе их расходования, у лиц, которые ни по своему социальному, ни по служебному положению не имеют возможности иметь такие доходы: происходит постоянное уточнение ведомственного законодательства, устанавливающего перечень лиц, подвергающихся указанному контролю. Было отмечено, что в РФ саму юридическую процедуру инициации обращения взыскания в доход государства соответствии с современной редакцией ст. 17 указанного Закона осуществляют органы прокуратуры и освещены основные проблемы применения данного механизма. Ученый рассмотрела и ряд пробелов в законодательстве, которые выявила судебная практика и которые необходимо преодолеть, установив при этом границы применения антикоррупционного законодательства во времени.

В конце доклада М. Н. Илюшина отметила, что не только сформировалась непротиворечивая судебная практика по указанной категории дел, создающая единообразие применения имущественных последствий законодательства о контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам, но и произошло восполнение отдельных его пробелов. Вместе с тем она сделала вывод, что требуются дальнейшие уточнение и совершенствование законодательства в части объектов взыскания, включение в круг указанных объектов денежных средств, валютных средств, антиквариата. Требует учета в законодательстве и позиция правоприменительной практики, поддержанная Конституционным Судом РФ, в части применения имущественных санкций за коррупционные правонарушения должностных лиц в случае, если указанные недоказанные доходы скрываются у иных лиц, в отношении которых не осуществляются меры контроля за соответствием доходов и расходов. Она отметила также, что антикоррупционный механизм не имеет в своем содержании такого гражданско-правового основания взыскания, как взыскание неосновательного обогащения или сбережения.

Дискуссию продолжил *Чжан Шаоцянь*, доктор юридических наук, профессор Школы правоведения Когуань при Шанхайском университете Цзяотун, директор Исследовательского института уголовного права, который выступил докладом на тему «*Совершенствование и развитие китайского антикоррупционного уголовного законодательства после XVIII Национального съезда Коммунистической партии Китая*». В своем докладе профессор отметил, что уголовное право сыграло большую роль в развитии антикоррупционной политики Китайской Народной Республики. Он указал, что и ранее долгое время велась борьба с коррупционными правонарушениями. В 1987 г. были пересмотрены основные положения Особенной части Уголовного кодекса КНР в отношении взяточничества и коррупции. В гл. 8 было сформулировано 13 видов коррупционных составов преступлений, в том числе присвоение, использование общественных средств не по назначению, взяткодательство, взяткополучение со стороны организаций и государственных органов и т.д. В гл. 9 Особенной части УК КНР было предусмотрено 36 составов служебных преступлений, в том числе злоупотребление служебным положением, преступления из корыстных побуждений и т.д. Кроме того, в главе «Преступления против социалистического экономического порядка» были также предусмотрены составы преступлений и установлена ответственность за коммерческий подкуп и взяточничество, за использование преимущественного положения сотрудников государственных предприятий.

Как отметил докладчик, высшие судебные органы также участвовали в становлении антикоррупционного законодательства путем формирования ряда правовых позиций и толкования, формируя таким образом общую тенденцию расширения круга элементов толкования. Требовалось также повысить интенсивность применения уголовного законодательства, сочетая при назначении наказания строгость со снисходительностью. Основные поправки коснулись системы квалификации преступлений взяточничества, подкупа. В результате этого в уголовном законодательстве КНР была создана целостная система квалификации преступлений, связанных со взяточничеством. Таким образом, к преступлениям взяточничества, связанным с деятельностью должностных лиц, были добавлены: взяткополучение, взяткодательство, посредничество во взяткодательстве, взяткополучение организацией, дача взятки организацией, дача взятки с использованием профессиональных преимуществ и др.

По мнению Чжан Шаоцянь, данная квалификация охватывает все виды возможных преступлений в сфере подкупа. Отдельную группу представляют

преступления взяточничества и подкупа, не связанные с деятельностью государственных должностных лиц. К ним относится взяткополучение. Докладчик также отметил, что в отношении преступлений коррупционной направленности была добавлена такая мера ответственности, как пожизненное заключение. Для того чтобы коррупционные преступники не получили экономических преимуществ, во все без исключения составы преступлений, связанных со взятничеством и подкупом, были внесены такие меры наказания, как денежные штрафы и конфискация имущества. Также произошла криминализация наказания для должностных лиц в случае, если они не смогут доказать законность происхождения своего имущества и доходов, – теперь такое правонарушение квалифицируется как преступление.

Докладчик также отметил, что при назначении наказания за коррупционные преступления в КНР осуществляется политика сочетания строгости наказания со снисходительностью. Если преступник признал вину, раскаялся в содеянном, постарался возместить причиненный ущерб, то он заслуживает снисхождения.

Далее профессор Чжан Шаоцянь рассказал о реформе судебной системы, об изменениях уголовно-процессуального законодательства, а также раскрыл функции органов прокуратуры в борьбе с коррупционными преступлениями. Им были освещены основные тенденции применения наказания в отношении должностных лиц за коррупционные преступления, расширения имущественных санкций, особенности судебного контроля за исполнением наказания и особенности судебной практики по коррупционным преступлениям. В заключение своего доклада выступающий предложил ряд мер по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства и международного сотрудничества в борьбе с коррупционными преступлениями.

В завершение конференции с докладом на тему «*Роль U.S. FCPA в мировом антикоррупционном процессе*» выступил *Егор Викторович Трофимов*, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент.

Докладчик отметил, что первая волна глобальных антикоррупционных инициатив в 1970-е гг. была вызвана негативным отношением в США к деятельности транснациональных корпораций в принимающих странах. После обнародования масштабов незаконной и неэтичной деятельности северноамериканских корпораций в развивающихся странах в США с целью восстановления их международного престижа был принят Закон о запрете коррупции за рубежом 1977 г. (*Foreign Corrupt Practices Act – FCPA*), который является одним из наиболее жестких и эффективных национальных актов, применяемых экстерриториально в рамках «*effects doctrine*». Значение этого акта глобально, несмотря на то, что *FCPA* является всего лишь национальным законом.

Докладчиком были раскрыты история принятия рассматриваемого закона, экономические и политические цели и условия его принятия, важнейшие его положения и механизмы его действия как на территории США, так и за их пределами.

В ходе выступления была также раскрыта роль трансграничного действия *FCPA*, в частности его распространение на деятельность: физических и юридических лиц США; физических лиц, не являющихся гражданами США; юридических лиц, организованных в соответствии с иностранным законодательством, но осуществляющих деятельность в США или ценные бумаги которых обращаются на фондовых биржах США.

Ученый рассказал участникам конференции, как с использованием правовых средств, заложенных в *FCPA* еще в 1977 г., власти США с возрастающей активностью применяют многомиллионные санкции к транснациональным корпорациям всего мира.

В завершении своего выступления Е. В. Трофимов резюмировал, что Закон о коррупции за рубежом (*FCPA*) определил дальнейшее развитие антикоррупционного регулирования сначала на международном уровне (в 1990-е и начале 2000-х гг.), а затем и на национальном уровне.

Выступления докладчиков вызвали большой интерес у аудитории: каждый доклад сопровождался активной научной дискуссией; были высказаны взаимные пожелания дальнейшего сотрудничества и намечены пути совместной научной деятельности.

Российско-китайская конференция «Реализация государственной политики в сфере противодействия коррупции: опыт России и Китая» объединила более 140 участников: научных сотрудников, представителей профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов ведущих образовательных и научных учреждений, представителей органов государственной власти, правоохранительных органов, судейского и адвокатского сообществ России, Китая и Белоруссии.

Пристатейный библиографический список

1. За 2019 год в РФ было вынесено 15562 обвинительных приговоров по делам коррупционной направленности. Общий ущерб по оконченным уголовным делам составил порядка 102 миллиардов рублей // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=150 (дата обращения: 18.07.2020).

2. *Басос Е. В. и др.* Антикоррупционное законодательство в сфере государственного управления : проблемы и перспективы : коллективная монография. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019.

3. *Kozlova E. B., Gureev V. A., Iliushina M. N., Kazachkova Z. M., Fomenko E. V.* Theoretical Aspects of Anti-Corruption Enlightenment as Factor of System Increase of Efficiency of Activity of Federal Executive Authorities (on the Example of the Federal Bailiff Service of Russia) // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2019. T. 7. No. 3.

4. *Фоменко Е. В.* Современная отечественная уголовно-правовая политика в сфере противодействия коррупционным преступлениям : направления реализации // Наука и новация : современные проблемы теории и практики права : сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках IV Международного фестиваля науки. М. : Московский государственный областной университет, 2019.

5. *Фоменко Е. В.* Об уголовной ответственности юридических лиц за совершение преступления коррупционной направленности // Закон и право. 2016. № 2.

References

1. For 2019, 15562 Convictions in Corruption Cases Were Issued in the Russian Federation. The Total Damage in the Completed Criminal Cases Amounted to About 102 Billion Rubles. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=150 (date of the application: 18.07.2020).

2. *Basos E. V. et al.* Anti-Corruption Legislation in the Sphere of Public Administration: Problems and Prospects: Collective Monograph. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2019.

3. *Kozlova E. B., Gureev V. A., Ilyushina M. N., Kazachkova Z. M., Fomenko E. V.* Theoretical Aspects of Anti-Corruption Enlightenment as Factor of System Increase of Efficiency of Activity of Federal Executive Authorities (on the Example of the Federal Bailiff Service of Russia). *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 2019. Vol. 7. No. 3.

4. *Fomenko E. V.* Modern Domestic Criminal Law Policy in the Field of Combating Corruption Crimes: Directions of Implementation. In Science and Innovation: Modern Problems of Theory and Practice of Law: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference in the Framework of the IV International Festival of Science. Moscow: Moscow State Regional University, 2019.

5. *Fomenko E. V.* On Criminal Liability of Legal Entities for Committing Corruption-Related Crimes. *Law and Law*. 2016. No. 2.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ

ВАДА – Всемирное антидопинговое агентство

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ГАИ – Госавтоинспекция

ДТП – дорожно-транспортное происшествие

МВД – Министерство внутренних дел

МИД России – Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минфин России – Министерство финансов Российской Федерации

Минюст России – Министерство юстиции Российской Федерации

млн – миллион (-ы)

МЧС России – Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО – Организация Североатлантического договора

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

ОВД – органы внутренних дел

ООН – Организация Объединенных Наций

п. – пункт (-ы)

Рособрнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки

Роспотребнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Росреестр – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ – Российская Федерация

СЗ – Собрание законодательства

СНК – Совет народных комиссаров

ст. – статья (-и)

СУ – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства

США – Соединенные Штаты Америки

УИС – уголовно-исполнительная система

ч. – часть (-и)

ЮАР – Южно-Африканская Республика

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Редакция журнала «Вестник Российской правовой академии» (далее — Вестник РПА, журнал) принимает к рассмотрению рукописи статей при условии:

- соблюдения требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала;
- соответствия представленных материалов общей тематике журнала и его рубрикации;
- соблюдения публикационной этики, правил приема и рецензирования рукописей статей.

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности, научную новизну, оригинальность, апелляцию к оппонентам, наличие дискуссии, выводы, отражающие основные результаты проведенного исследования. Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала Вестник РПА.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- объем – не менее 12 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде нумерованного пристатейного списка, в тексте использовать квадратные скобки с указанием номера издания и страницы (например, [1, с. 5]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Для рисунков необходимо использовать черный краситель, фотографии не глянцевать. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign — отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентскую контактную информацию (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации от 1000 печатных знаков. Аннотация должна содержать актуальность, предмет, цель работы, методологию проведенного исследования; отражать основное содержание и новизну статьи, основные результаты; область их применения, выводы. Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %. Остальные 40 % текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются. Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

Более подробная информация представлена на сайте журнала: http://journal.rpa-mu.ru.

ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 3 / 2020

Редактор: *О.В. Виноградова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 10.11.2020. Формат 60x90 $^{1}/_{8}$. Печ. л. 15,5.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.
Заказ №

Адрес редакции:
121096, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 11
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 6025.
E-mail: journal@rpa-mjust.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Издатель:
ООО «Издательство «Деловой стиль»
1119602, г. Москва, ул. Тропарёвская, владение 4, этаж 2, комн. 802.
E-mail: justice@ds-publishing.ru
www.ds-publishing.ru

Типография:
АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, кор. 5.
Тел.: +7 (499) 322-38-30, +7 (499) 322-38-32.
E-mail: info@T8print.ru
www.t8print.ru

ISSN 2072-9936
9 772072 993603